

СТАРАЯ ЛАДОГА

Международная археологическая
экспедиция-школа



2004



ГП ИПК «ВЕСТИ»
Санкт-Петербург
2004

INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
STARAYA LADOGA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF INSTITUTE
OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE GOVERNMENT OF SAINT-PETERSBURG
STATE INSTITUTION
«SAINT-PETERSBURG CENTER OF INTERNATIONAL COOPERATION»

STARAYA LADOGA

THE FIRST INTERNATIONAL
ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION-SCHOOL

Scientists and Writers
about Culture, History, Archaeology, Art,
Language, Literature and Politics

Saint-Petersburg
GP IPK «Vesti»

2004

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СТАРОЛАДОЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

АДМИНИСТРАЦИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА»

СТАРАЯ ЛАДОГА

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ-ШКОЛА

Ученые и писатели
о культуре, истории, археологии, искусстве,
языке, литературе и политике

Санкт-Петербург
ГП ИПК «Вести»

2004

*Издание выходит в свет благодаря поддержке
Администрации Санкт-Петербурга*

В сборнике приводится разнообразный материал, посвященный актуальным вопросам культуры, истории, археологии, искусства, языка, литературы и политики. Представлены статьи и лекции, прочитанные в ходе международной экспедиции-школы в Старой Ладоге, о культурном наследии Старой Ладогы, Новгорода и других древнерусских центров. Затронута тема о соотечественниках, проживающих в разных странах мира.

Издание предназначено всем, кто интересуется новейшими разработками гуманитарного направления.

Редакционная коллегия:

А. Н. КИРПИЧНИКОВ (ответственный редактор), М. Н. ТОЛСТОЙ

Все цветные фотографии выполнены
А. Н. Кирпичниковым, М. Н. Толстым и любезно предоставлены пресс-службой Президента РФ (отмечены звездочкой).

НЕОТПИТАЯ ЧАША

В заголовке использовано выражение Н. К. Рериха. Он писал, что Русь стоит точно «неотпитая чаша» — «полный целебный источник». «... Пройдёт испытание. Всенародная, крепкая доверием и делом Русь стряхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберется сил. Найдет клады подземные... Самоцветами горит подземная сила. Русь верит и ждет». (Н. Рерих. Пути благословения. М. 2002. Стр. 153). Для нашего времени поразительно актуально. В этой образной символической картине найдется место и Старой Ладогe с её величайшими историческими ценностями, во многом ещё неизвестными, ненайденными подземными кладами, затаившимися неожиданностями. Полное открытие этого мира ещё не настало, этот праздник ещё в будущем, ещё будет подарок всей России. Хочется по-сильно приблизить это время...

В сентябре 2003 г. во время проведения в Санкт-Петербурге IV Международной конференции «Культура российского зарубежья» в разговоре с одним из организаторов конференции, проф. М. Н. Толстым, возникла идея организовать в Старой Ладогe, где давно работает археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН, международную экспедицию-школу с участием российских соотечественников, живущих за рубежом. Многим из них небезразлична история Родины. Старая Ладога — лучший полигон для такого рода интересов. Ещё двенадцать веков тому назад наши далекие предки начали в этом месте создавать городскую цивилизацию и укреплять, налаживать международную торговую систему.

Задуманное удалось осуществить с помощью Санкт-Петербургского Центра международного сотрудничества (генеральный директор С. Т. Ходько) при финансовой поддержке Комитета по внешним связям и туризму Санкт-Петербурга (председатель А. В. Прохоренко).

В июле-августе 2004 г. археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН провела в Старой

Ладоге очередные раскопки. В её составе работали молодые люди из Эстонии, Литвы, Финляндии, Германии, США, Норвегии и Австрии. Отметим их руководителей: Р. Э. Сабурову, Т. Л. Михнёву, Н. В. Бирсанову, Н. П. Шебалина, Т. А. Генцель-Энберг. Общее руководство иностранцами-соотечественниками осуществлял М. Н. Толстой. Общее настроение зарубежных участников поездки в Старую Ладугу так выразила студентка из Эстонии: «Россия помнит о нас, если приглашает в такие увлекательные экспедиции».

Вместе с соотечественниками на раскопках трудились студенты Ленинградского государственного областного университета им. А. С. Пушкина (руководители Н. Н. Богемская и О. И. Вербовой), студенты Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (под началом преподавателей М. В. Рон и К. Г. Антонян). Активную помощь оказали 43 воспитанника и 9 офицеров (под руководством полковника Г. Н. Федяева) Санкт-Петербургского Суворовского военного училища МВД России (начальник генерал-майор милиции Н. В. Румянцев). Костяк экспедиции составили археологи-профессионалы: В. И. Кильдюшевский, Я. В. Френкель, О. И. Богуславский, А. А. Селин, А. И. Волковицкий, Т. Б. Синиченкова, Н. А. Ефимова, Н. В. Григорьева. В экспедиции также участвовали приехавшие из Казани археозоолог Г. Ш. Асылгараева, историк-аспирантка Ю. М. Садыкова, студентка О. В. Григорьева. Фиксацию всего найденного вели художники С. В. Ковалев и А. Б. Иванова. Экспедиции также помогали Староладожский музей-заповедник (директор Л. А. Губчевская) и местный Дом культуры (директор Н. А. Малышева). Наши работы поддержало Законодательное собрание Ленинградской области (депутат Г. Г. Самсоненко, его помощник Ю. А. Сяков).

Объединение людей, приехавших из разных стран, и вузовской молодежи оказалось на редкость удачным. Все они со всё возрастающим интересом прошли школу археологии, познакомились с методикой раскопок, научились разбирать культурный слой, приобрели навыки в фиксации и обработке обнаруженного материала. Жалоб на некоторую бытовую неустроенность и физически тяжелый труд не поступало. Работа шла заинтересованно, без обычных в таких делах раскачек и затяжек. Многим она подарила часы азартного поиска и открыла загадочный мир прошлого, который предстаёт под лопатой раскопщика. Для

студентов были созданы максимально приемлемые условия быта и питания. Регулярно проводились лекции и выездные экскурсии по историческим местам: в Новгород, Петергоф, Пушкин, Стрельну, конечно, в Санкт-Петербург, а также экскурсии по Старой Ладогe.

Раскопки в Старой Ладогe привлекают всё больше общественное внимание. С ними летом 2004 г. познакомилась делегация ученых Татарстана — участников международного проекта «Великий Волжский путь», группы музейных работников Швеции и Финляндии.

Культурный слой древней Ладоги вызывает повышенный научный интерес. Мокрые слои этого средневекового города, достигавшие толщины до 5–6 м, способствовали поразительной сохранности органического материала: древесина сохранила свой цвет, кожа — гибкость, изделия из дерева — свою форму. Раскопки раскрыли картину тесной, скученной застройки посада и позволили представить не только жилую архитектуру, но и, по доставшимся археологам предметам, реконструировать быт и занятия горожан. Периодически строения горели, но вскоре на прежних местах отстраивались новые, иногда даже повторявшие прежний план. Это свидетельствует о непрерывности жизни и потомственной устойчивости домовых, скорее всего, семейных владений. Подземная Ладoga и сегодня — своеобразный, огромный, ещё непознанный музей городской жизни первых веков русской истории.

Во время раскопок в 2004 г. были обнаружены исключительно богатые остатками деревянных построек и находками слои середины и третьей четверти IX века. Отрыты сохранившиеся в своих различных частях четыре жилища-мастерских. Их владельцы изготовляли украшения из латуни, кости, янтаря, стекла. В одном из жилищ оказались тигли и заготовки для литья — из золотистой латуни (весом каждый 46 г), а также весовые гири с арабскими надписями (весом 130 и 263 г). Гири — признак торговли на вес. Эти находки, таким образом, свидетельствуют о том, что человек, занимавшийся изготовлением различных украшений, был одновременно торговцем. О существовании в Ладогe универсальных ремесленников — сбытчиков своей продукции, догадывались по прежним раскопкам, но нынешние раскопки — наиболее убедительное тому подтверждение.

Дома, раскрытые в 2004 г., судя по их планам и деталям устройства, относились к жилищам-пятистенкам (т. е. состо-

ящим из сеней и отапливаемого покоя с очагом в центре) и домам с галерейной обноской (отапливаемая камера с центральным очагом окружалась дополнительным наружным «футляром»). У одного из сооружений сохранился порог — вход шириной 0,5 м. При расчистках обнаружены мостовые и околодомные выкладки из плах, найдена цинковка из прутьев, большое деревянное блюдо. Особо примечательным оказалось копьё с древком длиной 1,9 м с затупленным наконечником. Это первое древнерусское копьё с полностью сохранившимся древком, скорее всего, оно предназначалось для турниров и выучки молодых воинов. Всего в течение сезона 2004 г. обнаружено 850 вещевых, частью уникальных, находок. Особенно много открылось бус из цветного стекла, горного хрусталя, янтаря, сердолика. Судя по их материалу, бусы могли импортироваться в Ладогу издалека; часть стеклянных изготавливалась, несомненно, на месте.

Среди находок выделяются формочки для отливки блях и подвесок из свинца и олова, служивших нашивками на костюм. Такие украшения были присущи славянам Восточной Европы. В Ладогу они проникли из более южных областей и стали здесь вырабатываться в массовом количестве. Речь идет о своеобразных этноопределителях, которые указывают на заметное присутствие славян в составе городского населения Ладоги в период, когда на берегах Волхова появился скандинавский выходец Рюрик. О «городских» славянах свидетельствуют также массовые находки обломков лепной посуды, несомненно, местного происхождения. Подробный анализ всего найденного требует дальнейшего изучения, но и сегодня можно констатировать важное научное и музейное значение новонайденного материала. Добытая в 2004 г. коллекция вещей оказалась настолько обильной и разнообразной, что позволила вскоре после окончания раскопок организовать с помощью управляющей компании строительного холдинга «Эталон—ЛенСпецСМУ» выставку «Исторические находки Старой Ладоги».

С деятельностью Староладожской археологической экспедиции связаны определенные события государственной значимости. 9 декабря 2002 г. Президентом РФ В. В. Путиным был подписан Указ «О праздновании 1250-летия основания с. Старая Ладога Ленинградской области». Дата основания города в низовьях р. Волхов, определенная археологами, впервые была признана в качестве общерусского государственного юбилея.

Беспрецедентным явилось посещение главой России Старой Ладogi 17 июля 2003 г. и 17 июля 2004 г. В последнем случае Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН было доверено принимать В. В. Путина как своего гостя. Руководитель страны проявил глубокий интерес к работе археологов, спустился в раскоп, внимательно ознакомился с находками (вместе с сопровождавшими его президентом РАН Ю. С. Осиповым, полномочным представителем Президента РФ в Северо-Западном Федеральном округе И. И. Клебановым, губернатором Ленинградской области В. П. Сердюковым, помощником Президента РФ А. С. Абрамовым, советником Президента РФ А. Н. Илларионовым). Особое внимание В. В. Путин обратил на копье в связи с тем, что оно (случай редчайший) имело полностью сохранившееся древко длиной 190 см. По поводу увиденных им жилищ-мастерских, в которых производились украшения, Президент РФ заметил, что на эти вещи явно был спрос, и люди разного уровня достатка хотели жить красиво. Был также задан вопрос о первой столице Руси. В нашем ответе было подчеркнуто, что именно в Ладогe князь Рюрик после приезда провёл 2—3 года. Этот центр, следовательно, явился первой резиденцией заморского пришельца, его стольным городом, где было положено начало строительства державы. За чаепитием с участниками экспедиции после осмотра раскопа В. В. Путин так отозвался о труде археологов: «Должен сказать, что это очень нужное и полезное дело, потому что это живая история, не выдуманная из головы, не предположенная, а факты». Высокому гостю были вручены книги, посвященные культуре древней Ладogi, и один из инструментов археолога — пикировка. Большое впечатление на Президента РФ произвело посещение могилы легендарного князя Олега Вещего и открывающаяся с этого места, полная неотразимого природного очарования, панорама Старой Ладogi и ее памятников. В. В. Путин поддержал просьбу о финансировании работ экспедиции Российской академии наук. С благодарностью отмечу, что уже после отъезда В. В. Путина из Старой Ладogi по его распоряжению экспедиции было выделено из резервного фонда специальное пособие для обработки находок и их публикации.

Здесь не могу не отметить, что в 2003—2004 гг. я имел честь дважды в Старой Ладогe и один раз в Москве беседовать

с Президентом РФ о событиях русской истории и их общественном и научном значении. При этом были высказаны давно накопившиеся пожелания и предложения. В их числе проекты издания книг по культурному наследию, принятие законодательных мер по охране памятников истории и культуры, просьба о скорейшем принятии закона против грабительской деятельности т. н. «черных археологов». Речь также шла о налоговых льготах спонсорам, финансирующим проекты по развитию культуры, образования и науки; повышении статуса Староладожского музея-заповедника как особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации; о создании международной экспедиции-школы на базе раскопок в Старой Ладоге; о проведении международной конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем»; наконец, о квалифицированном написании учебников по истории с изложением положительного опыта прошлого*.

В ответных высказываниях В. В. Путина подчеркивалась возросшая заинтересованность власти и общества в познании прошлого России, необходимость создания полноценной исторической литературы. В своем выступлении в Старой Ладоге 17 июля 2003 г. Президент РФ критически заметил: «Один из тех, кто занимается поддержанием и исследованием Старой Ладогы, сказал, что это наша историческая память. Нужно только отметить, что, к сожалению, она у нас короткая. Мы мало занимаемся этим, и думаю, что в том числе и в этом — корень наших проблем, потому что если мы плохо знаем нашу историю, то у нас неясные ориентиры развития. Так всегда было».

Нет слов, упрек в недооценке нашей истории на общественном уровне справедлив. Можно надеяться, что такая позиция государственного деятеля поможет, в частности, более интенсивному развитию и пропаганде академической, в том числе и археологической науки. Некоторые действия уже предприняты или намечены.

Президиум Санкт-Петербургского научного центра РАН на своем заседании 25 декабря 2003 г. по докладу А. Н. Кирпични-

* В Москве в этом разговоре кроме историков А. Н. Сахарова, А. А. Чубарьяна и Б. М. Соловьева участвовал советник Президента РФ по экономическим вопросам А. Н. Илларионов (он же инициатор данной и других встреч с Президентом РФ, за что приношу ему глубокую благодарность).

кова о встрече Президента РФ с историками и культурологами в Москве принял постановление, одобряющее предложенные тогда инициативы гуманитарного характера.

Столь долгожданное, можно сказать, окрыляющее внимание Кремля к «священным камням» русской истории и культуре побудило нас выступить с рассчитанными на перспективу специальными предложениями, посвященными сбережению и пропаганде старолadoжских исторических объектов (Приложение 1 к данной статье). Будем надеяться, что в развитии села и Старолadoжского музея-заповедника наступает новый период, связанный с признанием и уважением прошлого вечной России.

В заключение считаю своим приятным долгом выразить сердечную благодарность всем тем, кто в кризисные времена пришел на помощь Старолadoжской археологической экспедиции, что обеспечило непрерывность ее деятельности.

Моральную и финансовую поддержку работам экспедиции в разные годы оказывали Правительство Ленинградской области, Федеральная целевая программа «Интеграция», Президиум РАН, Министерство культуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский общественный фонд «Реформы и политика», Казанский совет народных депутатов, ОАО «Металлург», Сясьский целлюлозно-бумажный комбинат, ОАО «Нева-Ленд», Инвестиционная компания «ЛенмонтажСтрой», ОАО «Лиговка», торговая фирма «Офис-клуб Балтика», муниципальное образование «Волховский район», компания «Дэвис энд Дэнн», ОАО «Межотраслевой вексельный дом топливно-энергетического комплекса», издательский дом «Русская симфония», объединение «Дорстройпроект», фирма ИКЕА, Администрация Санкт-Петербурга. Наша признательность депутату Законодательного собрания Ленинградской области Г. Г. Самсоненко и его помощнику Ю. А. Сякову, подарившим экспедиции очень эффективный металлоискатель.

В настоящем сборнике на суд читателей представлены статьи ученых, писателей, общественных деятелей, выступавших перед участниками Старолadoжской археологической экспедиции и сотрудниками Старолadoжского музея-заповедника летом 2004 г. по широкому кругу гуманитарных проблем. Составителям сборника эти выступления показались настолько интересными, что было решено их опубликовать. Часть статей печатается в записи, как они излагались докладчиками. Мы с удо-

влетворением отмечаем, что в предлагаемом сборнике удалось собрать вместе разнообразные, тематически неординарные выступления питерских гуманитариев. Вместе с ними хочется сказать читательской аудитории с полной убежденностью: «Берегите Старую Ладугу!»

Приложение 1

ПРОГРАММА развития Староладожского музея-заповедника и поселка Старая Ладога

В последнее время историческое, научное, общественное и государственное значение с. Старая Ладога в Ленинградской области резко усилилось. Историко-культурная и познавательно-туристская ценность этого населенного пункта — старейшего в России древнего города — получила новую научную и общественную оценку. В 2003 г. на государственном уровне было отмечено 1250-летие основания древней Ладоги, в ходе своего развития ставшей стольным городом — столицей образующегося Древнерусского государства, во главе которого в IX в. встал легендарный варяжский князь Рюрик. Не случайно сюда, в Старую Ладугу, в 2003 и 2004 годах приезжал Президент Российского государства В. В. Путин. Все эти обстоятельства побуждают предложить перспективную программу обновления Старой Ладоги и как музея-заповедника, и как туристского объекта, и как населенного пункта Волховского района Ленинградской области в расчете на то, что эта программа, позволительно назвать её президентской, будет поддержана как областной, так и центральной властью РФ.

Данная программа базируется на том, что Староладожский музей-заповедник федерального значения, занимающий центральную часть села площадью 190 га, находится в нерасторжимой связи с жилой частью населенного пункта.

Ныне все настойчивее поступают предложения о возведении в Старой Ладоге разных построек и восстановлении некоторых старых зданий. Санкт-Петербургский государственный университет, например, собирается устроить в двухэтажном доме (бывшем доме священника) на Варяжской улице свою учебную базу. Этот процесс, чтобы он не был стихийным и не принес ущерба структуре и облику музея-заповедника, нуждается в строгом контроле и упорядочении.

Необходимо привести в порядок центральную часть Староладожского музея-заповедника — Каменную крепость IX—XVI вв. Для этого следует возобновить реставрацию в первую очередь

западной стороны крепости, включая Стрелочную и Раскатные башни. Следует накрыть кровлей уникальную в архитектуре России торговую арку, продолжить консервацию стены XII в., лестницу Тайничной башни XVI в., отремонтировать церковь Дмитрия Солунского XVII века, кровли Воротной и Климентовской башен. По поводу затрат на реставрацию крепости XVI в. Президенту РФ 17 июля 2004 г. вручено специальное письмо.

Давно назрела наземная демонстрация в музейных целях с помощью выступающих на поверхность консервирующих кладок нижних частей церквей XII в.: Св. Климента, Спаса и Воскресения. Музей получит три важнейших опорных архитектурно-археологических объекта.

Пришло время полностью возратить Санкт-Петербургской епархии Успенский монастырь, заключив с ним договор о совместном с музеем использовании Успенского собора XII в. Желательно оказать государственную поддержку в восстановлении зданий и обводных стен Успенского и Никольского монастырей в Старой Ладоге. Президент РФ во время посещения в 2003 г. Старой Ладogi обещал оказать финансовую помощь в восстановлении зданий Никольского монастыря. По поводу затрат на реставрацию упомянутого Успенского собора 17 июля 2004 г. Президенту РФ вручено специальное письмо. Считаю, что Санкт-Петербургской епархии следует возратить приведенные в порядок, но не используемые музеем-заповедником часовню на Варяжской улице и церковь Алексея-человека Божия на сельском кладбище.

В целях сбережения редкого памятника и действенности исторического пейзажа необходимо полностью воссоздать т. н. могилу Олега Вещего, нарастив ее верх на 5 м и засыпав мусорную воронку на ее вершине. «Могилу Олега» и соседние сопки (их также следует подсыпать и задерновать) необходимо огородить и сделать платными для посещения. Подъем на «Могилу Олега» можно сделать в виде деревянной лестницы со стороны р. Волхов.

На «Земляном городище» в центре села, на его раскопанной ранее части, целесообразно воссоздание дома купцов-русов с организацией внутри него имитационного производства на выбор: по стеклу, кости, латуни. Достоверные данные для возведения такого дома имеются. На берегу Волхова у «Земляного городища» и Каменной крепости возможен причал для катания посетителей музея-заповедника на воссозданных ладьях эпохи викингов.

На территории бывшей усадьбы Томиловых-Шварцев было бы важно воссоздать одноэтажный господский дом с мемориально-художественным назначением (его чертежи удалось отыскать в архиве), а в каменном здании риги устроить, как вариант, торговые ряды или ремесленную слободу по производству изделий народных промыслов. Практически все громадные художественные ценности усадьбы, накопленные в XIX—начале XX вв. последним

владельцем, переданы в Русский музей. В восстановленном господском доме возможна выставка из собраний Русского музея «Храм искусств в русском селе».

Старая Ладога остро нуждается в гостинице на 60–70 мест. Ее можно устроить в заброшенном двухэтажном доме на Малышевой горе или на одном из пустующих участков Варяжской улицы. Альтернативно для строительства гостиницы подходит и окраинная зона урочища «Победище», обращенная в сторону села. Строительство гостиницы на Малышевой горе собирается осуществить МЧС (что нуждается в проверке).

За годы раскопок, начиная с 1972 г., Староладожской археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН в Староладожский музей-заповедник было передано свыше 25 000 находок VIII–XVIII вв. Следует расширить демонстрацию этих международных по происхождению изделий только небольшой частью представленных на 2-м этаже открытого в 2003 г. Музея археологии. Это можно сделать путем пристройки к существующему зданию нового помещения по Варяжской улице.

В отремонтированном ныне Информационно-досуговом центре в дополнение к его собственной деятельности целесообразно устраивать выставки по истории, культуре, археологии, искусству, хозяйству, промышленности и жизнедеятельности Волховского края с тем, чтобы некоторые из них демонстрировались в Санкт-Петербурге и других городах Северо-Запада и России. Здесь же возможно проводить специальные фольклорно-обрядовые костюмированные праздники, пиры, свадьбы и юбилеи.

Очень важно соорудить объездную дорогу для проезда вокруг Старой Ладogi автотранспорта, а центральную улицу села превратить в пешеходную зону.

Для сезонного расположения Староладожской археологической экспедиции ИМК РАН и расквартирования сотрудников экспедиции необходимо отремонтировать пустующий деревянный дом в центре села, оснастив его канализацией и водопроводом. Музей-заповедник — владелец дома большую часть года может использовать в качестве своей гостиницы. Просьба о финансировании ремонта упомянутого дома передана Президенту РФ 17 июля 2004 г.

В 2004 г. Староладожской археологической экспедицией была организована школа-экспедиция, в которой приняли участие молодые люди из Литвы, Эстонии, Германии, Норвегии, Австрии, США, Финляндии. Проект оказался очень эффективным. Его целесообразно продолжить при условии государственной финансовой поддержки. Трудно переоценить патриотическую роль приобщения русских людей, живущих за рубежом, к русской истории, ее корням.

В селе уместен памятник основателю правящей династии и создателю Русского государства князю Рюрику.

Следует обратить внимание на полностью разрушенную и брошенную базу бывшего Ленинградского отделения Союза художников в с. Горка вблизи с. Старая Ладога. В прошлом это было имение князей Шаховских. В этом месте расположено городище Любша с находками IV—XIII вв. Вся эта территория, включая парк, входит в охранную зону музея-заповедника, однако никем не сберегается, все постройки разрушены. На этой «ничейной земле», расторгнув договор с организацией художников, возможно построить гостиницу, оздоровительный центр, базу отдыха или туристский комплекс.

Руководству музея-заповедника во избежание самозахвата земли, разрушения памятников и культурного слоя следует принять новый устав, учитывающий интересы жителей села, и добиться утверждения границ охранных зон. Необходимо постепенно выселить незаконно проживающих на «Земляном городище» домовладельцев. В музее важно организовать отдел археологии, лабораторию реставрации деревянных и металлических изделий, а также мебели и произведений искусства. На исторических объектах следует установить охранные доски, а в центре села поместить карту памятников Старой Ладоги, необходимо также разработать герб Старой Ладоги.

Музею-заповеднику вредит отсутствие ученого совета, в результате чего тормозится последовательная, продуманная на перспективу деятельность. Музей, к сожалению, не поддерживает в финансовом отношении работу археологической экспедиции, которая является главным источником его новых поступлений. Такого рода отчисления в период растущих доходов музея-заповедника оправданы.

Археологическая экспедиция Института истории материальной культуры РАН, работающая в Старой Ладоге с 1972 г., нуждается в постоянной финансовой поддержке со стороны РАН. Благодаря поддержке Президента РФ 17 июля 2004 г. была достигнута договоренность с Президентом РАН Ю. С. Осиповым о такого рода ежегодной поддержке. Раз в 3—4 года в Старой Ладоге на базе музея-заповедника с помощью Правительства Ленинградской области и Российской академии наук целесообразно проводить международные конференции по истории, археологии и культуре древней Ладоги и Евразийского мира.

Нуждается в узаконении ежегодный день основания Старой Ладоги (например, 16 августа).

Для более эффективного обустройства Старой Ладоги необходим международный Клуб друзей Старой Ладоги, состоящий из деловых людей, ученых, музейщиков и представителей власти. Назрела необходимость создания Попечительского совета и Фонда поддержки Старой Ладоги. Их участниками могут быть представители Законодательного собрания и правительства Ленинградской

области, муниципального округа, Староладожского музея-заповедника, Староладожской археологической экспедиции РАН, Информационно-досугового центра в Старой Ладоге, а также деловые люди Волхова, Санкт-Петербурга и Москвы. Попечительский совет может работать под патронажем представительства Президента РФ по Северо-Западному Федеральному округу и Правительства Ленинградской области.

Историко-археологические памятники Старой Ладogi с учетом их выдающегося международного и отечественного значения должны быть выдвинуты в качестве комплекса, достойного эгиды и охраны ЮНЕСКО.

С учетом федерального статуса музея-заповедника его следует точно именовать «Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник», а не музей-заповедник «Старая Ладога», как его называют сейчас.

По всем затронутым вопросам и выдвинутым предложениям предлагается провести заседание с участием всех заинтересованных сторон в Северо-Западном Федеральном округе. На этом заседании можно было бы установить очередность мер по развитию Старой Ладogi. Рассмотрение предложений программы предполагает содействие и помощь федеральной власти. Сил одной Ленинградской области здесь, вероятно, недостаточно.

Настоящие предложения предварительно обсуждены с депутатом, председателем постоянной комиссии по науке, образованию, культуре, молодежи и спорту Законодательного собрания Ленинградской области, кандидатом исторических наук Г. Г. Самсоненко и писателем, автором известной научно-популярной книги «Тайны Старой Ладogi», кандидатом исторических наук Ю. А. Сяковым*.

* Высказанные предложения направлены руководству Северо-Западного Федерального округа, Правительству и Законодательному собранию Ленинградской области и другим заинтересованным учреждениям и организациям.



Церковь Рождества Иоанна Предтечи

Старая Ладога. Вид от могилы Олега Вещего





Каменная крепость с церковью Св. Георгия. Вид от Волхова

Каменная крепость. Видны храмы Св. Георгия и
Св. Дмитрия Солунского





Каменная крепость со стороны входа



Ход раскопок в 2004 г.

В раскопе видно основание дома-пятистенка. Середина IX в.





Постройка IX в., виден порог
дома с проходом
шириной 0,5 м



Бревно с зарубками —
часть домовая лестницы

Рабочий момент раскопок. 2004 г.



Н. Шebaлин.
Скоро нести носилки



Общий вид раскопа.
На заднем фоне
Климентовская башня
Каменной крепости



Расчистка жилища. IX в.





Подведение итогов недели раскопок. Июль 2004 г.

О. И. Вербовой,
преподаватель
Ленинградского
государственного
областного университета
им. А. С. Пушкина



Н. Шебалин (США)
и студентка
того же университета
Е. Иванченко

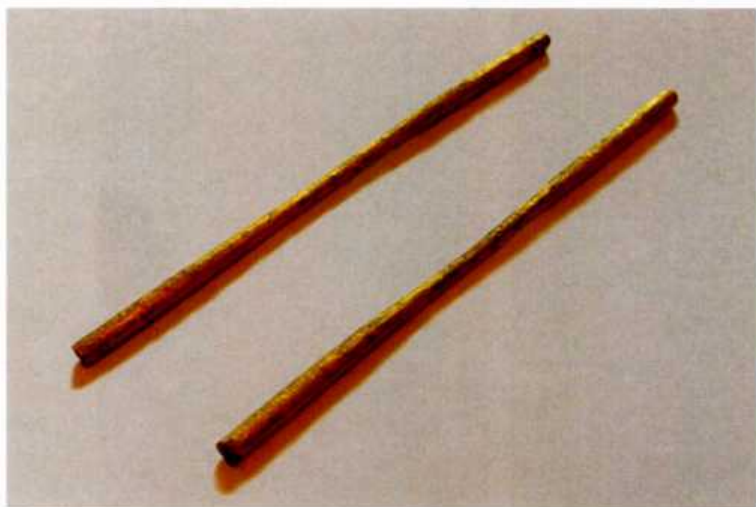




Железные гири с арабскими надписями. IX в.



Форма
для отливки
украшений
костюма, состоящих
из свинца и олова. IX в.



Стержни из золотистой латуни — заготовки для отливки украшений. IX в.



Бусы цветного стекла. IX в.



Наконечники стрел, нож,
клепальник (инструмент
для расклепывания заклепок,
скрепляющих борта ладей). IX в.



Воспитанники Санкт-Петербургского Суворовского военного училища МВД России во главе с начальником училища генерал-майором милиции Н. В. Румянцевым, полковником Г. Н. Федяевым и офицерами училища



Участники экспедиции 2004 г. из России, а также Эстонии, Литвы, Финляндии, Германии, Норвегии, Австрии, США



Г. Г. Самсоненко преподносит экспедиции подарок — металлоискатель



Встреча с делегацией ученых Татарстана



Е. Н. Носов выступает
в Старой Ладоге



Е. Н. Носов показывает участникам экспедиции памятники
Новгорода Великого

Д. А. Мачинский



Т. Н. Толстая после своего выступления с участниками экспедиции и приглашенными



А. Н. Кирпичников и
М. Н. Толстой

М. Б. Пиотровский,
А. Н. Кирпичников и
М. Н. Толстой у памятного
камня, поставленного
в Старой Ладогe в 2003 г.





Чаепитие в день окончания раскопок. 2004 г.



Благодарственные грамоты участникам экспедиции 2004 г.
Справа налево: Ю. А. Сяков, М. Н. Толстой, Т. Н. Толстая,
Л. А. Губчевская



Прощальный снимок

Сопровождающие Президента РФ в Старой Ладоге:
В. П. Сердюков, И. И. Клебанов, Ю. С. Осипов, А. С. Абрамов,
А. Н. Илларионов





Президент РФ В. В. Путин на «Земляном городище» Старой Ладogi.
17 июля 2004 г.



Посещение Президентом РФ В. В. Путиным раскопок
в Старой Ладогге. 17 июля 2004 г.

Стоим на слое середины IX в. *





Осмотр археологических находок *

Вручается книга *



Президент РФ В. В. Путин,
президент РАН Ю. С. Осипов,
А. Н. Кирпичников,
М. Н. Толстой в раскопе





В. П. Сердюков дарит В. В. Путину саперную лопатку для раскопок в Старой Ладогге, фото П. К. Афанасенко



На берегу Волхова. Слева направо: В. П. Сердюков, В. В. Путин, А. Н. Кирпичников



В. В. Путин с участниками экспедиции и сотрудниками
Староладожского музея-заповедника. 17 июля 2004 года



На сопке легендарного князя Олега Вещего

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, О. И. БОГУСЛАВСКИЙ

ДРЕВНЯЯ ЛАДОГА — СТОЛЬНЫЙ ГОРОД, КРЕПОСТЬ И ПОРТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОССИИ

Старая Ладога Волховского района Ленинградской области — подлинная историческая драгоценность Волховского края, Ленинградской земли, России и, шире, всей Европы. В ее истории обнаруживаются исторические рекорды мирового культурного уровня и значения. Старая Ладога (до 1704 г. — город Ладога) основана в 753 г. Эта дата установлена археологическим путем с помощью дендрохронологии. Ни один город России и Балтийской Европы не имеет столь точной и определенной по своей давности даты возникновения. Этот город сыграл выдающуюся роль в создании русской городской цивилизации и способствовал более уверенному выходу славян и русских на арену международной истории.

Город Ладога за восемь веков до основания в 1703 г. Санкт-Петербурга — первое «окно в Европу» славян-русских, ключевой город-порт на великих трансконтинентальных евразийских торговых путях Балто-Волжском и Балто-Днепровском. В создании Ладоги воплотилась «балтийская идея» славян получить выход к Балтийскому морю, к свободным связям с Западной Европой, Скандинавией, западнославянским Поморьем. В первые века русской истории Ладога преобразующим образом повлияла на процессы экономической и культурной интеграции народов Евразии, на развитие мировой торговли и судоходства.

Уже 1000 лет тому назад Ладога — экономически процветающий город, порт и гавань международных купеческих флотилий, мировая ярмарка лучших в Европе мехов северных народов, производящий ремесленный центр украшений, бытовых изделий, оружия, вывозившихся в соседние регионы.

В переломный период создания европейских государств и городов Ладога оказалась своеобразным «серебряным банком» Европы. Через нее на Запад поступала основная масса международной в тот период валюты, какой были серебряные исламские монеты-дирхемы. Это способствовало невиданному обогащению целых стран и народов Старого Света, ускорившему развитие экономики, культуры и техники.

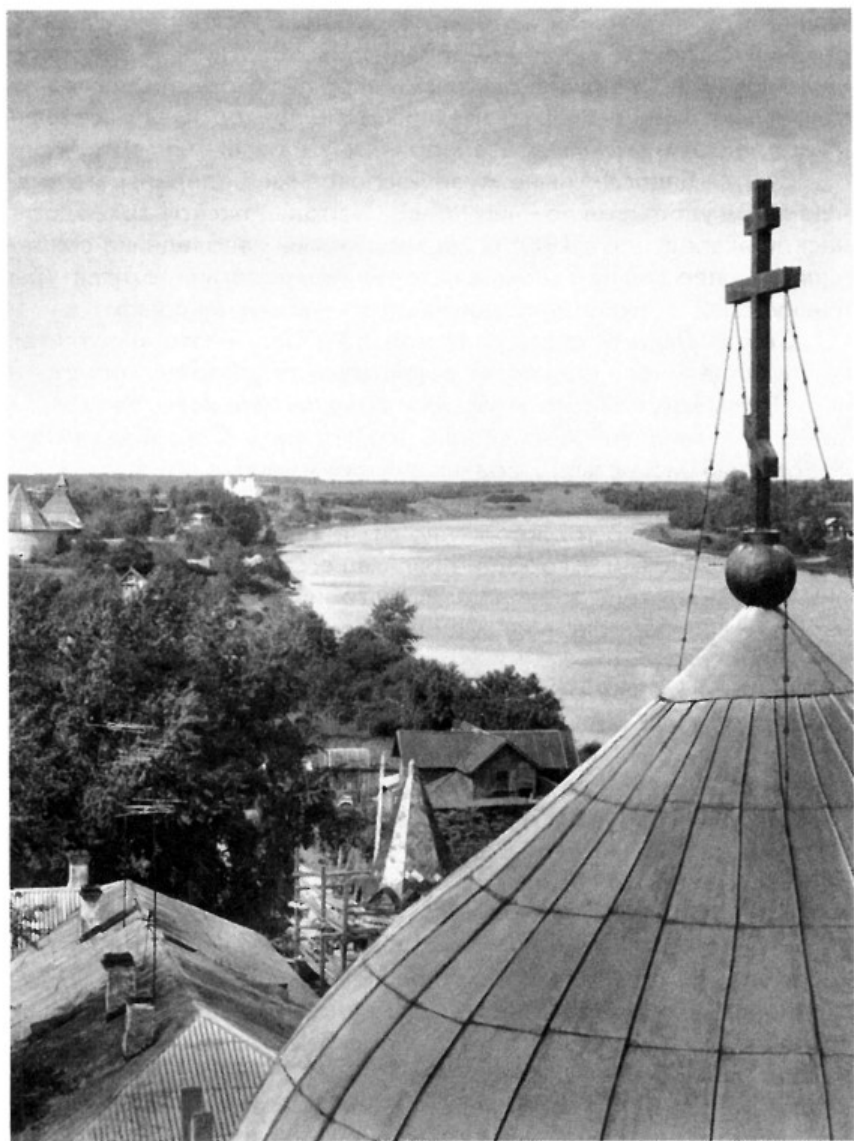
Ладога демонстрирует актуальную в наши дни модель межэтнического мира и сотрудничества народов Запада и Востока. В эпоху раннего средневековья Ладога представляла многоязычный Вавилон, поражающий гармоничной уживаемостью титульного базового этноса — славян с финнами, скандинавами, фризами, арабами, булгарами и представителями других народов тогдашнего мира. Здесь произошла историческая встреча людей Запада и Востока, породившая небывалые достижения в области материальной и духовной культуры.

Ладога явилась первой государственной столицей исторической России. В 862 г. здесь, согласно достоверным летописным данным, появился знатный скандинав (или полускандинав, полуславянин) — Рюрик с братьями, ставший основателем правящей на Руси единой династии. Начался новый период русской истории, озаглавленный сложением крупнейшей в Европе многонациональной державы со столицами, первоначально в Ладоге, затем — Предновгороде (Рюриково городище), затем — Киеве. Инициатива консолидации государства была выдвинута Северной Русью под руководством первых Рюриковичей — дальновидных объединителей земель восточных славян.

Ладога стала порубежной крепостью, защищавшей северные рубежи страны, включая Южное Приладожье, и свидетельством тому являются три последовательно сооружавшихся в IX, XII и XVI вв. каменных и одной дерево-земляной крепостей, имевшей новаторскую для своего времени фортификацию.

В ранний период своего развития Ладога явилась лидером особой Ладожской земли. Ее ядром была городская волость, занимавшая ключевое положение на важнейшем невско-волховском отрезке (длиной около 60 км) мировых водных путей, соединявших Балтику с Каспийским и Черным морями. В этой полосе находились многорядные Гостинопольские и Пчевские пороги (ныне не существуют) и обслуживавшие их укрепленные городки и приречные сельские поселения. Зона влияния Ладоги не ограничивалась приречной полосой у Волхова, называвшейся Порожской землей, а простиралась по меньшей мере до Онежского озера на востоке и Ижорского плато на западе. В орбите Ладоги находились финские аборигены края: приладожская чудь, весь, ижора, а также лопь. По времени своего формирования Ладожская земля предшествовала Новгородской.

В Ладоге впервые стали воздвигаться особые крутобокие могильные холмы — коллективные усыпальницы веривших в язы-



Панорама Староладожского музея-заповедника.
Вид от Никольского монастыря

ческих богов горожан. Затем погребения этого типа распространились по всей области словен новгородских. В христианскую эпоху, в XII в. в Ладоге также впервые строят крестовокупольные четырехстолпные трехапсидные приходские, расписанные фресками, храмы, затем принятые на всем Севере Руси.

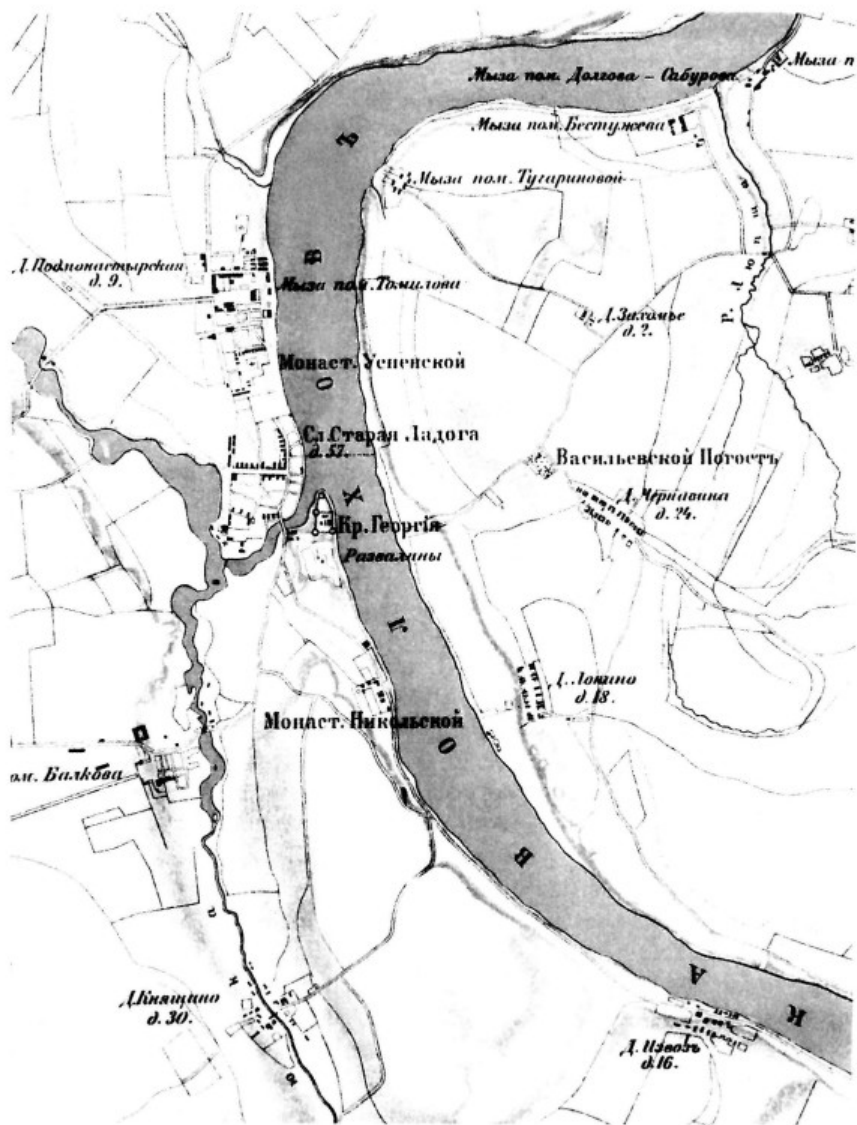
Старая Ладога — ныне музей-заповедник федерального значения. Он учрежден по инициативе Староладожской археологической экспедиции в 1984 г. На территории заповедника сохранилось более 160 памятников истории, археологии, архитектуры и искусства, а также природный исторический ландшафт.

Старая Ладога, словами Николая Рериха, — это «неотпитая чаша». Еще много предстоит в ней открыть, сберечь, обустроить. Здесь ждут своего открытия великие ценности. Знаковым событием явилось перенесение из Италии в Староладожский Никольский монастырь, возникший примерно в XII в., мощей Николая-Чудотворца, и по сей день считающихся исцеляющими.

В 2003 г. было торжественно отмечено 1250-летие основания Старой Ладоги — города, повлиявшего на ход русской истории. За этим стоит возвращение исторической памяти нашего народа и государства, возвращение памяти о славном прошлом вечной России.

Местность, где расположена Старая Ладога — своеобразный оазис, весьма благоприятный для жизни. Он тянется в длину примерно на 2 км, а в ширину — до 600 м, полосой от Мальшевой горы на севере до нагорья Победище на юге. На западе эта территория ограничена грядой с населенным пунктом Ахматова гора, на востоке — рекой Волхов с находящимися на его правом берегу деревнями Чернавино и Лопино. Близость воды, плодородные почвы, транспортная доступность — все это создавало здесь особые условия для удобного строительства, доступа к корабельным пристаням, освоения земельных угодий.

Ландшафт Старой Ладоги даже в современном, несколько изменившемся виде, оставляет неотразимое впечатление. В 1899 г. сюда приехал художник Н. К. Рерих, и вот что он записал в своем путевом дневнике: «Взбираемся на бугор, — писал Рерих, — и перед нами один из лучших русских пейзажей. Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами и светлыми хвостами течения посередине; по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом, один красивее другого. Из-за кургана, наполовину скры-



Старая Ладога и её окрестности. План второй половины XIX в.

тая пахотным черным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелеными главами. Подле самой воды — типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее в беспорядке — серые и желтоватые остовы посада вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды, что-то белеет, а за всем этим густо зеленый бор — все больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно историческое настроение. <...> Вместе с чувством уважения вас наполняет какой-то удивительный покой, будто смотрите куда-то далеко, без первого плана <...> Именно чувство родной старины наполняет вас при взгляде на Старую Ладугу. Я, — продолжал Н. К. Рерих, — почти уверен, что даже поэту пейзаж будет превосходная тема, если он в тихий вечер, когда по всему небу разбежались узорчатые причудливые тучи, постоит на плоту, недалеко от Успенского монастыря в Старой Ладогe, и поглядит на крепостную церковь, посад, на далекий Никольский монастырь — все это, облитое последним лучом, спокойно отразившееся в засыпающем Волхове. Стоит только отвернуться — и перед Вами другой мотив, не менее прекрасный. Старый сад Успенского монастыря, стена и угловые башенки прямо уходят в воду, потому что Волхов в разливе. Сквозь уродливые переплетшиеся ветки сохнувших высоких деревьев, с черными шапками грачевых гнезд по вершинам, чувствуется холодноватый силуэт церкви новгородского типа. За нею ровный пахотный берег и далекие сопки, фон — огневая вечерняя заря, тушующая первый план и неясными темными пятнами выдвигающая ряд черных фигур, что медленно направляются из монастырских ворот к реке — то послушницы идут за водой».

Описанная Рерихом панорамная картина села на Волхове изменилась немногим. Старая Ладoga изобилует уникальными архитектурными памятниками. О создании и истории некоторых из них мало что известно. Такова, например, Староладожская каменная крепость. Именно с изучения этих последних и начала свою работу воссозданная в 1972 г. Староладожская археологическая экспедиция.

В конце XV—начале XVI вв. неизвестные зодчие, не исключено, что это были итальянцы или греки, построили на мысу, образованном реками Волхов и Ладожка, приспособленную к



Крепость в Старой Ладоге.

Рисунок В. А. Прохорова. Государственный Русский Музей

огнестрельному бою твердыню с пятью мощными каменными башнями. К XVIII в. крепость постепенно потеряла военное назначение и стала разрушаться. В XIX в. этот процесс стал катастрофическим — исчезли части стен и башен, местами они полностью развалились.

При виде руины крепостных стен конца XV—XVI вв. не вспоминалось известие из летописи 1113 или 1114 гг. о том, что князь Мстислав Великий — последний властитель единой Руси — заложил в Ладоге крепость «камением на приспе», то есть насыпи. Известие подтвердилось. При обследовании существующей фортификации удалось заметить в груде камней какие-то особые включения в виде плитяных стенок. В 1972 г. была произведена прорезка вала, с юга ограждающего крепость, и неожиданно на его гребне была обнаружена стена, относящаяся, как удалось выяснить, к XII в. и действительно находящаяся «на приспе» в виде земляного вала. Эта стена сохранилась в своей нижней части, а в одном месте у берега Волхова ее удалось зафиксировать почти на полную высоту — 8,5 м. Обнаруженная в Ладоге стена начала XII в. была построена таким образом, что обеспечивала круговую оборону укрепления.

Ради экономии сил и средств фортификаторы конца XV в. не разрушили предшествовавшую постройку, а как бы вмуровали ее в новую. В одном месте обнажившейся стены начала



Каменная крепость в Старой Ладогe после реставрации. Вид от р. Ладожка

XII в. обнаружили сквозную арку, открытую в сторону Волхова и находящуюся на высоте не менее 6 м над его уровнем. Через арку, по-видимому, поднимали грузы и воду внутрь крепости (колодцев в крепости не было). Ничего подобного среди военных построек Руси еще не встречалось.

Во время поиска кладок начала XII в. на трехметровой глубине неожиданно обвалилась стенка раскопа и открылась кладка из плитняка на глине. В дальнейшем это сооружение, включавшее башню, удалось проследить почти по всему периметру мыса. Это укрепление было преднамеренно разрушено — стена была повалена на землю, целыми блоками лежали опрокинутые плиты. Выяснилось, что новообнаруженная каменная преграда была построена еще в конце IX в. и по своей давности была едва ли не первой известной нам каменной крепостью на Руси.

Итак, на месте одной каменной крепости были найдены еще две ее предшественницы. Однако на этом поиск не окончился. С юга к каменной крепости, как упоминалось, примыкает так

называемое «Земляное городище» с расплывшимися полураскопанными бастионами и куртинами. Удалось найти прямое известие о строительстве между 1584—1586 гг. на месте ладожского посада, так называемого «Земляного города»: земляной крепости. На первый взгляд соседство каменной и земляной крепостей выглядит странным. Однако в действительности здесь нет противоречия. В XVI в. артиллерия достигла такой силы, что ядра пробивали самые мощные каменные преграды, в земляных же они вязли, причиняя им лишь ограниченный ущерб. Инженеры обратились к земляным насыпям, как к более эффективным в защите от противника. На Руси такие новации, представлявшие собой земляные основания, увенчанные башнями и срубами, пустотелыми или наполненными грунтом, появились еще в конце XV в., а в XVI в. их стали создавать все чаще. Ладожская земляная крепость оказалась в этом ряду одной из ранних и редких. Выяснение подробностей ее строительства позволило установить, что такие сооружения в России появились задолго до эпохи Петра. Считалось, что только при Петре начали строить бастионные фортификации. В действительности, в Московском государстве это новшество появилось раньше, чем в ряде других европейских стран.

На территории упомянутой выше каменной крепости конца XV—XVI вв. высится храм Св. Георгия, благодаря своим фрескам получивший общеевропейскую художественную известность. Если бы в Старой Ладоге не было ничего, кроме этого памятника, то и тогда она могла бы рассматриваться как уникальный объект искусства и архитектуры национального и международного значения.

Строительство церкви относят к 1165—1166 гг. и связывают с победой над шведским войском, напавшим на Ладогу в 1164 г. Ладожане сожгли свои дома на посаде и затворились в крепости во главе с посадником Нежатой. Штурм был безуспешным. Подоспела помощь из Новгорода, шведы отступили в сторону восточного побережья Ладоги, где и были разбиты, потеряв почти весь свой флот. В память об одержанной победе, как полагают, и была заложена церковь Св. Георгия, небесного покровителя и защитника ладожан. Его изображение было помещено на почетном месте в диаконнике храма и освещено специальным окном. Следовательно, роспись церкви была задумана одновременно с ее постройкой.

Церковь Св. Георгия представляет собой небольшой четырехстопный храм с тремя апсидами. Сложена из чередующихся рядов известняковых плит и кирпичей на известковом растворе с примесью толченого кирпича. Здание полностью сохранилось. Оно перекрыто коробовыми сводами, которым на фасадах соответствуют полукружья закомар; барабан увенчан шлемовидной главой. В западной стене внутри храма сделана лестница на хоры, в северной и южной частях которых располагаются небольшие замкнутые камеры. Эти камеры соединяет деревянный помост, с которого открывается вид на среднюю часть храма и алтарь.

Церковь Св. Георгия, как отмечают исследователи, относится к особому типу приходских храмов, который выработался в середине XII в. в Ладоге. В то время, а точнее в третьей четверти XII в., здесь было воздвигнуто шесть подобных монументальных построек. Для своего времени это своеобразный рекорд. В дальнейшем сложившийся в Ладоге тип храма был полностью перенесен в Новгород и воспринят в других городах. Можно даже говорить о существовании ладожской архитектурной школы. В течение веков церковь Св. Георгия испытала немало превратностей. В связи с одним из ремонтов она, впервые как монастырская, упомянута в 1445 г. Уже тогда имели место утраты росписи. До нас, к сожалению, дошла ее малая часть (около 150 кв. м).

К юго-западу от церкви Св. Георгия расположена деревянная церковь Св. Дмитрия Солунского. Этот святой, подобно Георгию, считался покровителем воинов, и появление в крепости второго воинского молитвенного дома неслучайно. Да и функционально он был связан с Георгиевским. Летом служили в последнем, а зимой службу устраивали в деревянной церкви. Впервые церковь Св. Дмитрия Солунского упомянута в документе 1646 г., но построена была, вероятно, в период восстановления Ладоги после вражеских нашествий Смутного времени. В 1730 г. по челобитью прихожан постройка была обновлена. «Пригодные для дальнейшего использования бревна использовались при возведении новой церкви, а непригодные сожжены, и пепел с отменным благочестием был собран, завязан в холст и опущен в воду». В 1901 г. обветшавшую церковь вновь чинили, она была переложена по прежнему образцу. Несмотря на все ремонты, здание сохранило первоначальный облик и состоит из



Церковь Св. Георгия

объединенных в одно торжественное целое притвора-сеней, трапезной и собственно церкви. С востока прирублен пятигранный алтарь. Верх церкви увенчан луковичной главкой с крестом, покрытой лемехом. Убранство церкви не сохранилось. Наиболее ценные иконы вывезены в Русский музей. Построек, подобных церкви Св. Дмитрия Солунского, сохранилось немного, тем ценнее это сооружение — ныне одно из редчайших на территории Северной России.

Следы былой деятельности ладожан не только видны над землей, но и скрыты в ее недрах. Лучшая иллюстрация этого — так называемое «Земляное городище», которое с юга примыкает к каменной крепости. Валы и бастионы городища были насыпаны, как отмечалось выше, между 1584—1586 гг. Некогда их увенчивали деревянные стены и башни. Важно то, что укрепление XVI в. накрыло собой и тем самым лучше законсервировало культурный слой ладожского посада VIII—XI вв. мощностью до 3, а иногда и более 5 метров. Именно из слоя на «Земляном городище» происходят все лучшие археологические находки, прославившие Ладогу как богатейшее хранилище предметов и сооружений русской и мировой истории, культуры и ремесла.

В этом слое благодаря постоянной влажности и наличию плотной глинистой почвы «вечно» сохраняются предметы из дерева, ткань, войлок и другое. Новые постройки не углублялись в землю, их располагали на остатках предшествующих, что также способствовало накоплению культурного слоя, который нарастал из года в год. Удалось даже подсчитать, что темп его накопления для VIII—X вв. составлял примерно один сантиметр в год. Слой в среднем в 25 см высотой отражал труд и жизнь одного поколения горожан. Обычно в такой толще скрыты остатки построек, называемые строительным горизонтом. Последовательными раскопками таких горизонтов и занимается ладожская археология. Археологи обнаружили в ладожской земле изделия многих европейских и азиатских народов: славян, финнов, скандинавов, арабов, волжских булгар, хазар... Отложившийся в VIII—XI вв. культурный слой простирается и за пределы «Земляного городища», занимая территорию в общей сложности не менее 10—12 га. Оказавшись в Старой Ладогe, мы ходим по своеобразному международному подземному еще не востребованному музею, ибо только два процента ее территории подверглись научным раскопкам.

В центре «Земляного городища» находятся руины единственной, имеющей летописную дату создания, — 1153 г. — церкви Св. Климента. Ее сооружение ознаменовало собой начало периода широкого строительства каменных храмов в Ладогe.

Севернее каменной крепости, на левом берегу Волхова, раскинулся женский Успенский монастырь. Его обнесенная кирпичной оградой территория включает десяток каменных и деревянных строений. Отметим Крестовоздвиженскую церковь, построенную вместе с больничным корпусом около 1862 г. известным архитектором А. М. Горностаевым в старорусском стиле. Предполагают, что на месте этого храма существовало древнее поселение, возможно, один из центров Ладоги, а затем был устроен монастырь Симеона Богоприимца.

В период Смутного времени, в 1610—1617 гг., Ладогу захватили шведские войска. Были разрушены крепость, церкви, монастыри. Не обошла беда и Успенский монастырь. В XVIII в. обитель была избрана для заточения (с 1718 по 1725 г.) бывшей царицы Евдокии Федоровны Лопухиной, первой жены Петра I. В монастыре был размещен военный караул, запрещался вход прихожанам, было приостановлено пострижение новых послуш-



«Земляное городище» в Старой Ладогe. Вид с Воротной башни крепости.
На переднем плане — стена начала XIII в. в законсервированном виде

ниц. От внешнего мира свяную обитель, ставшую тюрьмой для отвергнутой, ограждал двойной палисад.

Главная достопримечательность монастыря — Успенский собор. На одной из подпружных арок был обнаружен процарапанный геральдический знак Рюриковичей, принадлежавший, как удалось выяснить, князю Ростиславу Мстиславичу, княжившему в Новгороде в 1154 и 1157 гг. В это время, очевидно, и строили церковь. Успенский собор полностью сохранился. В 1958—1960 гг. он был освобожден от более поздних пристроек, при этом выявилось строгое членение его фасадов плоскими лопатками, что соответствует его крестовокупольной конструкции. Понятие о размерах собора дают следующие цифры. Длина около 18 м, ширина около 14 м, высота более 19 м. Вместить он мог не один десяток людей. Здание было четырехстолпным, трехнефным, одноглавым, трехапсидным; барабан

увенчивался куполом со шлемовидной главой. Два из трех его входов имели притворы, а с запада в более позднее время была еще устроена паперть. В толще западной стены помещалась лестница на хоры. Стены собора были расписаны. Архитектурные особенности Успенской церкви роднят ее с Георгиевской и другими храмами, построенными в Ладоге в середине XII в. Георгиевский и Успенский храмы — редчайшие сохранившиеся на северо-западе России культовые сооружения XII в.

На северной окраине села, на Малышевой горе, стоит церковь Рождества Иоанна Предтечи. Это кубической формы храм с четырьмя подкупольными столбами, пятью главами, одной семигранной алтарной апсидой. Стены церкви декорированы плоскими лопатками, фигурными колончатými наличниками окон, нишами с килевидным верхом, поребриком. Все декоративные детали любовно выполнены из кирпича. Церковь имеет придел во имя Св. Параскевы Пятницы: трапезную, паперть, колокольню. Все это — единый архитектурный комплекс, воздвигнутый в 1695 г. К монастырю благоволила семья царя Бориса Годунова, которая преподнесла в дар обители медный колокол. Возникновение монастыря связывают с XIII в. Столетие спустя он упоминается и в письменных источниках. Тогда же названо и Малышево — местность, точнее гора, которую занимал монастырь, все постройки которого до конца XVII в. были деревянными. Можно догадываться, что до основания обители на ее месте была или сопка, или языческое мольбище.

Существующая ныне церковь поставлена с глубоким художественным пониманием единства архитектуры и природы. Издали кажется, что белоснежный храм парит в воздухе между полосой зеленого взгорья и высью синего неба.

Южную оконечность Старой Ладоги замыкает Никольский монастырь, в котором недавно отреставрирована шатровая колокольня конца XVII в., восьмигранная, многоярусная, стройных пропорций, со специальным помещением для звона. Мастера, возводя этот каменный столп, стремились представить его как бы освобожденным от земного притяжения, устремленным ввысь. Среди построек монастыря выделяются затейливые, вполне светского облика Святые ворота, выходящие к Волхову, а рядом — удивительная по своей необычности церковь Св. Иоанна Златоуста, построенная в 1861—1873 гг. архитектором А. М. Горностаевым. Другой столь оригинальной по-



Церковь Успения Богородицы. Вид с востока

стройки, сочетающей архитектурные элементы зодчества католичества и православия, кажется, нет не только в России, но и во всей Европе.

Наиболее загадочной оказалась центральная постройка монастыря — четырехстолпный, трехапсидный, со сводчатым подцерковьем и луковичной главой Никольский собор. Его кладка включает целые блоки, сложенные из чередующихся рядов серого плитняка и плинфы на известковом растворе с примесью толченого кирпича. В этой же технике были выполнены и подкупольные столбы до высоты сводов подцерковья. В западной стене церкви уцелела часть лестницы на хоры. Исследования привели специалистов к убеждению, что нижняя часть храма построена в XII—начале XIII в., а верхняя часть сооружена в более позднее время. При этом строители стремились возвести новые части как можно ближе к исходному образцу. Так над землей возник как бы двойник по большей части несохранившегося сооружения. К зданию вплотную подходит и частью подстилает его фундамент культурный слой с находками IX—XII вв. Очевидно, что сама церковь находилась некогда в гуще посадских строений. И местоположение храма и сведения об основателях обители повышают вероятность того факта, что она была воздвигнута по заказу не князя или епископа, а посадских, скорее всего, торговых людей.

По легенде создание Никольского монастыря связывается с именем Александра Невского и его победой над шведами в Невской битве 1240 г., в которой участвовал отряд ладожан. На возникновение этой легенды повлияла близость монастыря к нагорному полю — урочищу Победище, где по преданию произошла кровавая сеча ладожан с врагами. По краю поля со стороны Волхова тянулась цепочка сопок (они по большей части не сохранились). Мемориальное значение места закреплено в его названии. Вообще Старая Ладога находится в окружении чем-либо памятных мест. На юге это деревня Княщина, где в старину, очевидно, находился княжеский двор. Напротив каменной крепости, через Волхов, на первой надпойменной террасе — урочище Плакун, насчитывавшее не менее 18 курганов с погребениями скандинавов, относящихся примерно ко второй половине IX—началу X в. На том же, правом берегу Волхова, напротив Старой Ладоги, располагаются старинные деревни Лопино и Чернавино. В последней находится небольшой одноапсидный, бес-

столпный храм Св. Василия Кесарийского. Одноименный монастырь возник не позже первой половины XVI в. Свой современный облик он приобрел в 1686 г. Отделка и устройство церкви отличается скромностью и благородной простотой. Стены сложены из плит, западный же портал и окна украшены фигурными обрамлениями из кирпича. Молитвенный зал, как и трапезная, покрыт двускатной кровлей и увенчан главкой на глухом барабане. С юга к зданию пристроен Благовещенский придел с открытой папертью (сохранился частично). Судя по архитектурным особенностям и неровной кладке, каменщики были местными людьми. Таким образом, перед нами скорее всего произведение местного народного мастерства.

Следует сказать, что в древности ладожское поселение было зажато кольцом могильников, в том числе групповыми или одиночными сопками. Эти последние располагались вдоль берегов Волхова, образуя для плывущих по реке своеобразные земляные пропилеи на подступах к городу, напоминавшие живым об их предках, нередко сородичах.

Ладожские могильные холмы VIII—X вв. — сопки — особо примечательны. Наиболее впечатляющие сохранились в урочище Сопки на левом берегу Волхова за церковью Рождества Иоанна Предтечи. В центре этого урочища — большой холм высотой около 10 м. Его считают погребением князя Олега Вещего — объединителя северной и южной Руси. Летописцы точно не знали обстоятельств конца жизни этого князя. По одной версии Олег «иде к Новгороду и оттуда в Ладогу <...> есть могила его в Ладозе». По другой — он умер и был погребен в Киеве на горе Щековице. Северная версия признана более правдоподобной. Ладога была, очевидно, связана с именем Олега. В поисках его останков в Старой Ладоге в 1820 г. 10 человек в течение 9 дней колодцем раскапывали уже поврежденную ранее так называемую «сопку Олега», пока не дошли до ее основания. Находки оказались более чем скромными: сожженные кости, нечто похожее на задвижку замка, еловые, сосновые, ольховые угли, наконец, двушипный железный дротик длиной около 34 см. По этим находкам трудно сказать что-либо определенное о погребенном, однако и опровержения словам северного летописца здесь, пожалуй, нет. Заупокойные приношения, обнаруженные в сопке, весьма бедны, однако это не свидетельствует о социальном положении захороненного.

Ладожская археология чрезвычайно важна и необычна. Она фокусирует в себе ряд узловых моментов начальной русской истории, в том числе и тех, о которых молчат или чрезмерно скупое свидетельствуют письменные источники. Это прежде всего возникновение городов и их влияние на процесс формирования русской государственности, а также сложение городской культуры, ремесла и торговли. Раскрытые и точно дендрохронологически датированные в Старой Ладоге культурные напластования VIII–X вв. по своей сохранности и выразительности не имеют себе равных в других древнейших русских городах и пока являются уникальным археологическим явлением.

Впервые раскопки в Старой Ладоге были проведены в 1708 г., раньше, чем в каком-либо другом историческом городе Восточной Европы, евангелическим пастором Вильгельмом Толле. Сведения об этом с завидной быстротой были опубликованы в 1713 г. на немецком языке анонимным автором. Место раскопок по некоторым указаниям удалось определить. Это северная часть урочища Победище, прилегающего с юга к селению Старая Ладога. Здесь были раскопаны курганы с трупосожжениями в урнах, относящиеся, видимо, к X–XI вв. Находки: арабские и лифляндские монеты с отверстиями, то есть носившиеся в подвешенном виде как украшения, «готские языческие сосуды, жертвенные и погребальные орудия». Ладожские курганные древности составили коллекцию В. Толле, которая была одной из первых в истории Санкт-Петербурга.

Новый прилив интереса к ладожским древностям начался в XIX в. Вдохновленные почти живым видом старины ученые и любители искали следы легендарных князей и варяжских дружин, подземные ходы и якобы спрятанные в них сокровища. Постепенно пришла более трезвая оценка мифов и сказаний. Особые заслуги в изучении ладожских древностей принадлежат историку и археологу Н. Е. Бранденбургу. Он раскопал ряд ладожских сопок, разрушенных храмов, тщательно изучил руины каменной крепости конца XV–XVI вв. и привлек к ее фиксации архитектора В. В. Сулова. В 1896 г. была опубликована капитальная монография Бранденбурга «Старая Ладога».

Это была одна из первых обобщающих книг по истории и культуре древнерусского города. Насыщенная огромным количеством фактов и снабженная множеством отличных иллюстраций, эта работа не утратила своего значения и в наши дни.

В 1886 г. Н. Е. Бранденбург намеревался приступить к раскопкам «Земляного городища», чтобы отыскать следы варяжского городка времен Рюрика и «быть может драгоценные для русской археологии вещественные находки». Предвидение не обмануло ученого, но задуманное им дело осуществил другой исследователь-археолог — Н. И. Репников, который в 1909—1913 гг. приступил к раскопкам «Земляного городища». Результат для своего времени был неожиданным. Оказалось, что земля скрывала последовательно расположенные наслоения с хорошо сохранившимися остатками деревянных построек и многочисленными и разнообразными предметами, принадлежавшими населению первоначальной Ладоги. Перед археологами предстала, казалось, навсегда исчезнувшая деревянная Русь. Работы на «Земляном городище» подтолкнули ученых к раскопкам в других древнерусских городах: Новгороде, Пскове, Белоозере.

Раскопки «Земляного городища» были возобновлены в 1938 г. экспедицией под руководством В. И. Равдоникаса. В течение одиннадцати полевых сезонов археологи смогли отыскать более 60 остатков деревянных сооружений. Были установлены этапы развития города и по находкам определена деятельность ладожан — преимущественно ремесло и торговля. Археология оказалась в состоянии существенно дополнить свидетельства письменных источников — в реалиях представить жизнь древних людей. В. И. Равдоникас подробно определил последовательность культурных напластований и предложил их датировку.

Материалы раскопок свидетельствуют о существовании в низовьях Волхова особой самоуправляющейся городской волости, занимавшей ключевое положение на важном невяско-волховском отрезке (длиной около 60 км) водного пути Балтика—Каспийское море и Балтика—Черное море.

Новый цикл исследований древней Ладоги начался в 1972 г. Староладожской археологической экспедицией под руководством А. Н. Кирпичникова. Отряды экспедиции расширили и углубили прежние поиски. Нельзя не сказать о достигнутых результатах, выполненных отрядами экспедиции. Усилиями Е. А. Рябинина, а также Н. Б. Черных по спилам дерева впервые была установлена дендрохронология Ладожского поселения. Датированы восемь строительных горизонтов, каждый из которых существовал от 20 до 40 лет. Выяснена рекордная по своей давности для древнерусских городов дата создания поселения — 753 г., то

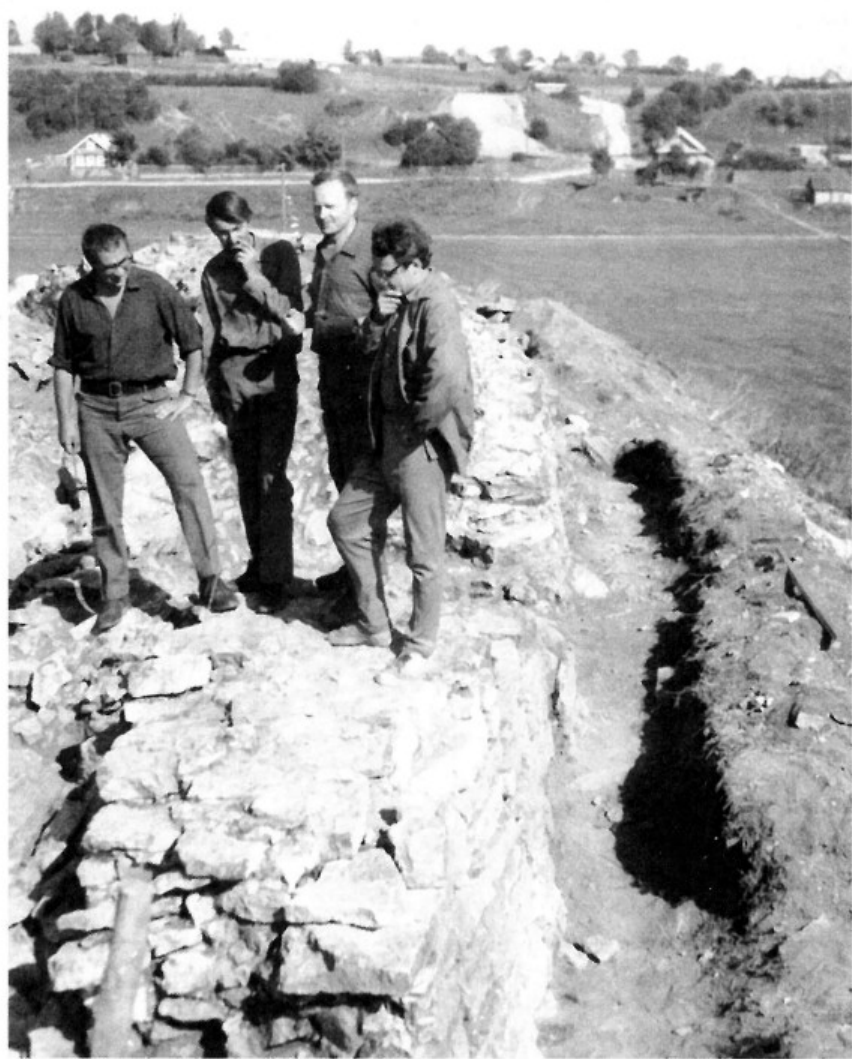
есть примерно, на сто лет раньше первого летописного упоминания Ладоги — 862 г. Вычисленные годы основания Ладоги примечательны в нескольких отношениях. Во-первых, они фиксируют факт становления в низовьях Волхова нового поселения, во-вторых, определяют начало, по крайней мере в этом месте Восточной Европы, международных торговых операций, и, в-третьих, уточняют время появления в невско-ладожском регионе поселенцев, среди которых были и славяне.

В предматериковом слое Е. А. Рябинин обнаружил остатки кузнечно-ювелирной мастерской с редчайшим для своего времени — 750-х гг. — набором: из 28 инструментов ремесленника-универсала. Этот мастер, видимо работавший не один, мог ремонтировать корабли и изготавливать ювелирные металлические украшения. Нахождение этого комплекса — факт первостепенной важности: Ладога начиналась с ремесла, организованного квалифицированными ремесленниками.

Один из участников Староладожской экспедиции В. П. Петренко впервые провел значительные раскопки вне «Земляного городища» на левом берегу Ладозки, близ Варяжской улицы. Толща культурного слоя, составлявшая здесь несколько более 3 м, подразделялась на 11 строительных горизонтов, датированных 840—990 гг. Зафиксировано свыше 60 разного рода построек, включая отдельные избы, трехчастные дома, хозяйственные сооружения.

Особый интерес представляла большая постройка с двойным ограждением размером 11 × 11 м, общей площадью 120 кв. м. Строение функционировало в 960—980 гг. Возможно, это было святилище или место собраний и пиршеств — контина (известная западно-славянскому миру), или помещение для сбора дружины или веча.

Характерны находки, происходившие из данной постройки: деревянная посуда, антропоморфные и зооморфные резные скульптурные изображения, черепа животных; с внешней стороны у одной из стен найдена железная гривна-амулет с молоточками Тора. Особо выделяется бронзовая подвеска-амулет с двусторонней, пока нерасшифрованной, но явно магической надписью. С этой подвеской сопоставим деревянный стержень с рунической надписью, найденный в 1950 г. при раскопках «Земляного городища» в слое, датированном 840—860 гг. Надпись читают по-разному. В переводах она звучит так: «Сверка-



Руководители отрядов Староладожской археологической экспедиции.
Слева направо: В. П. Петренко, Е. А. Рябинин, А. Н. Кирпичников,
Е. Н. Носов. Фотография 1973 г.

ющий лунный альф (сверкающее чудовище) будь под землей» или «Наверху (щита виден) облаченный в свое оперение (орла), покрытый инеем господин; сияющий лунный волк; пядей плуга широкий путь» или «Хвост (стрелы) одет в оперенье, блестящий наконечник притягивает добычу в большом числе». Дешифровка надписи не окончена, но как бы ее ни толковать, она явно имеет заклинательный смысл. Ясно и другое, образцы рунического письма попали в Ладогу не в результате торговли, а вместе с их владельцами-скандинавами, постоянно проживавшими или временно останавливавшимися здесь. Замечено, что надпись на деревянном стержне связана с датской рунической традицией, что напоминает о временах Рюрика и его возможном датском «адресе».

Старую Ладогу до сих пор окружают сопки — могильные насыпи. Сооружения эти еще во многом загадочны. Их представительный, величественный вид как бы не соответствует их содержанию. В них почти не встречается вещей, а остатки самого погребенного — горстка пережженных косточек. В окрестностях Ладоги насчитывалось около 30 подобных погребальных холмов, а всего в Нижнем Поволховье, включая Ладогу, их насчитывали около 70. В древности их число, очевидно, превышало 100. В 1970—1979 гг. В. П. Петренко изучил 12 частью раскапывавшихся ранее или поврежденных земляными работами сопки. Исследователь написал книгу «Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. Сопки верхнего Поволховья», опубликованную в 1994 г. В этом труде сопки оценены в контексте сложных процессов сложения культуры древнерусской народности и ее соседей. Они датированы VIII—X вв. Рассмотрена их конструкция, проанализированы немногие находки. Результаты исследования В. П. Петренко позволили археологам высказать предположение о том, что именно в районе Ладоги появились первые на севере страны крутобокие насыпи — особого рода погребальные сооружения, распространившиеся затем в других районах северной Руси. Архитектура этих сооружений испытала влияние заупокойных обрядов славян, финнов, скандинавов. Как сообщает арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан, вершины сопки увенчивали столбы с именами усопших.

Более выразительны находки в сопках, относящиеся к концу их существования — второй половине X в. Ладожане и в это



Сопка на берегу р. Волхов, справа — храм Рождества Иоанна Предтечи

скандинавов. Как сообщает арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан, вершины сопкок увенчивали столбы с именами усопших.

Более выразительны находки в сопках, относящиеся к концу их существования — второй половине X в. Ладожане и в это время традиционно продолжают использовать их для захоронений. Правда, несколько меняется заупокойный ритуал, погребения располагают по кругу могильных холмов или заглабляют на их вершинах или склонах. В 1970 г. В. П. Петренко в одной из сопкок, находящейся в южной части урочища Победище, обнаружил трупосожжение с четырьмя бусами, семью гирьками и бронзовой подвеской, украшенной знаками Рюриковичей. На одной стороне пластины представлен трезубец — знак князя Владимира Святославича (годы правления 980—1015), на другой — выполненный более декоративно знак князя Ярослава Мудрого (годы правления 1019—1054). По остроумной догадке С. В. Белецкого сочетание на подвеске знаков двух князей могло появиться в период новгородского княжения Ярослава Мудрого до его ссоры с отцом, то есть около 1010—1015 гг. Полагают, что подобные клейменные подвески-печати были своеобразными верительными знаками, удостоверявшими законность и полно-

правом вольной торговли. Владелец печати мог подтвердить свой статус, демонстрируя знаки владетельных отца и сына. Его похороны были, вероятно, произведены по языческому обряду уже после принятия крещения на Руси в 988 г. Длительное переживание языческих обычаев вообще характерно для истории русского народа. Имело место оно и среди горожан Ладоги.

Староладожская археологическая экспедиция в продолжении изучения «Земляного городища» в 1984–1998 гг. произвела раскопки в его северо-западной части. Было вскрыто не менее девяти строительных горизонтов культурного слоя, выявлено семь остатков деревянных жилищ и несколько частей хозяйственных построек. При этом обнаружены многие сотни индивидуальных находок и 26 000 обломков глиняной посуды. Привлекло внимание, что практически в каждой из раскопанных построек были найдены ремесленные инструменты, полуфабрикаты и готовые ювелирные изделия. Это позволило сделать вывод о том, что ювелирное производство, а именно выделка застежек, бус, изделий из кости и камня, составляло одно из основных занятий горожан.

Экспедиция определила пространство, занятое культурным слоем раннесредневековой поры. Представилась также возможность наметить размеры Ладоги, которых она достигла не только в VIII–X (около 12 га), но и позже – в XVI в. (16–18 га).

С помощью писцовых книг и других источников XVI в. впервые удалось определить территорию Ладоги, ее заселенность и районирование, а также уточнить расположение монументальных сооружений. Получены как бы два среза ее жизни. Около 1500 г. в городе отмечены семь монастырей и четыре церкви. Они располагались в пяти районах или концах, названных по наименованию расположенных там церквей. В Ладоге тогда насчитывалось 116 дворов, в которых проживало 168 владельцев, с учетом не указанных в описи женщин, детей и стариков, число жителей достигало около 800–1000 человек. Есть основания думать, что зафиксированное около 1500 г. районирование города восходит к середине XII в., когда в нем были построены почти все каменные церкви. Тогда была осуществлена полная перепланировка Ладоги. Об этом можно судить по тому, что некоторые церкви закладывали прямо на культурном слое предшествующей поры. Следовательно, до закладки монументальных сооружений здесь, вероятно, располагалась обычная деревянная застройка посада.

Годы расцвета средневековой Ладоги зафиксировала опись 1568 г. В ней отмечены три района. В 126 дворах проживало 176 владельцев, а общее количество жителей могло превышать 1200. Все упомянутые в писцовой книге 1568 г. дворы были обмерены писцами; сложив площади домов и огородов и прибавив к этому примерную площадь улиц, переулков, кладбищ и общественных зданий (например, гостиного двора), получаем площадь города, равную 16—18 га. При этом семьдесят процентов всей площади занимали огороды.

Однако деревенский характер Ладоги не стоит преувеличивать. Кроме огородничества жители занимались рыболовством, ремеслами и торговлей. Благополучие города было нарушено в 70-е гг. XVI в., а в начале следующего столетия Ладога испытала ряд военных катастроф, от которых смогла оправиться только к середине XVII в.

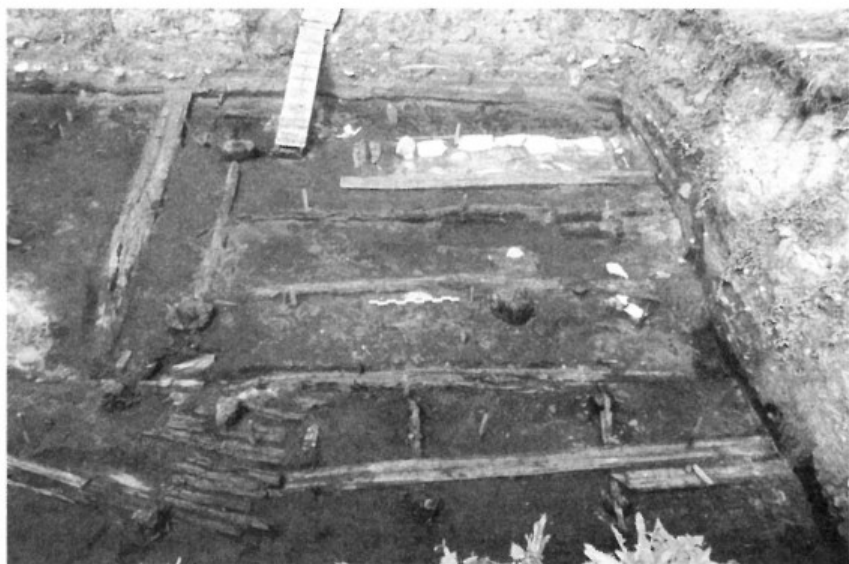
Начиная с 1999 г. и до настоящего времени Староладожская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Российской Академии наук продолжает исследование «Земляного городища» Старой Ладоги, сосредоточив свои усилия на юго-восточной части памятника. В этом месте находилась куртина, являющаяся частью укреплений «Земляного города», воздвигнутого между 1584 и 1586 гг. на территории существовавшего здесь ладожского посада. Упомянутая крепость, включая ее земляное основание, была реконструирована в эпоху Петра I. Подсыпана наружная сторона укреплений, по видимому, повышена высота земляной насыпи. В 1998—2000 гг. куртина и прилегающий к ней со стороны крепостного двора слой земли были исследованы, при этом открылся нижележащий культурный слой эпохи средневековья, относящегося суммарно к XII—первой половине XIV вв. Слой этого периода в Старой Ладоге открыт впервые.

Изучение слоя обнаружило, что по мере его отложения, периодически происходили пожары существовавших здесь построек, после которых пожарище разгребалось, нивелировалось и жизнь на этом месте вновь возобновлялась. Найденные здесь деревянные постройки подвергались полным или частичным переделкам, ремонту и разрушениям. Они последовательно возводились в данном месте друг над другом. Сооружения разных строительных горизонтов были одинаково ориентированы по линии приблизительно север—юг, что свидетель-

ствовало о преимуществах планировки этой части посада средневековой Ладоги. Были обнаружены остатки древней улицы. Ее настил состоял из продольных и поперечных лаг, причем поперечные были с одной стороны плоско отесаны. Ширина мостовой около 3,2 м. При изучении культурного слоя и оказавшихся в нем частей построек выявлено необычайное разнообразие находок. Находки в большинстве составляют предметы домашней утвари, принадлежности и украшения одежды. Некоторые относятся к вооружению, деталям ладей, рыбной ловле, свидетельствуют о ремесленной деятельности жителей.

В нижележащих слоях раскопками исследованы части городской застройки X—XI вв., состоящей из остатков деревянных жилых и хозяйственных построек, деревянных мостков и мостовых. С этими конструкциями связаны находки различных предметов, общее число которых достигает почти 3500. Особое внимание привлекают некоторые украшения: серебряная кольцевидная фибула с длинной иглой, фрагмент бронзовой золоченой овально-выпуклой фибулы, круглая бронзовая застёжка с растительным орнаментом, золотое колечко булавки для держания бус, треугольная бронзовая подвеска, многочисленные бусы из цветного стекла, янтаря и сердолика. Отметим также редкую находку каменной формочки для отливки платёжных слитков из серебра. Найденные металлические украшения в большинстве указывают на Скандинавию, как место своего происхождения.

В упомянутых слоях найдены нижние части большой постройки, существовавшей, по данным дендроанализа, во второй четверти X в. Постройка раскопана частично, но точность ее плана и симметрия продольных и поперечных компонентов позволяют представить ее архитектурный облик и внешние размеры, равные примерно 10 × 16 м. Ядро постройки составлял жилой объем (приблизительно 8 × 10,5 м), возведенный из мощных столбов диаметром 0,5 м, державших кровлю, между которыми располагались плахи наборных стен. В центре помещения находился прямоугольный очаг размерами 1,5 × 3,5 м. Сохранилась выкладка из плоских колотых плит, обнесенная досками. Пол помещения был деревянным — сохранились подкладочные лаги. В отделке дома широко использовались детали кораблей, в том числе доски бортовой обшивки.



Части купеческого дома по раскопкам 2002 г.

прямоугольный очаг размерами $1,5 \times 3,5$ м. Сохранилась выкладка из плоских колотых плит, обнесенная досками. Пол помещения был деревянным — сохранились подкладочные лаги. В отделке дома широко использовались детали кораблей, в том числе доски бортовой обшивки.

Отапливаемое помещение было окружено сплошной наружной галереей шириной в среднем около 1 м, представлявшей собой традиционный северорусский сруб. У торца галереи, снаружи, было найдено скопление глины, очевидно, от наружной печи для приготовления пищи.

Своеобразие сооружения заключается в комбинации в рамках одного комплекса скандинавской наборной и русской домостроительной традиций.

При изучении заполнения жилища было обнаружено свыше 140 индивидуальных находок, включая гребень, нож, обломки тиглей и амфор, две ладейные заклепки, куски янтаря, почти 100 стеклянных бус. У торца дома, рядом со скоплением глины, практически в одном месте было найдено около 2500 бисерин зеленого цвета. С одной стороны дома прослежены мостки

Перстень, скорее всего, принадлежал какому-то «восточному» купцу. Подобный подписной перстень на территории древней Руси встречен впервые.

Обнаруженные в раскопках части большого дома необычны. Только в Старой Ладогe удалось открыть подобные постройки. Тайну назначения аналогичных сооружений раскрыл арабский путешественник Ибн-Фадлан. В 921—922 гг. он видел похожие постройки на средней Волге. Купцы-русы, пишет Ибн-Фадлан, «причаливают свои корабли на реке Итиль (Волге) ..., строя на ее берегу большие дома из дерева. И собирается их в одном таком доме десять или двадцать, когда больше, когда меньше. Там у каждого из них длинная скамья, на которой располагается он сам с девушками-красавицами для продажи». Приведенные слова поразительно соответствуют ладожскому открытию: большое помещение с центральным очагом и пространством достаточным для установки длинных скамей. О торговых и отчасти ремесленных занятиях жителей дома красноречиво свидетельствуют детали кораблей, обломки амфор, тигли. Женское присутствие выдают оброненные бусы и целая партия бисера, предназначавшаяся, очевидно, для продажи, но по каким-то причинам припрятанная у стены дома. Как пишет Ибн-Фадлан, именно зеленые бусы очень ценились и ими русы украшали своих жен.

Дома, сходные с ладожскими и описанными Ибн-Фадланом, могли строиться в торговых городах и местах, расположенных на великих речных путях Восточной Европы «из варяг в арабы» и «из варяг в греки». Они служили своеобразными купеческими гостиницами. В таких домах останавливались члены торговых корабельных команд, пережидая зиму, участвуя в ярмарках, ремонтируя корабли. Скорее всего это было пристанище не семьи, а коллектива, который, не исключено, зимовал в Ладогe, дожидаясь начала навигации. И купеческий большой дом, и найденные в нем вещи свидетельствуют о дальней торговле и международных связях средневековой Ладоги со Скандинавией и странами Востока.

В изучение Старой Ладоги вложило свой труд не одно поколение историков, археологов, архитекторов-реставраторов, искусствоведов, музейных работников. Новые открытия, связанные с прошлым этого населенного пункта, достигнуты работами Староладожской археологической экспедиции Института исто-

рии материальной культуры Российской Академии наук. Научный поиск все теснее переплетается с охраной и сбережением историко-археологических и архитектурно-художественных памятников Староладожского музея-заповедника, имеющих общероссийское и общеевропейское культурное значение. 1250-летие Старой Ладogi, наступившее в 2003 г., — свидетельство необычайной глубины и значительности русской истории, свидетельство могучей созидательной силы народа-творца вечной России. Великими ценностями истории, культуры, архитектуры и искусства приумножила славу Отечества Старая Ладога.

О ЛАДОГЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РУСИ

Пора вам что-то узнать о Ладоге, раз вы в ней работаете в составе археологической экспедиции. Мои взгляды последнего времени на раннюю историю Ладоги отражены в двух статьях, опубликованных в двух сборниках в 2002¹ и 2003² гг. К сожалению, я не могу их подарить, т. к. они все разошлись.

И вот о чём будем говорить. Во-первых, вы работаете на раскопках и видите, как мимо вас протекает река Волхов. Есть такая река Темза. Все слышали. Течёт она мимо Лондона. А эта река — Волхов течёт мимо этого села — Ладоги. И вот, есть нечто, что очень сближает Темзу с Волховом — обе реки в своём нижнем течении были частью единой морской системы, название коей нечасто встретишь в научных трудах. Её следует назвать «Скандинавское Средиземноморье». Вы знаете то Средиземноморье, что на юге, которое было освоено когда-то греками — эллинами. А это северное Средиземноморье, которое тоже заключено между разными «землями», и в него входят Северное море и Балтика с проливами между ними. Оно не ограничено жестко землей только на севере Северного моря. Перед вами карта Европы, и я очерчиваю границы Скандинавского Средиземноморья. Его крайние морские пределы: на западе — пролив Ла-Манш, а на востоке (не удивляйтесь!) — озеро Ладога, потому что озеро Ладога было частью моря, так оно и воспринималось в русском летописном своде «Повесть временных лет». Там о речке Нева речь не идет, а сказано, что наше Ладожское озеро называется «Нево»: *«и того озера внидеть устье в море Варяжское»*. То есть Нева воспринималась как пролив, как протока, и морские суда свободно проходили до Ладожского озера и низовьев Волхова. На западе они входили в низовья Сены в Нормандии, до Руана свободно доходили и дальше, и в низовья Темзы до Лондона (нападения викингов) — и морские суда свободно входили в низовья Волхова. В скандинавских сагах поездка водой до Ладоги/Альдейги — это чисто морская поездка.

Отсюда и название этого места — Ладога. Оно восходит по наиболее вероятной даже не гипотезе, а системе исследований, к финскому названию, потому что эти земли до скандинавов и славян принадлежали финнам. Финнам в широком смысле слова — различным финноязычным племенам. И название Ладоги восходит к финскому гидрониму «Ala/djogi». «Ala» — это «нижняя», а «jogi» (диалектное «djogi») — река. То есть нижнее течение Волхова и местность по его берегам называются «Нижняя река».

Некоторые думают, что так первично называлась крохотная река Елена (она же «Ладожка»), которая впадает в Волхов около вашего раскопа. На самом деле, несомненно, так называлось нижнее течение Волхова, потому что оно резко отграничивается от основного течения Волхова. Вы, вероятно, знаете, что немножко к югу от нас находятся электростанция и плотина, которая перекрыла древние пороги. И вот уже свободного плавания морским судам дальше не было. Там нужны были волоки, нужно было переходить через пороги, перегружать товары и людей на речные суда или на сухопутный транспорт. А до порогов продолжалась «Нижняя река», в которую свободно входили морские суда.

Это название «Ala/djogi» дало исландско-норвежское название «Aldeigja» и не зафиксированное письменно шведское название, видимо, близкое древненемецкому «Aldagen», от которых происходит славянское название «Ладога» по законам перехода звуков из одного языка в другой. Так что это финско-скандинавско-славянское название, и это поселение Ладога расположено так же в низовьях реки, как и столица Англии Лондон, и здесь была та точка, где возникли завязь этнополитического организма, который называется Русь, и его первая столица — Ладога/Aldeigja. Внимательное чтение летописи показывает, что летописное «Варяжское море» соответствует не только Балтике (как обычно считают), а всему «Скандинавскому Средиземноморью» и простирается на запад, как минимум, до Ла-Манша.

Есть летописный текст, хорошо сохранившийся в лучших списках «Повести временных лет», этот текст на самом деле должны были бы в школьных учебниках приводить целиком (и даже не в переводе, потому что он в общем понятен знающим русский язык) и внимательно на уроках анализировать.

Я попробую его прочесть, а вы его слушайте внимательно.

Начинается с того, что здесь, на северо-западе будущей Руси, жили вокруг озера Ильмень словене, рядом финские меря и чудь, кривичи (славяне или балтославяне, то есть население, неизвестно: родственное больше балтам — предкам латышей и литовцев нынешних — или славянам). Такие группы были, и на них нападали и облагали данью некие «варяги из-за моря», которые так безобразно себя вели, что местные племена собрались и прогнали их за море. Но после этого что они стали делать на своей земле? Убивать друг друга — обычное дело. И вот об этом рассказывает честно эта летопись. Это совсем не комплиментарный текст! Вот послушайте: *«И изгнаша варягы за море, и не даша имь дани, и почаша сами в себе володети»* — свободны. *«И не бе в них правды»* — и не было в них правды. Вообще, почти о нынешних временах, вы замечаете? *«И вьста родъ на род, и быша усобице в них, и воевати сами на ся почаша»*. Очень самокритичный текст, правда? Очень смелый! *«И ркоша»*, то есть «и рекли, и сказали» — *«поищем сами в себе князя»*. Кстати, очень интересная фраза. Всегда говорят, откуда пригласили варягов — со стороны, верно? А текст — *«сами в себе»*, вы заметили это? То есть эти варяги-русь считались «в себе», своими! *«Поищем сами в себе князя иже бы володель нами и рядил по ряду, по праву. И идоша за море к варягом, к руси, сице бо (потому, что) звахуть ты варягы русь, яко зе друзии зовутся свее (шведы), друзии же урманни (норвежцы, норманны), аньглыане, инеи и готи, тако и си.»*. Эти приглашённые варяги назывались «русь». *«Ркша русь, чудь, словене, кривичи и вся»*, то есть варягам говорят послы народов, каких? Послы идут от руси — *«русь, чудь, словене, кривичи»*. На первом месте — русь. Значит, русь приглашает русь? Этого обычно не замечают в этом простейшем тексте, а он очень информативен. *«Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидете княжить и володеть нами»*.

Обычно «наряд» переводят словом «порядок». Это не совсем точно. «Наряд» до сих пор в русском языке означает женский убор, то есть — женский порядок и красоту, а также мужское воинское устройство — пойти в наряд, артиллерийский наряд и вообще всякое благоустройство. В древнерусском языке это слово означало воинский порядок, всяческое государственное и социальное устройство, женский убор и церковное

благолепие. То есть это древнерусское слово «наряд» близко первичному значению греческого слова «космос». Космос! Которое до того, как стать обозначением мирового порядка, означало женский наряд и мужской воинский порядок у Гомера. «Космос», то есть они варягам неявно говорят: «у нас космоса нет», если перевести доосмысляя. Ну, а если космоса нет, то что есть? Скорее всего — хаос! Так ведь прямо не сказано...

Единственная аналогия этой «легенде о призвании» в пределах индоевропейского мира — это, фактически достоверное, приглашение бриттами в Британию германцев-саксов, возглавляемых двумя братьями. Но саксов приглашают для защиты от внешних врагов — скоттов и пиктов, а в нашем случае врагами друг для друга становятся местные племена, только что бывшие союзниками в деле изгнания заморских варягов, то есть опасность представляет внутреннее состояние хаоса.

Это крайне интересный текст, вполне актуальный и для некоторых современных процессов. *«Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Да поидете княжить и володеть нами. И избрашася трие брата с роды своими и пояше по собе всю русь, и придоша к словенем первее и срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладозе Рюрикъ, а другий Синеусъ на Беле-озере, а третей Трувор в Изборьске. И от тех варяг прозвася Руская земля».* Здесь интересно то, что после того, как были упомянуты «русь», которую приглашают, и «русь», которая приглашает, в летописи сообщается, что три брата «пояша по собе» (то есть «взяли с собой» или «взяли под себя») уже «ВСЮ русь». Это очень важное место, но на анализе его сейчас нет возможности останавливаться. *«По дьвою же лету умре Синеусъ и брат его Трувор. И прия Рюрик власть всю один, и пришед къ Илмерю, и сруби город надъ Волховом и прозва и Новъгород, и седе ту княжа».*

Вообще, всю лекцию можно было посвятить одному этому тексту о призвании Рюрика. Но у нас нет такой возможности.

На что обратим внимание? Во-первых, как обстоит дело с этнонимом «русь»? Вы знаете, если от Санкт-Петербурга плыть прямо на запад и упереться в Швецию, там будет прибрежная местность. Знаете, как она называется? Руслаген (Roslagen). А когда-то ещё бóльшая часть восточного побережья Швеции называлась Руслаген. А знаете ли, как финны прежде (и до недавнего времени эстонцы) называли шведов? Руотси, ротси (ruotsi,

rotsi), что в передаче на славянский закономерно даёт «русь». Это давно установлено, и не соглашаться с этим — просто смешно для серьезного ученого. Обозначение жителей прибрежной Швеции восходит к древнему глаголу, который значит «гребсти», и эти жители назывались «rothsmen», что, примерно, означает «гребные ребята», «поморы». Это их название. Они приезжали сюда и их финны звали «руотси», а по-славянски это звучало как «русь».

Это начало. Но здесь они попадали на финские земли, встречались со славянами, смешивались с ними, вступали в браки, и русью начинала называться та верхушка, которая торгует, собирает дань, воюет. В Новгородской летописи говорится потом, когда Олег (шурин Рюрика) и Игорь (сын Рюрика) идут на Киев: *«И беша у него варязи (варяги) и мужи словене и оттоле прочие, прозвавшася русью»*. Понятно? *«Прочие»* — это, в первую очередь, чужь. Ты идёшь на Киев с русином Олегом, у тебя есть меч, ты «муж»? Значит, ты — «русь»!

А то, что это имя иностранного происхождения, то извините — в XVIII веке одного французского ученого посадили в Бастилию за то, что он смел утверждать, что название Франции, романоязычной страны, происходит от названия германского объединения «франки». Во Франции в XVIII веке за это сажали в тюрьму, у нас за утверждение, что этноним «русь» имеет северогерманское и финское происхождение, в советское время до 1955 года можно было лишиться работы, а то и стать «врагом народа».

Кстати, есть славянский народ болгары, которому мы обязаны своей славянской письменностью, потому что кирилло-мефодиевская письменность передана нам через болгар, так вот, этот славянский народ носит название тюркского народа «болгары», которые поселились среди них, подчинили дунайских славян и дали им правящую династию. А другая часть болгар ушла в нынешний Татарстан и Чувашию, и сейчас некоторые татары хотя бы писаться в паспорте «болгары», хотя более прямыми потомками волжских болгар по языку являются чуваша. Это происходит везде в мире. А Англия, завоёванная офранцузившимися норманнами, давшими ей королевскую династию?

Это обычная история. Но здесь интереснее другое. Раз Рюрик сел в Ладоге, значит, Ладога чем-то выделялась до Рюрика! Более того, сказано, что Рюрик назвал Новгород Новго-

родом, а про Ладогу не сказано, что он её назвал! Значит, её название было до этого. Более того, его приглашала уже какая-то «русь»! Значит, какая-то «русь» была здесь до этого.

Похоже, тот горизонт, на который вы сейчас выходите при раскопках (ранее 860-х гг.), это и есть та «русь», до Рюрика. Вы выходите на этот горизонт, а он всё продолжается и уходит в глубину. Что это была за «русь»? Сейчас это в целом выяснено археологическими исследованиями, но это известно и из письменных источников.

Значит, из летописей явствует, что некая «русь» жила на северо-западе будущей Руси и до Рюрика. Это чрезвычайно важно. Мы знаем эту «русь» (или «рос») и не из русских летописей, а из западноевропейской хроники и из арабского мусульманского сочинения, упоминающих эту «русь/рос». Итак, Рюрик условно (по летописи) пришел в 862 г. А вот события 839 г. — за 23 года до Рюрика.

Знаете такую речку — Рейн? И там был городок Ингельгейм. Одно из мест пребывания императора Франкской империи, Людовика Благочестивого. И к нему, к этому Людовику — императору, прислал послов император Византии Феофил. Императорам было очень скучно, т. к. во всем мире было только два императора. А император Византии считал, что он на равных может общаться только с франкским императором. И поэтому они переписывались с тоски, понимаете. Но византийский император считал Франкского императора недавно возникшим и таким... младшим братом и в посланиях несколько его поучал. И вот такое свидетельство, записанное в хронике, именуемой «Бертинские анналы», под 839 годом.

Есть серьезные основания полагать, что глава Волховско-Ильменской «руси» уже за поколение до вокняжения Рюрика претендовал на титул более высокий, чем князь или конунг. Во франкских «Бертинских анналах» сообщается, что в 839 г. к императору Людовику Благочестивому вместе с послами византийского императора Феофила прибыли из Константинополя послы «хакана» народа «Rhos», оказавшиеся при проверке этническими «свеонами» (шведами). Посольство «хакана» выехало из Руси не позже 838 г. и возвращалось назад через Рейн, по пути, ведущему в «Варяжское море», то есть на север Руси. Как явствует из всей суммы археологических источников, никакого другого достаточно крупного военно-торгового центра,

кроме Ладоги, где бы уже к 830-м гг. скандинавы составляли значительную часть населения, особенно в верхних слоях общества, на территории Руси не существовало. В частности, в 830-х гг. ещё не существовал единственный конкурент Ладоги на титул первой столицы Руси — «Рюриково городище» у истоков Волхова (Невогард, древнейший Новгород). Так что резиденция «хакана народа рос» в 830-х гг. могла находиться лишь в районе современной Ладоги. Сам титул «хакан» говорит об ориентации «народа рос» на контролируемые каганом хазар волжско-донские торговые пути, ведущие в страны Арабского халифата, а также о зарождении смутных «имперских амбиций» у русов уже в первой трети IX в., поскольку этот титул со времени Тюркского каганата VI—VII вв. был иерархически сопоставим с титулом «император». Позднее титулом «каган» митрополит Илларион в XI в. именовал и Владимира, и Ярослава Мудрого.

Есть такое лучшее произведение домонгольской русской литературы, обычно именуемое так: Слово «О законе и благодати» митрополита Иллариона. Так вот, длинный заголовок этого «Слова» кончается так: «Похвала кагану нашему Владимиру», а в тексте Владимир назван «Великим каганом нашей земли». Каганом назывались Владимир и Ярослав, это был их титул и восходит он ко временам до Рюрика, к 830-м гг. (или ещё ранее), когда он стал международным титулом главы протогосударственного полиэтничного организма, возглавляемого этносоциумом «русь» — зародышем государства и этноса «Русь» («...звать ты варяги русь ... И от тех варяг прозвася Русская земля»). То есть отсюда приходят какие-то наглые ребята к двум императорам и говорят, что «наш начальник — он вроде императора, он каган!» Но в эти времена наиболее могущественным носителем титула «каган» был каган хазарского каганата. А хазары держали по Дону и по Волге все пути на юго-восток — на исламский восток, на который и сейчас все рвутся. И контролировали всю торговлю, потому что оттуда шло и вино, и масло, и роскошь, и серебро, которое мы находим при раскопках, а что шло в обмен — я сейчас расскажу.

И значит, для этой «руси» (или народа «рос») обозначением высшего владыки и в то же время как бы своего, родственного, был титул каган. И они принимают этот титул! Так что же, все они были шведы? Нет, потому что примерно к этому же времени, к 840-м гг., относится текст одного автора. Вообще он по

происхождению был иранец, но арабоязычный — ибн Хордадбех. Его сочинение датируют по-разному, 840-ми или 880-ми гг., но я проверил и убедился — сведения о русах у ибн Хордадбега, несомненно, отражают реальность 830-х—850-х гг., а вероятнее всего — 840-х гг., т. е. практически синхронны сообщению Бертинских анналов.

Во-первых, для начала, что он пишет? Вообще, он информированный человек, он в Багдаде был начальником почты и разведки. Ничего, информированное лицо, правда? И он описывает международные торговые пути, которые держат «евреи-раданиты», и рассказ о торговых путях русских купцов включен в рассказ о путях лучших купцов в мире — евреев. Вот это в нашем русском переводе выбрасывается всегда, сразу начинается с русов. Что они включаются в контекст торговых путей, проложенных евреями, — это нельзя, это нехорошо. Почему нехорошо? Правда всегда хороша, и она всегда интереснее неправды.

Он пишет, что русские купцы — это «вид славян», значит, там шведы, а тут вид славян, опять не скучно — они приезжают «из самых отдалённых областей страны славян». Ну, если восточно-славянские области, населённые руссами, самые дальние от Багдада — это вот здесь, по Волхову. На юг они спускаются по рекам, платят пошлину в Черном море византийцам, потом проходят через нижний Дон на Волгу, платят десятину хазарскому кагану, доезжают до юга Каспийского моря — внимание! — и на верблюдах в Багдад, где продают привезенные товары: мечи и меха бобра и лисицы. Вот, когда Жириновский так любит Садама Хуссейна, — он продолжает давнюю традицию. И поставки оружия в Багдад тоже восходят к середине IX в. «Переводчиками им служат евнухи-славяне». Почему евнухи-славяне? Евнухи где? — при гаремах! А почему при гаремах евнухи-славяне? Значит, в гаремах были кто — славянки (в широком смысле — северянки)? Девушки, поставляемые на восток? Они едут до Багдада и везут с собой, что? — меха и мечи. Русы в середине IX века поставляли в Багдад оружие и сырьё. Что-нибудь новенькое? И третий был товар, прямо не названный в этом тексте, но подразумеваемый — девушки, и вообще — рабы на продажу. На восток шли лучшие меха тайги, рейнские мечи, захватываемые с боем и привозимые сюда как сталь великолепная, и блондинки: финнки, славянки — вот товары.

Они приезжают в Багдад и там они себя выдают за христиан, чтобы платить маленький подушный налог «джизню», почему? Потому что ранний ислам относился с известной терпимостью к «людям Книги», т. е. к иудеям и христианам, имевшим свои варианты уважаемой исламом Библии, и не облагал их такими налогами как остальных «язычников»-немусульман. И вот милые русы, которые там, на западе — шведы, у них во главе каган, а здесь, на востоке, они вид славян, да ещё и выдают себя за христиан! Вы представляете? Не скучно? В России всегда, что-то, а не скучно.

Но дело в том, что в те времена нельзя было выдать себя за христианина так легко, как сейчас в России. Нацепил на себя крест, какой-нибудь поп побрызгал на тебя водичкой, и любой бандит уже считает себя христианином. В те времена — а это было время напряженных религиозных споров, напряженного религиозного сознания — чтобы мусульманину доказать, что ты христианин, надо было быть знакомыми с основами вероучения. То есть, даже если они не были христианами, то они были знакомы с этим вероучением — а каким образом, живя так далеко на севере?

Где же могло быть какое-то предгосударственное объединение, такое объединение, где шведы играли бы очень важную роль в области дальних путешествий, послов и т. д., где также жили и славяне и где могло произойти знакомство с христианством не позднее 840-х гг.? Теперь на помощь приходит археология. Ничего подобного в 830-х гг. в Киеве не было. Никакого подобного центра под Новгородом в это время не было, Рюриково городища, где копает Е. Н. Носов, ещё не существовало, и единственное место, где скандинавский компонент в сочетании со славянским явно присутствует ещё с середины VIII в. — это вот здесь, на нижнем Волхове, и скорее всего, там, где сейчас стоит крепость и рядом с ней «Земляное городище», вот это то место, единственное, которое может быть. Видите, что здесь было до Рюрика, и что это за места.

Кроме того, мы знаем многое другое. Есть такая замечательная вещь, как скандинавские «саги о древних временах». Это, конечно, фольклор, но он совершенно поразительный, потому что и в русских былинах (при их более поздней, чем саги, записи далеко на севере) мы встречаем названия основных древнерусских городов: Киев, Чернигов, Новгород. А в тех скан-

динавских «сагах о древних временах», где действие происходит в Восточной Европе, столица Gardar (то есть «Гарды» — скандинавское обозначение волховской Руси) — это всегда Aldeigja (Aldeigjuborg), то есть Ладога, а не Holmgardr (Хольмгард) — Рюриков городок, позднее Новгород, который если и упоминается, то как что-то второстепенное. То есть саги фиксируют то время, когда центром был не Хольмгард — Новгород, а Ладога, и рядом в сагах упоминается ещё какой-то городок Alaborg, в общем, мы его тоже нашли и раскопали — это Городище на реке Сясь, восточнее Ладоги, прекратившее существование в начале X в. То есть саги фиксируют более древний слой сведений о севере Руси. Кроме того, все это великолепно перекликается с достоверными европейскими источниками.

Одна из этих «саг о древних временах» — «Сага о Хальвдане Эстейнссоне», повествующая, судя по данным родословных её героев, о более ранних временах (840-е—870-е гг.), сообщает о преклонного возраста конунге Альдейгьюборга по имени Хергейр (Hergeirr), защищающем город от нападения норвежских викингов и гибнущем в сражении. Известная скандинавистка Г. В. Глазырина утверждает, что это имя изредка встречается в поздних (XIV—XV вв.) норвежских и исландских письменных памятниках, а «в более ранних источниках не отмечено»³. Г. В. Глазырина права формально, но не по существу.

В «Книге о жизни ... преподобного Ансгария», первого крестителя свеонов (шведов), рассказывается, что в 829 г. послы свеонов просят у императора Людовика Благочестивого священников для проповеди у них христианства. Туда отправился Ансгарий, и главным его успехом было крещение в их главном торговом городе Бирке второго после короля человека в государстве свеонов по имени Херигар (Herigar). Когда в 850—851 гг. на Бирку нападают датчане, обороной крепости, расположенной рядом с Биркой, руководит именно Херигар, уже постаревший и вскоре после этого умерший. Не взяв крепость, датчане около 851—852 гг. нападают на «далёкий город в пределах славян» и разграбляют его. По предположению А. Н. Кирпичникова, которое можно подкрепить дополнительной аргументацией, этим городом была Ладога/Альдейгья⁴. А имя Herigar в латинском тексте жития Св. Ансгария представляет лишь несколько изменённое в иноязычной среде скандинавское имя Hergeirr.

Таким образом, примерно в одно и то же время обороной Бирки в Швеции и тесно связанной с ней прямым торгово-воен-

ным путём Ладоги/Альдейги руководят престарелые вожди, носящие одно и то же, редкое в это время, имя. Враги их — западные скандинавы: в первом случае датчане, во втором — норвежцы, причём главный герой последних носит имя Хальвдан («полудатчанин»). Высоко вероятно, что ядром «Саги о Хальвдане» является эпическое предание о действительных событиях, происходивших на Балтике и в Приладожье в 850-х—860-х гг.

Более того, в этой Бирке был сам Ансгарий и другие епископы и священники, которые христианизировали шведов, и сам Хергейр был христианином, и вот отсюда раннее знакомство свеев и русов с христианством. А после этого на все это ложится археология. Выясняется, что с середины VIII в., как минимум (отсюда эта дендрохронологическая дата «основания Ладоги» по деревьям из древнейших построек — 753 г.), а вероятно раньше, здесь на финских землях встретились скандинавы, славяне и, возможно, балты. Они — скандинавы в Скандинавии — сохраняли свою идентичность северно-германскую, славяне в районе Ильменя тоже — славянскую, а здесь, в низовьях Волхова, возник смешанный этнос на финских землях скандинаво-славянский с финской примесью, который назывался «русь». Как выясняется, главным его языком был извод скандинавского, славянским они все владели, а потом все перешли на него, но вначале основным языком руси был скандинавский. Это в школе не проходят, но это так.

Дело в том, что совершенно нейтральный свидетель, Константин Багрянородный, император византийский, большой умница, написавший в середине X в. целое сочинение для сына об управлении империей, очень много пишет об этих северных «рогах», как произносили их в Византии, и он сообщает названия днепровских порогов. Вы знаете, что там тоже пороги, которые трудно было преодолевать, они сейчас перекрыты Днепрогэсом, и император византийский даёт два ряда названий — русские названия порогов и славянские. Ну, вы, кажется, догадываетесь, что получается — русские названия порогов объясняются из древнешведского, а славянские — из славянского. И эти вещи надо помнить и знать. Вот, например, болгарский язык где-нибудь в VII в. нашей эры был тюркским! А франкский (французский) был германским, а у норманнов язык был скандинавский, а в северной Франции — Нормандии они перешли на вариант французского, а потом принесли его в Англию, и поэтому там

треть слов романских корней. Это всё движется, это многообразии исходных корней. И этот предгосударственный организм «русь» завязывается здесь, на Волхове, и всё это великолепно подтвердилось археологией. Не нашли только одного — рабынь-блондинок, столь ценимых на востоке, вот это пока не подтвердилось, ни одна не откопана. Это такой товар, который археологически с трудом улавливается, на местных кладбищах нашли захоронения женщин и мужчин, но это все-таки не эти прекрасные блондинки.

Мечи нашли, причём при раскопках в самой Ладоге железных мечей нет пока, кроме одного спорного предмета. Но в большом количестве находят деревянные детские мечи, но эти деревянные детские мечи сделаны папочками-профессионалами. По некоторым экземплярам можно определить вариант железного прототипа деревянного меча, в том числе VIII—IX вв. Обычно говорят, что они игрушечные — да нет, они зачастую не игрушечные, эти деревянные мечи для детей тренировочные, они вот с такого возраста начинали обучаться на этих мечах, потому что они сделаны абсолютно профессионально. И вот здесь эта меченосная публика всю присутствовала.

Меха! Ну, меха плохо обнаруживаются при раскопках, правильно? В том перегнившем слое, в котором вы копаетесь, возможно, и мех есть наряду с навозом, но его определить довольно сложно. Но есть другое — бесконечное количество бус, вы по раскопкам знаете? И со временем они становятся все более многочисленными и дешевыми в пределах VIII—X вв. И здесь уже точно в начале IX в., а предположительно ещё в конце VIII в., появляется своя стеклодельная мастерская для того, чтобы делать бусики. И их такое количество, что давно уже ясно, что это не просто бусы — украшения местных красавиц, а это колониальные товары — помните, как у туземцев в Африке и на островах золото выменивали на блестящие побрякушки? Эти бусы — валюта для того, чтобы скупать пушнину у северных народов: у финнов, у лопарей, которые жили здесь и далее на север и на восток. Так что косвенно мы этот мех находим, причём ясно, что столько бус здесь было только в раннее время, потому что когда потом летописец описывает, как ладожане находят в XII в. эти бусы, он поражен и думает, что они выпадают с дождем, понимаете? То есть ему уже трудно представить, что слой мог быть вот так насыщен этими бусами. Это, конечно,

великолепная транзитная торговля, одновременно связанная с тем, что они были знакомы и с христианством, и с исламом, и с иудаизмом, и поэтому когда Владимир выбирает среди этих религий, он выбирает не с кондачка. Он давно был знаком со всем этим, ему было среди чего ориентироваться, это был огромный, широкий выбор, и вот завязывалось это всё вот здесь, на берегах Ладоги, Волхова, Ильменя.

В Ладоге и её окрестностях находят большое количество арабских серебряных монет, привозимых русами из торговых и военных экспедиций. Часть этого серебра шла дальше, на запад, в Европу. А оттуда шли мечи и другие товары.

Причём находят вещи совершенно поразительные, некоторые из этих вещей европейского мира найдены только в Ладоге и в ее окрестностях — к югу, в районе Новгорода, Смоленска, Киева этих вещей уже нет, они кончаются здесь! Потому что это место по речным путям, по своей территории принадлежало к Восточной Европе, говоря старым языком — к Скифии, или Сарматии, но поскольку оно достигалось с запада морским путем, оно принадлежало и к Европе Северной, оно было частью Северного Средиземноморья, и поэтому ряд вещей доходит только до этих мест и останавливается и дальше не идёт. Какие это вещи? Ну, например, прямо против каменной крепости на том берегу Волхова — на первой надпойменной террасе урочище с древним могильником, называемое «Плакун». Название, вероятно, очень древнее.

Вот вы ходите по Варяжской улице. С какого времени она Варяжская? На раскопках на ней самое древнее бревно — 842 г., за 20 лет до Рюрика, а культурный слой еще раньше чувствуется! Тут вообще началось поселение с 830-х гг., то есть упрощённо говоря, она Варяжская с 830-х гг., она немножко по-другому пролегалла, но неважно, она здесь со времён «хакана росов». А там урочище «Плакун» — таинственное название, не проанализированное до сих пор. Там курганы обнаружены, скандинавские. Видимо на курганах плакали, обычное выражение — «плакати», «жалети»... Интересно, самые поздние из этих курганов — середины X в. Значит, название с тех пор? С тех пор, после чего там уже только по традиции «плакали»? И вот там был обнаружен скандинавский могильник — захоронения в ладьях, с различными вещами, с великолепными сосудами, видимо, для литургии, для церковного служения, которые дела-

лись на Рейне или даже на Сене (сосуды типа «Tating»). И некоторые другие вещи совершенно поразительные, более нигде на Руси не встречаемые. И там раскопан был один курган, где всё сгнило, потому что было в воде, но там лежал человек в деревянном срубе, одетый в меховые одежды, которые истлели, с большим количеством предметов из серебра, бронзы, железа. Всё это перегнило, истлело, в виде окислов лежало там, но совершенно ясно, что это выделяющаяся могила некого вождя, некого конунга. Дата по бревнам, по дендрохронологии вам знакомой, — 890—895 гг. Ну и есть такое подозрение — а уж не Рюрик ли? — прямо против крепости некий вождь. Ну, от него ничего не осталось, были зубы от него — потеряны... Простим, всё как-то теряется. Вообще, если это не Рюрик, то фигура близкого времени. И знаменитый большой дом, раскопанный Рябиным, подобный тому, который вы, может быть, сейчас копаете, сделан из брёвен, срубленных тогда же, когда бревна для этой могилы, тоже в 890-е гг. Значит, в это время некий дворец деревянный строится на «Земляном городище», и кто-то знатный захоранивается на том берегу, вот такие дела!

Есть там, в южной части «Плакуна», и другое сооружение, такое сопкообразное, на вершине которого ещё одно скандинавское захоронение, которое датируется скорее всего второй четвертью X в. Уж не Олег ли?, потому что, по летописи, могила Олега в Ладоге, по новгородской летописи, именно где-то здесь. И здесь возникают многие подозрения, потому что обычно скандинавы хоронили на родовых кладбищах, а он был родичем Рюрика, и под Новгородом могилы Рюрика нет, ни одно из новгородских преданий летописных или фольклорных не зафиксировало этого. Так что, либо он погиб в Карелии, как пишет одна поздняя летопись, либо он был довезен досюда⁵.

Во всяком случае, эта завязь раннегосударственного образования возникала здесь и задолго до Рюрика, и по данным восточных и западных источников ясно, что, как минимум, в 830-х гг. здесь существовал организм, который имел дипломатические и торговые связи с Франкской империей, с Византией, с Багдадом и включался в торговые связи евреев по всему миру. То есть здесь произошёл просто какой-то энергетический взрыв, который иногда бывает в истории. Вот бывает в истории, что иногда на неожиданном месте возникает невероятная энергия. В частности, до сих пор необъясним взрыв эпохи викингов —

все попытки объяснить его чисто экономически потерпели крах. Равно как и невероятный взрыв «греческого чуда», VIII—V вв. до н. э. — помните? Великая колонизация, греческое искусство...почему? Существуют очень смешные объяснения, и, в общем, мы должны развести руками и сказать, что мы ещё не знаем, почему в какие-то моменты происходят вот такие приливы сил.

Ну, и это, конечно, отражалось и в другом — это сопки. Надеюсь, по сопкам вы немножко погуляли. А ходили ли вы на Победище? Да? Ну, молодцы. А видели воссозданную там сопку, да? Она воссоздана замечательным археологом, Валерием Петренко, ушедшим из жизни. Так вот эта сопочка вначале, она есть на старых изображениях, была немножко другая, у неё наверху была плоская площадочка. И судя по сопоставлению источников, именно на этой сопке, на Победище, которая сейчас воссоздана и которая вновь стала сопкой — ну, это отдельный разговор, — видимо, именно на ней обедала Екатерина II, которая время от времени проезжала по своей державе. Помните, она однажды ездила по Днепру на юг, — знаменитые «потёмкинские деревни». Ездила она и по Волге, и очень точно заметила, когда доехала до Казани — ну, Казань формально в Европе — она записала в дневнике: «Вот мы и в Азии». Она была умница, она как-то так по минаретам, по всему — всё-таки почувствовала, что это уже Азия и не надо заниматься школьной географией — мы в Азии. И по Волхову проехала. И здесь на сопочке ей расстелили, посадили государыню над Никольским монастырём — на сопочке, да... — и она поела. Эта сопочка восстановлена.

Кроме того, вы знаете прекрасную сопку за Иоанном Предтечей над крутым поворотом Волхова, так называемую «Олегову могилу». На одной старой акварели видно, как она выглядела до раскопа — она была в полтора раза выше, около 10,5 м! Она в совершенно уникальном месте: если вы взглянете с вершины этой сопки, вы увидите лучшую панораму окрестностей Ладоги. Заметили ли вы, какие крутые склоны у «Олеговой могилы»? Сопки не насыпались, они строились совершенно особым способом, они возводились, поэтому до сих пор сохранена эта невероятная крутизна их склонов — я бы мог рассказать вам, как это делается. Если смотреть с вершины в сторону дороги — вы еще зайдете туда — вы увидите под сопкой лежащие камни,

они были сворочены при прокладке дороги и при прокладке канавы, обводящей дорогу. Ещё в сороковые годы видели, как они лежали. Ровно на север от «Олеговой могилы» эти камни образовывали два расходящихся луча, около кургана — два луча на север. Скорее всего, это направление пути души после смерти.

А сопки поразительные! Они грандиозны, огромны. Эти русы никого не боялись! Очень многие народы прячут свои могилы, да?, а эти — прямо по речным путям ставили вот эти сооружения. «Олегова могила» вообще стоит в чрезвычайно важной точке. С неё полностью видна Любша — это городище на том берегу, и по отношению к Ладогe Любша — как Кронштадт, этокрытие с моря, оттуда могли посылаться огнём сигналы об опасности с севера, и одновременно с «Олеговой могилы» прекрасно видна крепость самой Ладоги. Шоссе не случайно прошло около этой сопки — там пересекаются водные и сухопутные пути, шоссе проходит по старым дорогам, понимаете, это поразительное место. И вот эти сопки, которые отличаются тем, что они грандиозны, а в нижней части их — огромные каменные конструкции, они обведены венцом камней, целой стеной, и в нижнем венце какие-то странные каменные сооружения, в т. ч. иногда некие «алтари» треугольной формы, как правило, острым концом направленные тоже на север, встречаются только на нижнем Волхове. Правда, к летописному Олегу сопка «Олегова могила» (другое название «Полая сопка») прямого отношения не имеет. Обнаруженное в 1820 г. в ней погребение датируется VIII—серединой IX в.

Одна из древнейших сопок была найдена на Победище, к югу от Ладоги, и в ней был найден культовый пояс из Прикамья — такой шаманский женский пояс, который здесь в Финляндии, в Ладогe, в Швеции попадает в мужские могилы. Женская магия Прикамья была так сильна, что здесь ею пользовались мужчины. И когда (по «Младшей Эдде») бог Тор шёл на восток, в Прикамье, состязаться там с великанами, то он получил от местной великанши такой пояс. И вот мы находим почти буквальное отражение этой ситуации в этой древнейшей сопке. Так что на финских землях, с участием финнов, несомненно, здесь произошёл вот этот контакт, первый, славян и скандинавов. И когда они приглашали Рюрика, видимо, эта первичная «русь» уже и не знала, кто они — шведы или славяне — мы «русь»! Но с

приходом Рюрика скандинавский компонент усилился. И скандинавский язык усилился. И потомки Рюрика — Олег и Игорь пошли на Киев, но там они оказались в полном окружении славян — полян, северян, древлян — и ославянились заново! И возвращались обратно на север, неся уже славянский язык как свой. Вот такая история. При этом в том, что я вам говорю, нет ничего нового.

В целом ситуацию с зарождением протогосударства Русь можно представить так. Ещё в IV—VI вв., как это явствует из сообщений историка Иордана, здесь, на землях финских и самских этносов, через Неву, озеро Ладога и далее по рекам Приладожья и Поволжья и по самой Волге выходцами из Скандинавии прокладывается путь в Прикамье и Приуралье. Целью его была скупка и захват высококачественных мехов для сбыта их в Западной Европе. Не менее важно притяжение сакрального («шаманского») центра в Прикамье, отразившееся в скандинавских мифах о поездках Тора, Локи и Одина на восток для состязаний в тайноведении и обретении мудрости. Походы за благодатью и славой, воплощённой в материальные ценности, характерны для скандинавов. Реально сакрально-торгово-даннический путь между Швецией и Прикамьем прослеживается со второй половины VII в. по распространению прикамских магических поясов, подобных найденному в одной ладожской сопке. Энергетический взрыв, именуемый «эпохой викингов» и отмечаемый в Северном море с конца VIII в., в Балтике начинается ранее, с середины VII в., и выражается в военных набегах и колонизации земель на востоке.

Не столь эффектное, но более основательное расселение славянства на огромной территории сначала на запад и юг, а потом на северо-восток охватывает конец V—VIII вв. Это «Великое расселение славян» примерно на век запаздывает по сравнению с общеевропейским «Великим переселением народов» (конец IV—VII вв.). Получив сначала ряд культурных и социально-экономических импульсов на юге в Подунавье и, отчасти, на западе, славянство при обратном движении на северо-восток к концу VII—середине VIII вв. достигает Ильменя и Волхова (отдельные группы славян или балто-славян могли появляться на севере и ранее, в V—VI вв.).

В середине VIII в. происходит встреча скандинавов и славян в Поволховье и возникает торгово-ремесленно-земледельче-

ское поселение Aldeigja/Ладога. К 830-м гг. в Поволховье и на прилегающих землях складывается протогосударственный организм, связанный торгово-дипломатическими контактами с тремя величайшими «империями» и состоящий из возглавляющей его скандинаво-славянской «руси» и зависимых от неё союзников в лице чуди, ильменских «славян», какой-то группы кривичей, а, возможно, и мери. В это же время начинаются и отдельные дальние военные акции «руси» — набег на северное побережье Малой Азии, не позднее 840-х гг., и, возможно, набег на Испанию около 844 г. Ладога становится столицей «руси» — этносоциума, воспринимавшего себя как этнос, но реально ставшего зародышем социального военизированного «высшего сословия», игравшего роль пресловутого «аппарата насилия». Этот-то организм русская этническая память и запомнила как исток Русского государства.

Около 845—850-х гг. эта система подвергается удару викингов (норвежцев? датчан?), которые нарушают сложившуюся экономическую и политическую ситуацию. Знать местных этносов перестаёт получать привычные доходы, утрачивается относительная стабильность. Возможно, пришельцы вовлекают часть местных воинских сил в поход на Константинополь в 860 г., кончившийся гибелью большей части флота «росов». Возможно, во время этого похода какая-то часть выходцев с севера оседает в ранее подвластном хазарам Киеве-Самбатасе, что отражено в летописной легенде об Аскольде и Дире. Где-то в конце 850-х—860-х гг. происходит восстание северных племён против «варягов-находников», последовавшая затем «смута» и, судя по археологическим данным, около 865—871 гг. — приглашение Рюрика.

При Рюрике и его родичах и потомках столица (всё ещё скорее «руси», а не «Руси») переносится в Новгород (древнейший Новгород-Хольмгард, «Рюриково городище»), а затем в Киев, после чего «русь» постепенно полностью славянизируется и возникает Русское государство («Русская земля»).

Во всём вышеизложенном некоторое внутреннее отталкивание моих русских и «русскоязычных» слушателей может вызвать слишком большая роль скандинавов (т. е. северных германцев) в описанных процессах. Я специально подчёркнуто выявил эту роль, поскольку о роли славянства в советской и российской литературе сказано более чем достаточно, и «заслуги

славянства» неоспоримы. Надо было сказать и о скандинавском компоненте этой первоначальной «руси», экономической основой господства которой была торговля мехами, работоторговля (из песни слова не выкинешь) и транзитная торговля оружием на проложенных руссами путях, преимущественно водных (речных и морских). Главное же я хотел донести до вашего сознания, что эти скандинавы, сыгравшие роль в формировании княжеской власти и дружинного, и купеческого сословия, были такими же нашими предками, как славяне и финны.

Очень часто формулу истории дают поэты, особенно те поэты, которые от природы гениальные историки, — у нас есть такие на Руси, в первую очередь, это Алексей Константинович Толстой. Его замечательные пьесы о русских царях: об Иване Грозном, Федоре Иоанновиче, о Борисе Годунове поразительны, он там реконструирует обстоятельства смерти Иоанна Грозного, которые точно никто не знает. Историки сейчас пишут, что появляется всё больше материалов, показывающих, что Алексей Константинович был прав в том, как Борис Годунов психологически сыграл в последний момент, чтобы отправить Грозного на тот свет — что он его резко взволновал, когда его нельзя было волновать, то есть Алексей Константинович реконструирует потрясающие вещи. Наряду с этим Алексей Толстой — это замечательная лирическая поэзия, и вам, вероятно, известен хотя бы романс «Средь шумного бала, случайно...» на его слова. И, кроме того, это совершенно поразительные баллады исторические. Его любимая баллада «Змей Тугарин». Это баллада, где Руси предсказывается будущее татарской империи и перерождение Руси, а князь Владимир, при котором как бы это происходит, не верит в это. И вот что несёт князь Владимир, который, между прочим, в реальности имел титул «каган», а «хан» — это только сокращенное от «каган», «хакан», «хаан», «хан» — разные варианты, так же как «царь», «цесарь» и т. д. И вот что произносит князь Владимир устами Алексея Константиновича (или наоборот) в конце 60-х годов позапрошлого века, когда он якобы на рубеже X—XI в. слышит эту угрозу того, что будет с Русью. Что говорит Владимир, вот послушайте — он говорит, возможно, больше, чем хотел вложить в его уста Толстой:

«Подайте ж мне чару большую мою,
Ту чару, добытую в сече,
Добытую с ханом хозарским в бою, —

За русский обычай до дна её пью,
За древнее русское вече!
За вольный, за честный славянский народ!
За колокол пью Новаграда!
И если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков живет —
Ой ладо, ой ладушки — ладо!
Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская слава подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката!
И выпил Владимир...»

Вы понимаете, что он говорит — славяне свои, но варяги? Вот тут надо понять — слово варяг в бытовом современном словоупотреблении означает «пришелец», а он даёт формулу «за варягов, за дедов лихих» — за этих предков князей и дружины! Тех, кто воевал, торговал, а потом принимал христианство, это предки лихие, в такой же степени, как и славяне, и финны. Но при этом страшная происходит вещь. Владимир (и А. Толстой) как бы протестует против будущего Руси, которое предсказывает Змей Тугарин.

«И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!
И с честной поссоритесь вы стариной.
И предкам великим на сором,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: Станем к варягам спиной,
Лицом повернёмся в обдорам!»

Обдоры — это северный Урал. И Владимир против этого поворота на восток протестует, а из чего он пьёт?

«Подайте ж мне чару большую мою,
Ту чару, добытую в сече,
Добытую с ханом хозарским в бою, —»

то есть этой верности славянству и варяжской Европе он причащается из ханской чаши! То есть из того, чем ему угрожает Тугарин! Алексей Толстой написал больше, чем думал! Во всяком случае, этот третий компонент русской истории — хазарский, каганский, скифский, евразийский — он тоже отразил здесь, неважно сознательно или интуитивно. Алексей Толстой просто

дал формулу этой «трёхкомпонентности» Руси и особо отметил роль варягов, и поэтому все разговоры, возникающие опять в этом году в «учёной среде» о том, что Рюрик был славянин... Мне всегда на это хочется сказать — ребята, да еврей он был стопроцентный, я с такой же силой могу это доказать, как то, что он был славянин или араб, или ирокез... Много чего можно сказать. Никто не исключает, что в жилах Рюрика могла течь каким-то образом и славянская кровь, потому что в Балтийском море всё мешалось, и балтийские славяне появлялись у нас, но принадлежал Рюрик к системе скандинавской. И её внёс сюда.

Вот так здесь задолго до Рюрика создавался этот организм и по речным и морским путям прокладывал эти связи, а потом он стал мигрировать на юг, и было два центра притяжения — Константинополь и Багдад, и надо было идти по Днепру или по Волге, и эта Русь пробовала оба пути, она ходила и там, и там, но нечто повернуло её на Константинополь.

Евгений Николаевич Носов говорил с вами о славянах. Но по нашей летописи, славянство после некоего странствия по миру сюда на север пришло с Дуная, оттуда, где земля болгарская и венгерская. И они побывали на Дунае, на границах Византии, в некий этап своей истории, и они были знакомы с этим миром. И притяжение этого мира для них было очень важно и, по-видимому, большую роль играли те славяне, которые повернули этот новый порыв на юг по днепровскому пути, им знакомому, в сторону Дуная и Византии. Но, впрочем, и скандинавы уже хлебнули христианства, и, в конце концов, был выбран днепровский путь и пошли столицы: «Рюриково городище» под Новгородом, настоящая столица первично была там, а не в Новгородском детинце, где стоит памятник тысячелетию Руси — не в том месте он стоит, потом Киев, а мечта была — столица в Царьграде, Константинополе, конечно. Я думаю, в подсознании эта мечта оставалась до XX в., во всяком случае, Первая мировая война в большой степени шла под лозунгом «Проливы...должны быть русскими» и т. д. Эту мечту и пытался осуществить в X в. ещё Святослав, который в какой-то момент перенес основную столицу в городок Переяславец на Дунае, на пути к Константинополю, но этого не получилось, пришлось отступить в Киев, принять христианство и начать работать на своей территории, а дальше, как полагалось соответственно званию кагана и восточным связям, медленно разворачиваться на восток.



Рис. 1. Изначальная «русь» на международных путях. Карта-схема:

- 1 — территория, активно задействованные в системе «Скандинавского Средиземноморья»;
 2 — упомянутые в статье населённые пункты: Л — Ладога, А — Алаборг, Н — Невогард, древнейший Новгород-Хольмгард, «Рюриково городище», Б — Бирка, R — побережье Roslagen;
 3 — упомянутые в статье пути.

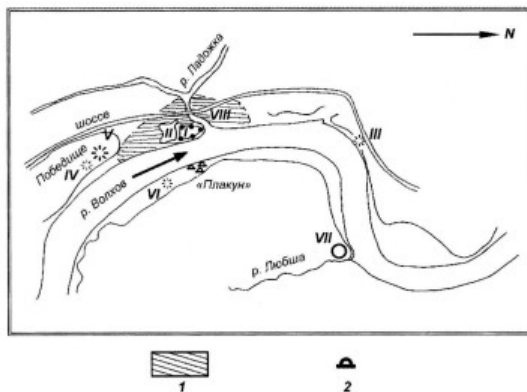


Рис. 2. Карта-схема Ладоги VIII—IX вв.:

- 1 — территория поселения к началу X в., 2 — варяжские курганы в урочище «Плакун».
 I — Каменная крепость, II — «Земляное городище», III — «Олегова могила» или «Полая сопка», IV — сопка, где найдены детали камского («неволинского») пояса, V — сопка, где обедала Екатерина II, восстановленная В. П. Петренко, VI — сопковидная насыпь на «Плакуне», VII — городище «Любша», VIII — Варяжская улица.

Ну и потом опять на Руси возник хаос, потому что та резня князей, которая была перед татарами, говорит о том, что местный беспорядок и неправда, о которой говорит летописная «Легенда о призвании», победили, и на этом этапе нужен был хоть какой-то порядок — и пришли татары. О чём Алексей Константинович тоже писал, напоследок могу вас развлечь. Он об этом писал как бы шутя, легко, про Ярослава Мудрого и последующие времена в своей стихотворной «Истории государства Российского от Гостомысла...», где рефреном служит взятая из летописи фраза «*Земля наша богата, порядка в ней лишь нет!*» Так вот, о Ярославе Толстой говорит так:

«Оно, пожалуй, с этим
Порядок бы и был,
Но из любви он к детям
Всю землю разделил.
Плоха была услуга,
А дети, видя то,
Давай тузить друг друга:
Кто как и чем во что!
Узнали то татары:
"Ну, — думают, — не трусь!"
Надели шаровары,
Приехали на Русь.
От вашего, мол, спора
Земля пошла вверх дном;
Постойте — мы вам скоро
Порядок заведём.
Кричат: "Давайте дани!"

(далее серьёзно) —

(Хоть вон святых неси)
Тут много всякой дряни
Настало на Руси:
Что день, то брат на брата
В орду несёт извет.
Земля, кажись, богата,
Порядка ж вовсе нет».

А кто «на брата в орду несёт извет» — ну, самое звучное имя? Александр Невский, который навёл татар на брата Андрея, а позднее, при правлении своих сыновей за победы над шведами и немцами был объявлен святым. Вообще было бы лучше не сразу объявлять его святым и ему молиться, а сначала века два помолиться за его грешную душу. Не говоря о том, было ли

это исторически необходимо (добровольно идти под татар) или не необходимо (это вопрос сложный), но сделано это было ужасно. Алексей Толстой это знал, он Александра прямо не назвал, но дал понять, что с этого момента «каганское» начало, чуждое Толстому, побеждает на Руси.

Но в начале была закваска вот этого порядка, «наряда», «космоса», она имела сильнейшую европейскую привязку через север Руси — вот это надо помнить — и тогда местное население выбрало эту прививку европейства, которая до сих пор сохраняется в русской крови — как некая болезнь или надежда? А потом Русь выбрала, двигаясь по пути «из варяг в греки», идеологию — христианство, а не ислам и не иудаизм, христианство в его восточном, византийском, в некотором смысле уже «евразийском изводе» — и это определило многое в истории России.

Но начиналось это всё здесь, в Поволховье, и центром начального импульса была та самая Ладога времён Рюрика и ранее, которую вы исследуете на раскопках в экспедиции под руководством А. Н. Кирпичникова.

¹ Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2002.

² Мачинский Д. А. Ладога — древнейшая столица Руси и её «ворота» в Европу // Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 2003.

³ Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. С. 99.

⁴ Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996. С. 83.

⁵ Мачинский Д. А. Вновь открытые источники по истории Руси IX—XII вв. // Ладога — первая столица Руси. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003.

У НАЧАЛА РУССКОЙ ИСТОРИИ. МЕЖДУ ЛАДОГОЙ И НОВГОРОДОМ

В своей лекции я расскажу о некоторых общих моментах моего видения огромной территории Восточной Европы, где сформировалась Древняя Русь, Россия, к истории которой вы прикоснулись своими руками, раскапывая древнюю Ладогу, а завтра снова соприкоснетесь с ней, отправляясь на экскурсию в Новгород. Я постараюсь обратить ваше внимание на то, как история Руси вписывается в рамки истории европейской, а отсюда отчасти и мировой.

В истории народов и государств, наряду с факторами этническими, социальными, политическими и экономическими, важное место, особенно на начальных этапах сложения территорий, принадлежит природно-географическим условиям тех или иных регионов. На примере Древней Руси это особенно очевидно. Древнерусское государство образовалось на огромных пространствах. Славянские племена занимали в Восточной Европе примерно 700 000 кв. км. Расстояние от Новгорода до Киева — двух главных центров формирования государственности — достигало по прямой 1000 км. Кроме того, характерной чертой Восточной Европы, в отличие от Западной, является ее континентальность, удаленность от моря.

Основную часть Восточной Европы образует крупнейшая на материке Восточноевропейская или Русская равнина, занимающая почти половину всей территории Европы. Это огромное всхолмленное пространство, основная часть которого не превышает высоты 200 м над уровнем моря, а абсолютные высоты находящихся на ней нескольких возвышенностей — не более 370 м. Вся территория Русской равнины изрезана разветвленными речными системами, относящимися к бассейнам Балтийского, Черного и Каспийского морей. В силу отмеченного рельефа местности реки имеют спокойное течение и большое количество извилин. Зимой от 2 до 7 месяцев они покрыты льдом, а весной наступает половодье и резкий подъем уровня воды.

Большинство рек, как и крупнейшая река Европы — Волга (длина 3690 км), берет свое начало в центральной части Русской равнины.

Важнейшим фактором, который надо иметь в виду, рассматривая природные условия Восточной Европы, является ее густая залесенность. Все водораздельные пространства между реками в I тыс. н. э. были заняты тянущимися на десятки и сотни километров сплошными лесами и болотами. Письменные источники XII—XVI вв. сохранили массу сведений о лесах и болотах, разделявших отдельные русские земли и зачастую непроходимые в летнее время. Одним из крупнейших лесных массивов, упомянутых еще в «Повести временных лет» (древнерусском летописном своде начала XII в.), являлся «Оковский лес», из которого брали начало такие крупные реки, как Волга, Днепр, Западная Двина.

В подобной природной ситуации реки летом и зимой оставались важнейшими нитями коммуникаций и единственными путями, по которым шло славянское расселение, причем роль рек, как идеальных ровных зимних дорог, нельзя недооценивать. Кроме того, из-за обилия свободной земли лесные массивы на водоразделах между реками во второй половине I тыс. н. э. еще не были сведены и участками, пригодными для пашенного земледелия, были только берега рек и озер. Общая картина размещения поселений и могильников этого времени показывает жесткую привязку их к воде, к разработанным долинам рек с удобными для пашенного земледелия поймами и широкими лугами, необходимыми для скотоводства. Древнерусские летописи, повествуя о расселении восточнославянских племен, говорят об их размещении по основным рекам: на р. Днепр — поляне, между реками Припять и Двина — дреговичи, на Двине — полочане, по рекам Десна, Сейм и Сула — северяне и т. д.

Весьма примечательны с географической точки зрения места, где были основаны древние центры Руси — Киев и Новгород. Киев возник на правом берегу р. Днепр, там, где, приняв воды р. Десна, своего последнего крупного притока, Днепр выходит из зоны лесов в лесостепь. Киев как бы на ключ замыкает широко разветвленную сеть рек верхней части днепровского бассейна, проходивших через зону расселения целого ряда славянских племен — полян, древлян, северян, радимичей, дреговичей, частично, кривичей. Киевские высоты запирали простран-

ство, занимающее до четверти миллиона квадратных километров. Своими верховьями (вместе с р. Березина) р. Днепр близко подходит к бассейну р. Западная Двина на севере, а его истоки сближаются на северо-востоке с верхним течением р. Волга. Левый приток р. Днепр — р. Десна (вместе с р. Сейм) связывает на востоке Среднее Поднепровье с системами рек Ока и Дон. Правый приток р. Днепр — р. Припять на западе выводит к р. Западный Буг, притоку р. Висла и к бассейнам рек Неман и Днестр. Историки, анализировавшие месторасположение Киева, считают, что именно его географическое размещение явилось одной из решающих причин выдвижения города на первое место в Среднеднепровском районе.

Если обратиться к месторасположению Новгорода, то мы сталкиваемся с почти аналогичной ситуацией, что и с Киевом. Город, основанный при истоке р. Волхов из озера Ильмень, замыкает в ключевой точке обширную разветвленную систему рек ильменского бассейна, охватывавшую почти все земли северной группировки славян. По р. Ловать шел путь на юг к бассейну р. Западная Двина, по р. Мста и р. Поле открывались переходы на восток и юго-восток к верховьям рек Волга и Молога, по р. Шелонь пролегалла дорога на запад к бассейну р. Великая и к Чудскому озеру.

Киев и Новгород можно сравнить с замками в горловинах двух гигантских воронок (рис. 1), втягивавших все нити коммуникаций в области расселения восточного славянства, а отсюда получивших блестящие возможности административного контроля территорий. Однако реки были не только коммуникациями внутри славянского мира, но и важнейшими артериями, связывавшими Русь с внешним миром. Положение Киева позволяло ему контролировать путь вниз по р. Днепр на Черное море и в Византию. Новгород запирали путь по р. Волхов, который выводил к Ладожскому озеру и далее через р. Нева в Финский залив и на Балтику. В вводной части «Повести временных лет» сохранилось описание пути «из варяг в греки», связывавшего Северную Европу с Причерноморьем. Путь, как повествует летописец, шел «из грек» вверх по р. Днепр, волоком до р. Ловать, а по р. Ловать в озеро Ильмень, далее по р. Волхов в озеро Нево (Ладожское) и затем в море Варяжское (Балтийское). На этом пути ключевые места заняли Киев и Новгород, а из 10 древнерусских городов, упомянутых в летописи в связи с событиями IX в., пять находились на пути «из варяг в греки».

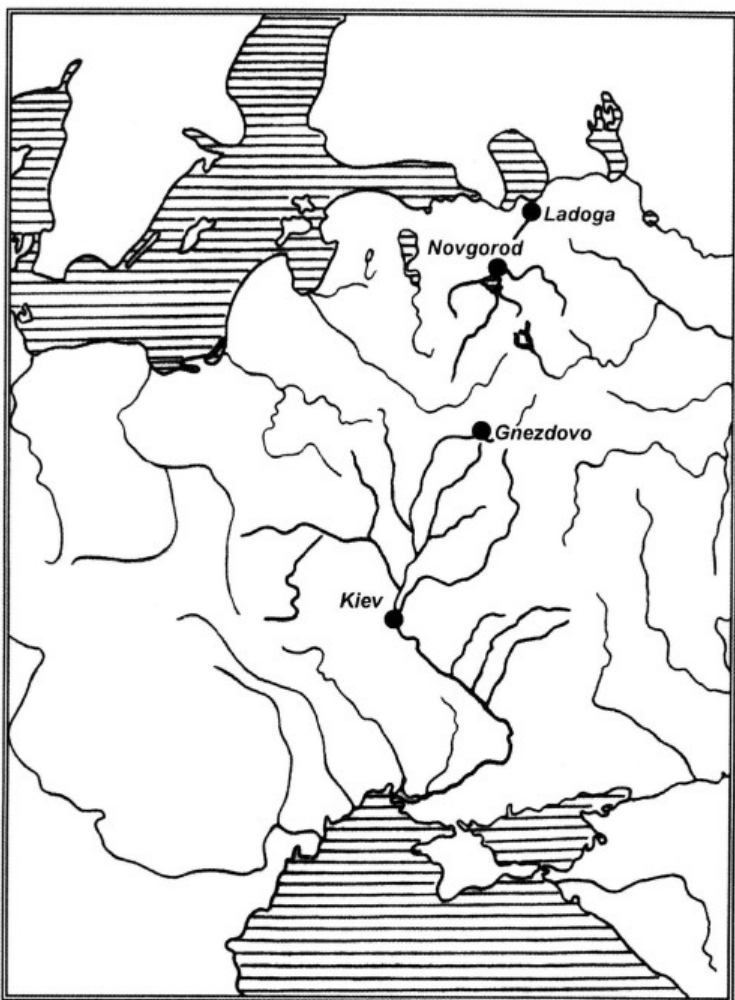


Рис. 1. Речная сеть Восточной Европы и места расположения основных ранних городских центров

Итак, речные системы стали каркасом славянского расселения в Восточной Европе во второй половине I тыс. н. э., которое проходило из бассейна р. Днепр, на север по линии рек Ловать и Волхов к Ладожскому озеру, пересекая массив дославянского населения этих районов. Ключевые места речных систем определили и места возникновения городских центров Древней Руси.

По исследованиям языковедов, лингвистов и другим материалам славянское население, славяне, как таковые, происходят с территории юга современной Польши, Чехии и Словакии. Здесь — родина праславян. Дунай всегда считался славянами их священной рекой.

В I тыс. н. э. начинается расселение славян. Оно было обусловлено разными историческими обстоятельствами. Середина I тыс. н. э. в истории Европы рассматривается как эпоха великого переселения народов, эпоха передвижения разноэтничных племён на огромных территориях. Орды кочевников прокатывались из восточных степей до Западной Европы, германские племена из южной Скандинавии доходили до Крыма. В этот период формировались новые археологические культуры. Что касается славян, то они продвинулись вплоть до Ютландии (славянские поселения известны в 30 км восточнее г. Килья).

В то же самое время славянское население двинулось на северные территории Восточной Европы. Ладога и Новгород как раз и расположены в этих местах. Кем были заселены данные районы в дославянское время? Прежде всего, финно-угорским населением. Об этом свидетельствуют финно-угорская гидронимия и топонимика. Из финно-угорских языков ученые производят такие названия, как Ладога («низкое место», «низкая река»), река Мста («черная» по-фински), река Тигода (восходящая к вепсскому — «барсук»). Даже название «Славянского моря» — Ильмень имеет финно-угорское происхождение — «озеро, определяющее состояние погоды».

Вся территория, вплоть до Западной Двины на юге — это зона финно-угорского населения. Это самый древний пласт археологических культур, который мы знаем здесь. Позднее на него накладывается пласт индоевропейской культуры. Кто же они были? Это были балтские племена. Самым северным балтским гидронимом является название реки Тосно под С.-Петербургом.

И вот в этот «котел» финно-угорского и балтского населения приходят славяне. Это было совершенно иное население. Что я имею в виду? Славяне являлись населением Центральной Европы с навыками пашенного земледелия, скотоводством, с более развитой социальной организацией общества. Они оказали огромное влияние на развитие восточноевропейского мира. Мы сейчас находимся в Ладогe, куда дошел мощный поток славян, прошедший через зону расселения балтов и финнов.

Тут мы сталкиваемся с «большой» историей народов, о которой, несомненно, следует думать, рассуждать. Часто говорят — советские, теперь русские историки любили и любят заниматься этносом народов, искать в археологических культурах разные этнические черты. У них как бы прирожденная страсть ко всяческому этническому определению!

Придется возразить. Так уж сложилась историческая ситуация. Никакого особого стремления к подобным определениям у российских ученых нет и не было. Посмотрим шире. Возьмем территорию Швеции. Здесь в бронзовом веке жили предки современных шведов, и в железном веке — шведов, и в средневековье это все шведы, и мы видим одну историю одного народа. Этнические вопросы остаются как бы на втором плане.

На территории лесной зоны Восточной Европы сложилась совсем иная ситуация. На финское население наслоились балты, сюда же пришли славяне, и так образовался сложнейший этнический конгломерат. Все это отразилось и в материальной культуре, с чем имеет дело археология. Естественно исследователи вольно или невольно стремятся распознать эту историю и ответить кто жил на том или ином поселении, кто похоронен в этой сопке или кургане.

Итак, славянское население продвинулось на северные территории лесной зоны Восточной Европы, но что стимулировало здесь рост экономики, за счет чего развивалось и процветало общество? Кругом были непроходимые леса, болота, малоплодородные почвы. Зерновые культуры вызревают в данных районах медленно, зерно мелкое и т. д. Даже в XIX—XX вв. на всех этих территориях население порой лишь «сводило концы с концами», ну а в средние века, мы об этом знаем из письменных источников, часто встречались просто голодные годы.

Где же был тот стимул, который, собственно говоря, двигал вперед экономику всей этой территории? Откуда исходил тот

импульс, который дал развитие русской государственности на севере?

В VIII в. в районах нижней Волги и Дона сформировался Хазарский каганат, Хазария. У него с третьей четверти VIII века сложились хорошие отношения с арабским халифатом. В арабском халифате — это, в основном, территории нынешнего Ирана, Ирака, шла очень интенсивная чеканка серебряных монет. Эта масса серебра «выливалась» в Хазарию и на Русь.

Серебро из халифата шло на обширные территории севера, включающие Скандинавию, Польшу, Прибалтику, Германию, Данию, Россию, Украину, Поволжье. Тогда, в начальный период «серебряной» экспансии, монеты содержали около 90% чистого серебра.

По подсчетам известного американского нумизмата Томаса Нунана в более чем тысяче учтенных им кладов насчитывалось около 228 000 отдельных серебряных монет. При этом надо иметь в виду, что многие клады остались не известны ученым, монеты из множества других были переплавлены еще в древности. Т. Нунан полагал, что через территорию Восточной Европы «прошло» около 5 — 6 миллионов монет. Из них около половины осталась здесь, другая — попала в регион Балтийского моря.

Историки подсчитали на основе различных письменных свидетельств, что арабские купцы на Волге, если они благополучно возвращались домой, получали 1000-кратную прибыль от торговли серебром. В обмен на серебро они приобретали меха и рабов, точнее рабынь. Эта встреча севера и юга закрутила огромный маховик средневековой торговли. Средневековую торговлю следует представлять не просто как куплю-продажу. Она сопровождалась разбоями и грабежами, требовала организации переходов, мест остановок на водных путях, специальных центров обмена товарами и т. д.

Как только серебро стало поступать в лесную зону Восточной Европы, в торговлю активно включились и скандинавы, прежде всего, из районов Средней Швеции, прилегающих к озеру Меларен. Древнее поселение Ладога оказалась первым пунктом, который открывал ворота в Западную Европу.

Два основных фактора послужили катализатором развития рассматриваемых территорий: проникновение славян, впитавших центральноевропейские традиции, и движение с севера скандинавского населения. Все это происходило на фоне обширного

мира балтских и финских племен. Так начиналось становление Древней Руси.

Почему Ладога возникает в устье Волхова? Давайте задумаемся. Река Нева по-своему своеобразна. Она имеет длину всего лишь около 70 км, при ширине до 600 м и глубине 6—8 м. Основное плавание на территорию Восточной Европы шло из Средней Швеции, из района озера Меларен, как показывают данные археологии. Но что такое Меларен? Это как бы огромный фиорд, с десятками островов, заливов и проток, тянущийся на сотни километров. Далее путь пролегал к Финляндии, между множества Аландских островов, от острова к острову, а потом вдоль побережья Финляндии. Затем, уже названная мною Нева, короткая и полноводная. Потом — Волхов. Здесь, за Ладогой, где сейчас находится г. Волхов, вы завтра увидите ГЭС, где располагались самые мощные пороги на всей территории Восточной Европы. Пройти их было невозможно!

Немецкие корабли, которые сюда приплывали в XIII—XIV вв., как мы знаем по средневековым источникам, перед порогами разгружались, а из Новгорода шли специальные плоскодонные суда.

В Ладоге имеется единственная речка в нижнем Поволховье — Ладожка, где можно было поставить корабль, перегрузить товары, остановиться для починки снастей. Вот поэтому, в принципе, возникает Ладожское поселение. Это, с одной стороны, конец большого морского пути, с другой стороны, — конец большого континентального пути, это место встречи двух миров.

Представим себе, что мы плывем дальше вверх по Волхову (рис. 2). Перед порогами, где сейчас волховская ГЭС, а раньше начинались пороги, как и в окрестностях Ладоги известны группы сопки, там же располагалось и укрепленное поселение. Оно не дошло до наших дней, но по имеющимся материалам поселение несомненно существовало уже в IX в., а возможно, и ранее. Выше по реке у Пчевских порогов располагается еще одно городище, здесь же известны и сопки. Под Новгородом, где Волхов раздваивается на два рукава, находится Холопий городок, а в самом истоке реки известное Рюриково городище. Одним словом, расположение укрепленных поселений маркируют этапность пути по Волхову, так же как ее маркируют древние клады серебряных монет.

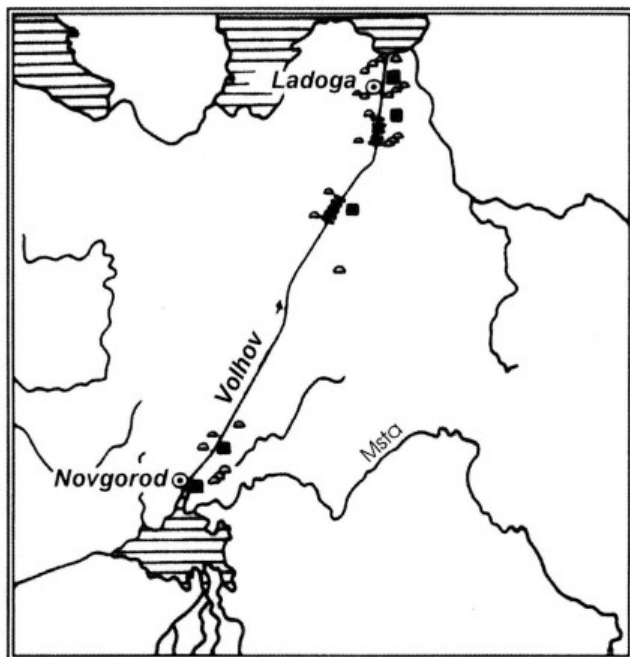


Рис. 2. Археологические памятники Поволховья (между Ладогой и Новгородом)

В Ладого присутствие скандинавов прослеживается с самого начала ее существования. Поселение, конечно, было многоэтничным, но скандинавский компонент в нем несомненен. Напротив Ладожского городища располагался скандинавский могильник в урочище Плакун, где найдены погребения в ладьях. Для славян погребения в ладьях не типичны, их нет и у балтов, нет у кочевников, так же как и у финнов. У финнов только на берегу Ботнического залива под влиянием шведов появился ряд подобных захоронений. В плакунском могильнике похоронены как мужчины, так и женщины, то есть население жило семьями.

Рядом с раскопом, где вы работаете, в древности находилась церковь Святого Климента. При исследовании В. И. Равдоникаса еще до войны здесь было обнаружено кладбище, и исследовано 44 погребения по обряду ингумации. Антропологи определили, что все черепа принадлежат германцам, в данном

случае — шведам. В последнее время удалось датировать зубцы из захоронений и оказалось, что погребения совершены в XI в., то есть в Ладоге в начале XI века при христианстве среди населения, компактно и обособленно, сохранялась часть представителей северного народа.

Теперь обратим наш взгляд на Рюриково городище у Ильменя. По летописным данным мы знаем, что «словене сели около озера Ильмень и прозвались своим именем». Археология позволяет конкретизировать этот вопрос. Единственный участок и самый лучший для начального земледельческого освоения располагается между р. Веряжей и Ильменем. Здесь было найдено несколько десятков различного рода славянских поселений IX—X века.

Рюриково городище находится в самом истоке. Это его положение не случайно. Здесь Волхов раздваивается на два рукава. Городище расположено в ключевой точке. Оно замыкало всю речную сеть лесной зоны Восточной Европы и было в центре густонаселенной местности Приильмения. Напротив Рюрикова городища находилась Перынь — центральное языческое капище славян, упомянутое в летописи (рис. 3).

Кратко расскажу о раскопках на Рюриковом городище. Здесь, как и в Ладоге, на некоторых участках найдены слои с органикой. Древнейшая дата — 889 год, по данным дендрохронологии, но есть слои более ранние.

Под самыми древними слоями зафиксированы следы пахоты однозубым орудием типа рала с высоким центром тяжести. Такие орудия использовались на почвах залесенных или сразу после сведения леса.

В прошлом году была найдена на городище первая берестяная грамота с упоминанием имени князя. Постепенно углубляясь, мы нашли древний ров, то есть первые укрепления городища, причем ясно совершенно, что к рубежу IX—X века фортификационные сооружения стали разрушаться.

Обнаружены наружные хлебные печи (рис. 4). Вообще хлебные печи — очень любопытное явление славянской этнографии. Хлеб был распространен именно у славянских народов или у тех народов, которые с ним соприкасались. Я, конечно, имею в виду хлеб в нашем понимании, поджаристый, пышный.

У германцев существовала совсем иная традиция. На древних поселениях территории Швеции, Дании, Германии, Англии и

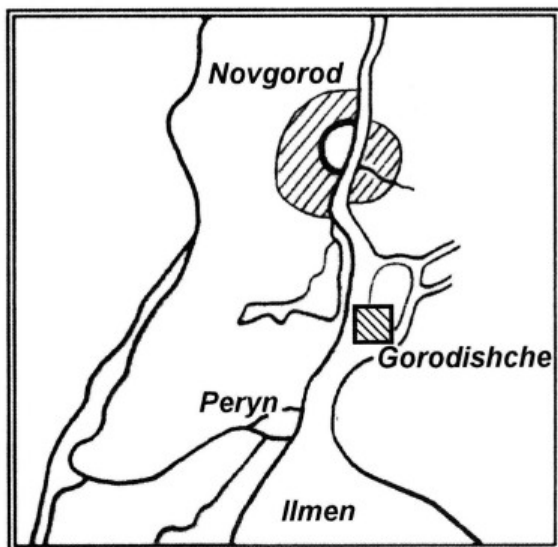


Рис. 3. Памятники в истоке Волхова
(Новгород, Рюриково городище и языческое славянское святилище Перынь)

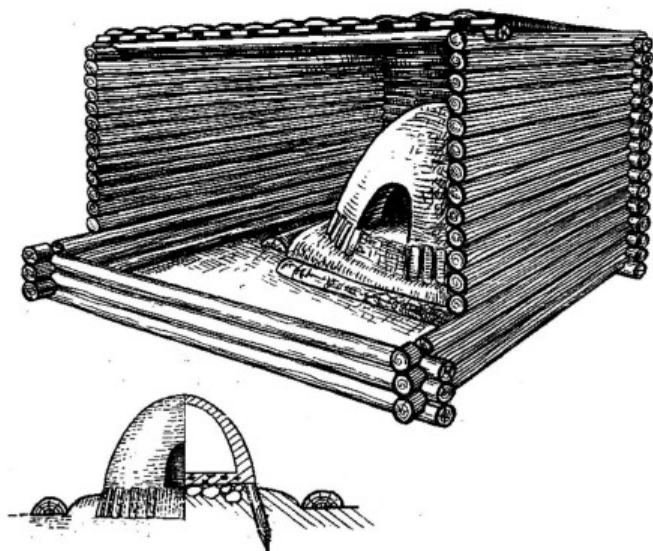


Рис. 4. Рюриково городище.
Реконструкция сруба с хлебной печью (20-е годы X в.)

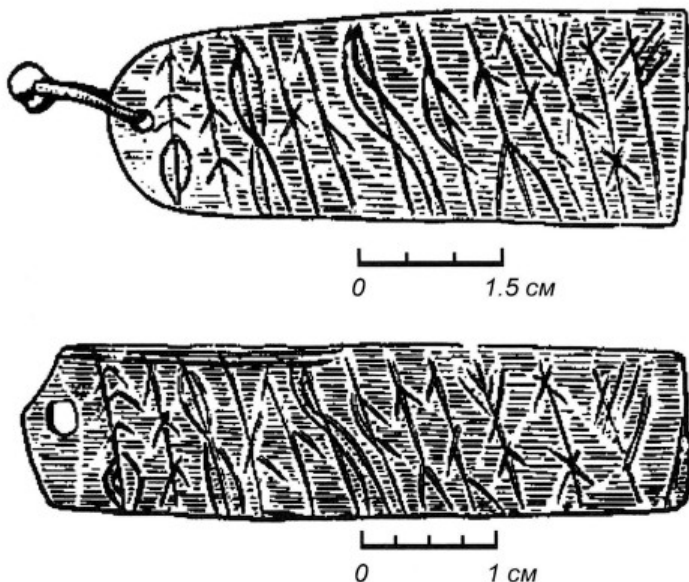


Рис. 5. Рюриково городище.
Подвески с руническими надписями второй половины X в.

т. д. в домах или рядом с ними были не печи, а очаги. Очаг, в отличие от печи, всегда был открыт сверху, он находился в центре дома, горел открытый огонь, над ним вешали котлы, жарили и пекли лепешки.

В доме славянского типа — в Польше, Чехии, Греции, в Финляндии, на территории всей Древней Руси — печь располагается в углу, хлеб ставят в нее, и это совершенно другая технология приготовления пищи, совершенно разные этнографические традиции. Такие печи найдены не только на Рюриковом городище, но и в Гданьске, в Щецине, в Новгороде и в Ладоге.

Теперь обратимся к собственно Новгороду. Рюриково городище в ранних напластованиях датируется IX—X веком. Старый город! Просится закономерный ответ, что новым городом является Новгород, что как будто соответствует и его названию.

При многолетних раскопках Новгорода ничего раньше словес второй четверти X в. не найдено. Культурный слой Новгоро-

да достигает 6—8 м толщины! Уникальный случай для Европы, а пожалуй, и во всей мировой археологии.

Несколько слов о Рюрике и известной всем варяжской легенде. Приглашение князей из-за моря, Рюрика и его братьев, «Повестью временных лет» было подано как реальное событие середины IX в. Оно обосновывало легитимность династической власти Рюриковичей вплоть до позднего средневековья. С начала XVIII в. этот летописный рассказ явился основой известных споров по «норманнской проблеме» или «варяжскому вопросу», который имеет два главных аспекта. С одной стороны, это вопрос о сложении самого летописного рассказа о Рюрике. Действительно ли речь идет о реально существовавшей личности и следует рассматривать совершенные ею поступки и связанные с ней события с той же степенью достоверности, как мы рассматриваем сведения о деятельности, к примеру, Владимира Мономаха или Петра Великого, или перед нами только легенда, созданная в определенное время и с определенными целями. С другой стороны, «норманнская проблема» затрагивает и основные общие вопросы отечественной истории, а именно, что мы вкладываем в понятие «образование государства и государственности» и Древнерусского государства, в частности, о каких явлениях и каком времени может идти речь и, наконец, какова роль скандинавов в образовании восточнославянского государства.

Историки часто спорят — был Рюрик или нет. Ответа, видимо, никогда не будет, но исторический фон появления скандинавов в Поволховье вполне достоверен и подтверждается материалами археологии. Особенно много находок скандинавского типа на Рюриковом городище: фибулы разных типов, фигурка женщины-валькирии, связанная со скандинавской мифологией, подвески с руническими надписями (рис. 5), ладьевидные браслеты, кольцевидные булавки и т. д. Представлены вещи славянского круга древностей, финно-угорской культуры.

Сам Новгород делился на 2 части. На территории нынешнего Кремля в конце X в. возникает новый культовый центр, центр христианский. Строится София, сначала деревянная, церковь Иокима и Анны, двор епископа, который был обнесен оградой. Вокруг этого двора начинает постепенно развиваться город, состоявший из двух частей: Софийской стороны и Торговой стороны. Позднее формируются городские концы. Вдоль Волхова

шли пробойные улицы, которые подводили к основным путям из города. Большинство улиц перпендикулярно спускались к реке.

Несколько слов о берестяных грамотах. Сейчас известно около 1000 берестяных грамот. Это очень важно для русской истории и культуры. Почему? У нас о древнейших событиях истории страны рассказывают летописи. Они содержат официальные данные: умер епископ, построили церковь, голодный год, пошли в поход и т. д. А берестяные грамоты говорят о повседневной жизни простым народным языком.

Кто-то пишет жене, чтобы прислала рубаху, другой жалуется на какие-то напасти, попадаются любовные письма, бытовые послания, упражнения школяров и т. д. Вдумайтесь и в такой факт: из 1000 грамот только 4 или 5 написаны писцами! Все остальные написаны от руки — мужчины, женщины и дети. Широкая грамотность населения. В Новгороде грамоты найдены на конкретных усадьбах, и мы можем узнать, кто же жил на них, проследить генеалогии целых семей. Грамоты очень важны и для изучения живого народного языка.

Спасибо за внимание.

РОССИЯ И ЕЁ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Дорогие друзья, дамы и господа!

Сегодня мы начинаем первую из наших лекций, которая входит в цикл лекций «Международной экспедиции-школы «Старая Ладога».

Сегодня будет рассказ на тему «Россия и её зарубежные соотечественники». Эта тема близка многим из вас — русским, приехавшим к нам в Старую Ладогу из-за рубежа. Последние два дня мне задают вопросы и на другую тему: «Для чего это?» Меня спрашивали, почему я участвую в таком необычном проекте. Поэтому я расскажу и об этом тоже.

Граждан России за рубежом живет несколько десятков миллионов человек. Оказывается, что русские — одна из самых рассеянных по миру национальностей. Но «национальность» — не с точки зрения крови или национальности, записанной в паспорте, а национальность в смысле «граждане страны», которые по той или иной причине свою страну покинули. Действительно, Латинская Америка наполнена людьми, говорящими по-испански. Но все ли они — испанцы, выходцы из Испании? Китайцы рассеяны по всему миру. Все ли они покинули свою страну по своему решению или в результате какой-то национальной катастрофы?

Россия в этом смысле представляет собой некоторое исключение. Россия — это страна, которая порождала свою российскую диаспору в результате внутренних катастроф — политических или социальных, или экономических. Что происходило с теми людьми, которые покинули Россию?

Надо признаться, что до Октябрьской революции 1917 года число людей, покидающих свою страну в поисках лучшей доли, было достаточно много и все они, разочаровавшись своей жизнью у себя в стране, кидались наружу, надеясь найти счастье где-то вдали. Как известно, рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Так вели себя и французы, и англичане, и русские тоже. Их влекли неизведанные земли, они переселялись в Северную

Америку, в Канаду, в Южную Америку и т. д. Были и немцы, которых много переехало в Южную Америку, где образовались немецкие колонии. И русских тоже не миновала такая судьба: русские тоже стремились в дальние страны, потому что по тем или иным причинам здесь им было неудобно. Так сложилась дореволюционная русская диаспора (до революции 1917 года). И, вообще говоря, те, кто покинули Россию в те времена, покидали страну сознательно, понимая, что они сами ищут лучшей доли для себя и своих детей где-то далеко от своей Родины.

В 1917 году в России произошел невиданный по мировым масштабам социальный, политический и экономический взрыв. Страна была расколота на две части, и существенная часть населения страны воевала жестоко и упорно в течение нескольких лет против другой части своей страны, при этом каждая из них была полностью уверена в своей абсолютной правоте. Каждая сторона стремилась установить правду, справедливость, законный порядок. Каждая сторона боролась за будущее, за лучшую долю и вообще за то, чтобы справедливость и счастье было кругом. Этот период, называемый гражданской войной, всем хорошо известен, его изучают в школе, он описан в литературе, в мемуарах, на эту тему сняты художественные фильмы, написаны пьесы, ему посвящено огромное количество исторических исследований.

И тем не менее этот период в истории России до сих пор не даёт покоя никому. Отчасти потому, что этот период описан каждой из сторон целиком исходя из того, что другая сторона представляла собой плохо уничтожимое зло, она недопобеждена, и надо её добить окончательно. Красные считали, что те русские, которые убежали за границу, — это недобитые предатели, белогвардейцы, враги страны, которая строит лучшее будущее. Белые считали, что красные, которые развалили Великую Россию, предали её исторические основы, отказались от национального достоинства, они подавили волю и стремление к счастливой и самостоятельной жизни всего населения, ограбили тех, кто имел собственность, разорили и уничтожили крестьянство, поработили рабочий класс, создали армию, которую сами же стали бессмысленно уничтожать, установили абсолютную власть секретной полиции, десятками миллионов губили неповинных людей в трудовых лагерях и путем расстрелов уничтожали лучшую часть населения. Как считают многие историки,

фактически гражданская война в России продолжалась с 1918 по 1990-е годы, и на эту тему написаны серьезные исследования.

И при всем при этом обе стороны, по их убеждениям, были правы.

Мне больше всего на эту тему нравится цитата из русского эмигрантского писателя М. Осоргина, который примерно через 10 лет после революции писал, и за это его не любили с обеих сторон — и красные, и белые: «Стена против стены стояли две братские армии, и у каждой была своя правда и своя честь... Были герои и там и тут; и чистые сердца тоже, и жертвы, и подвиги, и жесточение, и высокая внекнижная человечность, и животное зверство и страх, и разочарование, и сила и слабость, и тупое отчаяние. Было бы слишком просто и для живых людей, и для истории, если бы правда была лишь одна и билась она с кривдой; но были и бились между собой две правды и две чести — и поле было усеяно трупами лучших и честнейших». Добавлю, что и тех, кто не хотел участвовать в братоубийственной борьбе, эта война уничтожала тоже. Такое, не скажу «примирительное», но, на самом деле, более высокое суждение высказано всего-навсего через 10 лет после революции. Мне кажется, это свидетельство глубокой мудрости писателя, который нашёл ту точку, в которую мы пришли только сейчас, через 80 лет после написания этих строк.

Да, бились две Правды. Каждая была цельна, непротиворечива внутри самой себя, каждая отстаивала те ценности, которые корнями уходили: одна — в утопические мечты бедных о том, чтобы навсегда избавиться от богатых, другая уходила тысячетными корнями в историю России, которую надо сберечь. Чудовищными трудами и людскими потерями империя собрала свою территорию и к 1913 году поднялась, чтобы стать великой державой, способной прокормить весь окружающий мир, в ней начали бурно развиваться промышленность, наука, авиация, автомобилестроение, самое быстрое в мире строительство железных дорог и, наконец, крестьянство, получившее волю, становилось на путь фермерства, начало становиться продуктивным, и тут катастрофа — Мировая война, революция, и всё полетело прахом. С другой стороны, в обществе росло понимание, что продолжать так, как есть — с сословным обществом, самодержавной монархией — это тупик, в котором нельзя развиваться такой Великой державе. Надо всё это поломать и уста-

новить Царство полного равенства и справедливости — так декларировали большевики, разбудив в народе могучие, темные и отнюдь не справедливые силы. Удалось все поломать и для установления новой справедливости и равенства пришлось уничтожить десятки миллионов людей, не соответствовавших представлениям власти об их пригодности к жизни в нашей стране. Однако справедливости и равенства не достигли, несмотря на реки пролитой крови.

Кто пал жертвой в этой системе? Конечно, в первую очередь, то население, которое осталось жить внутри СССР. Но был и массовый исход. Вот один из примеров. В целях идеологического оболванивания народа, превращения его в послушную бессловесную массу, руководимую всевидящим вождём, из страны были высланы, сами уехали или бежали лучшие представители культуры, науки и искусства, не пожелавшие принять догмы коммунизма. Таким образом, интеллектуальная элита страны практически была искоренена. Те русские, которые были вышвырнуты из страны, спаслись. Ударная волна революции разбросала русских по всему миру, и эти русские, оказавшись за границей, начали устраиваться — каждый по-своему. Этим людям причисляют к так называемой первой волне эмиграции. Существуют бесконечно разнообразные истории о том, как русский человек научился выживать в условиях, абсолютно для него не приспособленных.

Одна волна гнала русских на восток. Они, воспользовавшись Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД), которая была построена русскими ещё в конце XIX века, достигли конца этой дороги — берегов Тихого океана, где был основан город Харбин, который стал абсолютно русским, абсолютно некоммунистическим. Там царила русская жизнь — наша гимназия, наше высшее образование, там была частная собственность, там было ничем не испорченное Православие. Русские люди установили свой быт, который в настоящее время полностью разбит и разрушен, но тогда это была уникальная демонстрация способности русского народа выжить и процветать, если ему не мешают, даже если он живёт в окружении иноязычном и иноверном, совершенно противоположном по духу. Ну, а потом — Китайско-Японская война, потом пришли японцы, потом Вторая мировая война, потом пришли красные и 30% русских, живших в Харбине, были расстреляны или направлены в сибирские лаге-

ря, где они бесследно исчезли. По поводу 1940-х годов, как мне рассказывала одна из жительниц Харбина, сумевшая уехать в Бразилию: «Когда пришла Красная Армия и советская власть в Харбин и стало жить невозможно, пока нас не разорили, нас не отпустили».

В период «оттепели», в 1956 году, когда многих русских позвали назад, на родину, и многие согласились, они попали в СССР, где их дальше Казахстана не довезли, выбросили в степь, чтобы они осваивали целинные земли. Оттуда русские люди путём редкого по масштабам терпения и мучений, очень многие — фиктивными браками — выходом молодых девушек замуж за русских солдат, служивших в Казахстане, — перебирались в центр, а потом снова покидали Россию, чтобы «рассеяться снова в окружающем пространстве», например, в Бразилии или Австралии. Они уезжали в те страны, которые готовы были принять эмигрантов. После Мировой войны развивающиеся страны нуждались в квалифицированном труде, в людях образованных, трудолюбивых, которые понимают современную экономику и приспособлены к современной жизни. Таких стран оказалось немного — Австралия, Бразилия, Аргентина и много позже США, и понемногу там и осели русские харбинцы, потому что они знали четыре языка, они получили полноценное политехническое или гуманитарное образование, они прекрасно понимали современную экономику, часть из них училась даже не в русских, а в иностранных колледжах, и они прекрасно встроились в окружающую жизнь. Русский человек показал, что он ничем не хуже западного, даже может в этой жизни процветать и жить в полном соответствии с политической и экономической средой. Ничем мы не хуже. Но это были харбинцы, которые создали в Харбине свой анклав и где жили русские люди среди русских идей.

Волна, которая отбросила русских на запад, породила гораздо большее количество несчастий, потому что русские люди не смогли селиться компактно в странах, чуждых им по образованию, по духу, например, во Франции, Германии, хуже было в Греции, лучше в Чехословакии и Югославии и совсем плохо в Турции. Первые волны эмиграции в первую очередь достигали морским путем Константинополя. Через Константинополь прошли сотни тысяч, если не миллионы, людей. Жить в турецком окружении и в мусульманском мире русским людям оказалось невозможно, и они всеми путями двигались дальше на запад,

где пытались «учинять» свою «русскую жизнь». Там была силами подвижников и энтузиастов заново создана русская литература и русские издательства, там были русские театры и русский балет, там были русские гимназии и даже русские высшие учебные заведения, в том числе военные — т. е. все атрибуты прошлой русской жизни. Там даже была русская армия, Русский Общевоинский Союз просуществовал до 1940 года, была попытка сохранить даже русскую армейскую дисциплину. Высшие военные артиллерийские курсы работали в Париже, готовили специалистов для того, чтобы когда, наконец, власть большевиков рухнет, тогда русская армия, прошедшая Первую мировую и гражданскую войны, сможет вернуться в Россию и там будет обустривать свою новую жизнь. Этому не суждено было случиться — советская власть и советская система оказались намного прочнее.

Время шло. Появились новые несчастные люди — те, которые во время Великой Отечественной войны миллионами попадали в плен. Два варианта — или голодная смерть, или война против своих. Эти отверженные — выбравшие второй из этих путей — исторически ни у кого не нашли сочувствия. Как коллаборационистов, западные страны их не признавали, наши считали их предателями, и, попадая в плен к советским войскам, они расстреливались практически без суда и следствия. «Проклятые солдаты», а их было, по подсчетам специалистов, более миллиона, не нашли своего места в истории и жизни. Этим людям было некуда деваться, но оставшиеся в живых пополнили «вторую волну эмиграции».

Но было большое количество перемещённых лиц, не воевавших, но живших в плену, которые знали «повадки» нашей советской системы и понимали, что если они были под оккупацией или были угнаны в Германию, то в СССР будущее им было закрыто. Так и было — наши военнопленные, которые были освобождены из немецких лагерей на немецкой территории и даже на французской, на итальянской, на бельгийской, поверили агентам, зазывавшим их возвращаться назад в Россию к свободной трудовой жизни, все грузились в поезда со своими пожитками и с песнями двигались на восток. Они проезжали границу, вагоны не открывались, а поезда шли и шли на восток, пока не достигали Колымы. Десятки, сотни тысяч человек были таким образом направлены в лагеря — восемь лет полагалось за предатель-

ство, к которому было приравнено попадание в плен. Зная эту систему, многие перемещённые лица после войны не возвращались назад в СССР, они оставались на западе. Судьба их тоже была очень сложна, потому что западные страны, согласно договору со Сталиным, их выдавали. Так, были выданы около двадцати тысяч казаков, которые попали в лагеря или были расстреляны сразу же по прибытии пароходов в СССР. Другие, отбыв наказание и чудом уцелев в лагерях, продолжали жить в СССР с поражением в правах.

Сразу по окончании войны в Европе были силами эмигрантов созданы русские организации, которые помогали русским, перемещённым во время войны из СССР на запад, сделать фальшивые паспорта и отправляли их дальше в Америку, Латинскую Америку и т. д. Присутствующий здесь Николай Шебалин знает об этом лучше, его американские друзья и знакомые участвовали в таких организациях, чтобы спасти русских, воевавших, потерпевших поражение и оказавшихся в плену, от русских же, которые, в случае возвращения пленных, отправили бы их снова в лагерь. Это — так называемая вторая волна эмиграции.

Наконец, появилась третья волна эмиграции, когда кокетливая советская политика пыталась одновременно полувоевать и не воевать (лучше не воевать), но не дружить с идеологическим противником. Она пыталась изображать, что у нас есть, не скажу, «права человека», но что у нас не хуже, чем в любой цивилизованной стране. Возникло так называемое диссидентство — движение за реальные, а не за мнимые права человека. О нём, по-видимому, будет ещё одна специальная лекция Леонида Романкова, но если даже она не состоится, то будет его статья на тему: «Россия и права человека» в сборнике материалов нашей школы. Третья волна эмиграции — это граждане СССР, которые в 70-е годы и позже находили те или иные способы для того, чтобы покинуть СССР и оказаться на западе, или были выдворены по политическим причинам из СССР.

Оказавшись за границей, они вынуждены были жить в условиях, которые были совершенно несладкие, поскольку эти люди были интересны Западу, пока они жили здесь, в СССР, пока они были борцы против советской власти, а прибыв на запад, они становились такими же борцами против советской власти, как и более многочисленные западные профессионалы. Они растворялись в равнодушном окружении, их значимость исчезала, она

была в значительной степени раздута западной пропагандой, хотя среди диссидентов-эмигрантов было действительно много выдающихся и достойных людей. Это — общая судьба диссидентов, попавших на запад. Там, если ты кричал, что в Советском Союзе все плохо, ты ничем не выделялся, ты ничем не гениальный, там есть гораздо большие мастера это делать, которые за это получают деньги. А здесь в СССР это были герои, несчастные люди. Поэтому, сколь бы они ни были правы, их перемещение на запад ничего не порождало — только личные трагедии.

К этой же волне можно отнести людей независимо от национальности, которые выехали из СССР по т. н. «израильской визе». Тогда даже была советская шутка, что жена-еврейка — это не роскошь, а средство передвижения.

И, наконец, в 1991 году Советский Союз как единое государство перестал существовать. Начали, конечно, Прибалтийские страны. Те из вас, кто приехал из Литвы и Эстонии, лучше знают, каким способом Прибалтика заявила, что не хочет входить в состав Советского Союза. Это — отдельная история. Но в результате в 1991 году произошла самая значительная катастрофа за всё существование России, Российской империи, Советского Союза, а именно — Советский Союз перестал существовать как единое государство. Были подписаны Беловежские соглашения, в результате которых понятие Советский Союз исчезло, и его правопреемником стало новое независимое государство Россия в границах РСФСР.

Занимаясь подготовкой Второго Всемирного Конгресса соотечественников (который планировался на 1992 год), зимой 1991 года я был в Париже, ведя переговоры с будущими французскими участниками Второго Конгресса. И вдруг газеты и плакаты расклеены по всему Парижу — «Советский Союз больше не существует!» И французы, мои знакомые, говорили мне: «Миша, послушай, может быть, тебе остаться? Смотри, написано: "Советский Союз больше не существует"». Я отвечал: «Пardon, но что, по-вашему, это значит? Одна шестая часть суши — это чёрная дымящаяся яма? Что значит "не существует"? Он существует, он как был, так и есть. Да, существует некий политический процесс, когда это слово "союз" перестало существовать, а Россия как была, так и есть, ничего не изменилось. Всё как было, так и осталось». «Нет, не может быть, посмотри, все газеты пишут: "Советский Союз больше не существует"».

Вот такой был эффект на Западе от подписания так называемого Беловежского документа. Чем он знаменит? Он стал знаменит тем, что в один момент около тридцати миллионов русских оказались за границами России. Они ни с кем не боролись, никуда не стремились убежать, они не были жертвами войны, они не были жертвами гражданской войны, они не были диссидентами или врагами российской власти — просто они вдруг стали зарубежными соотечественниками. И это — явление, которое до сих пор мы не переварили, и политика России ещё этого не переварила, и сами зарубежные соотечественники, на мой взгляд, ещё организационно не поняли всех преимуществ и недостатков своего существования. Но такой факт возник, и история русской эмиграции, которая длилась почти сто лет, резко поменялась, в неё добавился другой мощный фактор, дающий на порядок большее количество русских за рубежами России, чем было до сих пор.

Вот это — эволюция, которая превзошла революцию — вместо двух миллионов стало два десятка миллионов русских, живущих за пределами своего государства.

А в чём же ранее состояла политика России по отношению к своим зарубежным соотечественникам? До революции (1917 года) такой политики не существовало и не могло существовать. Ты выбрал себе другое место жительства, ну себе и живи, это твои личные трудности. Россия никак не относилась к русским, живущим за рубежом, за исключением, конечно, политических эмигрантов. Герцен — это отдельная проблема, он издаёт журнал, который настраивает людей в России против царского правительства, — нехорошо. Тургенев, например, иначе. Некоторые русские писатели ему пеняли: «Что же ты, голубчик? Надо жить в России, а не там, по Парижам шастать с Виардо. Легко там писать о русской природе. Ты поживи здесь с наше, поголодай как Достоевский, помучься как Лев Толстой, вот тогда будешь настоящим русским писателем, а не там, в Парижских салонах». То есть «жизнь в Париже» — уже тогда это было не очень хорошо, потому что нужно было уметь страдать вместе со своей страной. Разное было отношение морально-этическое, но чисто политического не было, за исключением, пожалуй, к Кропоткину. Конечно, анархист призывает к разрушению государства. Нехорошо — в смысле его деятельность политическая, но никак не факт пребывания за границей. Также, разумеется,

власть не могла равнодушно глядеть на революционеров-террористов, сидевших в Швейцарии и Германии.

После революции, после 1917 года, особенно после гражданской войны, факт пребывания русского за границей рассматривался как враждебный поступок.

Ты должен жить в Советском Союзе и терпеть. Если ты не вытерпел голода, унижений и репрессий и перебежал, оказался на Западе, то ты — предатель своей страны. Такое отношение властей к своим гражданам длилось, в общем, до конца 80-х годов, когда стал побеждать новый подход к проблеме под действием как внутреннего давления под названием «гласность и перестройка», так и под внешним давлением — борьбы за права человека как условием замирения между Западом и СССР.

В чём же состоял этот подход? Человек имеет право на выбор места жительства. Какое же это предательство? Почему вы его удерживаете? Что вы предлагаете ему лучшее? Чем его не устраивает то, что есть на родине? У него мала зарплата, а в другом месте — больше? Пусть он едет. Он — не политический борец, не борец со своим строем, наоборот, если ему не нравится здесь, он уезжает на Запад, без него легче — нет проблем. Несколько лет такой борьбы за такой взгляд на вещи привели к тому, что политику государства в отношении зарубежных соотечественников не удалось ещё создать, а общественное мнение уже созрело.

В 1990 году ваш покорный слуга, который оказался депутатом Верховного Совета РСФСР и возглавил подкомитет по культурным и научным связям с зарубежными странами, начал подготовку Первого Всемирного Конгресса соотечественников. На мой взгляд, и об этом можно теперь рассказать, политики России в отношении зарубежных соотечественников (это был мой диплом по окончании Дипломатической Академии Министерства Иностранных Дел — «Политика СССР и России в отношении зарубежных соотечественников») как таковой в то время не было сформулировано. Были отдельные действия, мероприятия, выступления, но, в общем, «политика» началась с малого — мы уговорили Б. Ельцина, что надо объявить о новой политике в отношении зарубежных соотечественников.

Он выступил с Новогодним обращением к эмиграции — это было первое официальное выступление на эту тему руководителя страны за семьдесят с лишним лет (с 1918 по 1990 годы).

Б. Ельцин не был тогда ещё Президентом, только Председателем Верховного Совета Российской Федерации. Но это было первое выступление высшего политического лица, обращенное к зарубежным соотечественникам. Это было воззвание, обращенное к зарубежным соотечественникам, где было сказано примерно следующее: «Россия — новая страна, она возвращается к своим историческим традициям, она пытается сбросить с себя бремя идеологии, которая мешала развиваться и жить в мире вместе со всем Земным шаром, поэтому, дорогие зарубежные соотечественники, пожалуйста, направьте свои мысли, свой интерес, свой потенциал и свои взоры к новой России, которая начинает новую жизнь». Никто не поверил.

Еще бы, на дворе 1990 год, внутри СССР существует РСФСР среди других республик, в ней — Председатель парламента Б. Ельцин, с неясными полномочиями, даже не премьер-министр, а бывший секретарь обкома КПСС, непонятно, что происходит с Коммунистической партией, М. Горбачёв стоит во главе СССР, СССР главнее РСФСР, к чему это вдруг он, Б. Ельцин, призывает зарубежных соотечественников? Чьих соотечественников — соотечественников СССР, российских, не своих же личных? Ноль внимания. Скептические отклики в эмигрантской прессе.

Но общественная организация, которую мы создали, — Конгресс соотечественников — начала рассылать письма, и я, как Председатель Конгресса, начал ездить в разные страны. В Америке и в Европе стал разговаривать с видными людьми, которые так или иначе представляли зарубежных соотечественников, для того чтобы уговорить их хотя бы приехать на торжественное открытие, а там видно будет — встретимся, поговорим.

Недоверие было колоссальным. Говорили: «Что это за странный агент, он, конечно, беспартийный, но он депутат...», а что такое «депутат Верховного Совета» — они знали по опыту СССР: депутаты — это люди, которые подобраны райкомами партии, обкомами, никто их толком не избирал, они назначены, все избиратели пришли и получили бюллетень с одним именем, и при этом на бюллетене написано: «Бюллетень считается недействительным, если в нём оставлено менее одной фамилии». Получается, если единственную фамилию вычеркнул, значит, бюллетень будут считать недействительным, остальные все побросали бюллетени в урну, не читая, вроде бы проголосовали едино-

гласно. Никто не верил в этот процесс голосования, ни у нас, ни за рубежом.

Тем не менее в августе 1991 года более пятисот человек из двадцати девяти стран приехали на Первый Всемирный Конгресс соотечественников. Мне представляется, что мы — комитет по международным делам и Верховный Совет РСФСР — могли поставить себе за работу «птичку» — нам впервые удалось собрать вместе столько разнородных, из разных стран, российских соотечественников.

Что происходило до этого при попытке налаживать контакты с ними, с нашими российскими соотечественниками, трудно рассказать. Например, были звонки: «Что же это такое, Вы приглашаете таких-то и таких-то! А Вы знаете, что они — евреи?» Другие говорили: «Нет, мы к Вам не поедem, пока Вы не поклянетесь, что Вы отмените праздник 7 ноября! Тогда мы к Вам приедem». Говорили и так: «Если нам не вернете нашу собственность, землю, недвижимость и дворцы — ни ногой к Вам, ни за что!» И даже: «Знаем мы эти штучки! Типично советское мероприятие — фуршеты и шутихи. Незачем ездить и другим не советуем!» — это была «Русская мысль» в Париже. И так далее. К своему ужасу, я увидел, что ничего нет более разрозненного, между собой неспособного договариваться, разбитого на мелкие организации, дружащие внутри и враждующие против всех остальных, чем русская эмиграция. Семьдесят с лишним лет идеологического противостояния, жизни в иноязычном окружении, в другой культуре для тех, кто пытался сохранить свой язык, культуру, «русскость» — вообще говоря, это непосильное бремя для памяти, воображения, оформленного политического сознания и, вообще, для личной жизни. Внуки уже по-русски практически не говорят, а те, которые ждали, когда рухнет этот людоедский строй, они дождались чего-то очень странного — с секретарём обкома во главе по имени Ельцин, который только что избран Президентом части СССР и неизвестно куда ведёт этот кусок страны.

Но — те, кто приехал — приехали. Они приехали 19 августа 1991 года, их нужно было идти встречать утром в гостиницы, а вечером должно было быть торжественное открытие Конгресса в зале им. Чайковского. Включаю пораньше телевизор, и вместо «Последних известий» — балет «Лебединое озеро», а уже тогда был такой политический анекдот, когда в 80-е годы

престарелые вожди уходили один за другим — «Если у Вас утром по радио вместо прогноза погоды — классическая музыка, значит, в Москве минус один». И вот опять — классическая музыка вместо прогноза погоды и «Последних известий». Что такое? Неизвестно. Потом оказывается — ГКЧП, объявление, что М. Горбачёв, оказывается, так болен, что уже совершенно недееспособен и невменяем, сидят восемь человек в ряд с вице-президентом с трясущимися алкоголическими руками и, вообще, — растерянные люди. Глубокие знатоки крупных политических процессов говорили мне уже через несколько часов: «Да, странное дело. Если это — путч, то сначала стреляют, а потом проводят пресс-конференцию. А эти — сначала пресс-конференцию, а потом не знают: стрелять или нет? Это — не путч». Вот такие большие законы большой политики. Так и оказалось: был Белый дом, была оборона Белого дома, был энтузиазм молодёжи, тащившей какие-то жалкие палочки, каждый нёс на плече, чтобы сложить в большую кучу у Белого дома в надежде, что войска не пройдут. Всё решалось на самом деле за большими кулисами.

Я сидел тоже в Белом доме, было, в общем, страшно, потому что танки гуляли по Москве. Потом мы — все депутаты — разбились на группы по пять человек и поехали, кто во что горазд, врассыпную, встречать танки, разговаривать с офицерами, с войсками. И всем было видно, что танки стрелять не хотят, им велели поставить танки куда надо. «Мы будем охранять электростанцию, водопровод и так далее», — говорили они. Жители носили им бутерброды, солдатики голодные эти бутерброды жевали, сидя в «дырках» танков, офицер торчал в башне танка и, вообще, разговаривал политически очень корректно — было видно, что воевать не хочет никто. Это была одна особенность этого путча. Вторая особенность этого путча — против военных машин была молодёжь.

Почему я на этом акцентирую? Потому что в 1993 году, когда было противостояние «Парламент с Хасбулатовым» против Ельцина — хотелось воевать и тем, и другим, хотелось стрелять, и стреляли. Это, с одной стороны. С другой стороны, вокруг Белого дома в поддержку Парламента в 1993 году стояли пожилые люди. Это принципиальная разница. В 1991 году, когда ещё была куча надежд, с этими надеждами шла молодёжь. Когда через пару лет возникло разочарование, то уже с этим

разочарованием поднялись люди, которые хотели назад, в застой, назад, чтобы был хозяин, чтобы был порядок, хватит — «подемократились», хватит — «навыбирались», раньше был порядок, была система, были гарантии, и поддержим тот Верховный Совет, который против Ельцина. Но это уже был 1993 год, сентябрь. К тому времени прошло уже три Всемирных Конгресса соотечественников.

Соотечественники собирались, и им самим казалось, и казалось людям здесь в нашей стране, и многим политическим деятелям, что за рубежом неиспорченные русские несут в себе те остатки российской государственности, которые нами забыты. Они помнят, как надо, они знают, что такое нормальный «русский капитализм», они знают, что такое нормальный русский язык, они знают, что такое нормальное русское образование, они знают, что такое нормальная русская семья, они ходят в церковь, поэтому знают, что такое Православие, не замутнённое ничем, и церковь, не напичканная агентами государственной безопасности, что всё хорошо — мы подойдем к этим русским, сядем рядом, и они расскажут «как надо».

Но мы получили подряд два съезда — в 1991 и 1992 годах — съезд людей, из которых каждый отстаивал своё видение России, не связанное никак ни с нашим мнением, ни с мнением тех, которые приехали вместе с ним. И мне тогда показалось, что я вижу снова ту самую трагедию гражданской войны, когда на стороне белых воевало бесчисленное количество мнений по поводу того, что надо делать с Россией. А против них воевала одна железная машина, которая точно знала, чего хочет: миллионы людей с ружьями и в портянках знали, что они хотят — они хотели «землю» и они хотели «чтобы не было богатых», грабь награбленное! Вот эта единая мощная идея может всё смести на своём пути.

А к нам приехали остатки того, разбитого вдребезги, изуроченного эмиграцией поколения. Это были в основном эмигранты и дети эмигрантов первых волн (тогда еще не было русских из ближнего зарубежья), каждый из которых нёс в себе, в своей семье или в своём ближайшем окружении свою индивидуальную точку зрения на то, «как надо жить и что делать в России». Это всё было совершенно непрофессионально, мечтательно, это всё было продуктом рассуждений за столом кружка единомышленников против другого кружка других единомышленников.

Стало грустно. И мы решили тогда ещё, что на самом деле надо к проблемам российского зарубежья подходить системно, научно, имея партнёром с той стороны людей квалифицированных, для которых изучение проблем языка, искусства, литературы, политики, экономики, — словом, всех гуманитарных сфер, — это профессия и которые подходят к изучаемым проблемам профессионально. Так у нас родилась идея I Международной научной конференции «Культурное наследие российской эмиграции», которая состоялась в 1993 году. Верховный Совет РСФСР вместе с Российской Академией наук провёл эту широкую междисциплинарную конференцию. Она имела большой успех. Мы собрали вокруг нее весьма представительное количество людей с российской и зарубежной стороны, которые подходили к вопросам культурного наследия эмиграции квалифицированно, научно. Конференция удалась. Было принято решение издать ее труды.

Но через две недели разогнали Верховный Совет РСФСР и, вообще, всякая политика в отношении российского зарубежья на тот период закончилась. Новые выборы, новая Дума, новая Конституция, новое политическое устройство России. Стало не до эмиграции, не до ее изучения. Выросли проблемы ближнего зарубежья. Прежние структуры в Думе распались. Новые подходы были еще не разработаны. Классическая эмиграция стала не злободневной. Конгрессы соотечественников прекратились.

Прошло еще шесть лет, пока размышления относительно того как Россия должна взаимодействовать со своими соотечественниками не породили несколько законов — новый закон о гражданстве и новый закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», принятый еще при Ельцине в 1999 году. Закон довольно любопытный, я хочу его слегка процитировать и на этом закончить своё выступление, может, потом будут какие-нибудь вопросы.

Итак, закон называется «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Почему он возник? Он возник не потому, что для государства важны взаимоотношения с теми потомками русских, которые были русскими эмигрантами и рассеялись по всему миру, начиная с 1918 года. На мой взгляд, хотя это не произнесено нигде вслух, главное состоит в другом.

Россия окружена государствами, которые представляют собой республики бывшего СССР. В каждом из этих государств есть Президент. Этот Президент выбирается всеобщим голосованием. Количество русских в сопредельных государствах — десятки миллионов. Это — избиратели. У Президентов, которых избирают в этих странах, есть только два варианта — дружить с Россией и участвовать в совместных политических и экономических действиях или быть независимыми («незалежными», как говорят на Украине) и всячески демонстрировать, что «мы сами по себе». Как поведут себя русские избиратели в этих странах в зависимости от этих вариантов поведения кандидатов в президенты? Кому будут отданы миллионы их голосов?

На мой взгляд, политика России должна быть такая — нужно оказывать поддержку тому Президенту в сопредельных странах, который ставит во главу угла восстановление нормальных политических и экономических отношений с Россией, который отказывается от пропаганды национализма — местного, республиканского и т. д. и который считает, что, на самом деле, мы все находимся в едином политическо-экономическом пространстве. Для этого нашей Думой и принят такой Закон, чтобы декларировать нашим соотечественникам: мы вас поддержим в той мере, в которой вы хотите сохранять русский язык, культуру, связи с Россией. Тогда можно надеяться, что и выборы Президентов и Парламентов в этих странах будут в пользу сближения наших интересов. Зная, что цена дружеских отношений к России — миллионы голосов в своей стране, новый Президент будет более лояльно настроен к нам. Мне кажется, это было логичной причиной принятия такого закона. Повторяю, хотя это нигде не декларируется, потому что такое декларировать политически некорректно, но природа возникновения Закона РФ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», по-видимому, всё-таки такова.

Какая проблема возникает во взаимоотношениях России со своими зарубежными соотечественниками? Она очень любопытна. Если за рубежом России живёт гражданин Российской Федерации, нужна ли по отношению к нему какая-нибудь политика? Никакой не нужно! Если ты гражданин Российской Федерации, то тебя защищает твоя Конституция, наши зарубежные представительства, Посольства и Консульства и, в конце концов, наша армия, как это происходит и с другими странами, когда обижает

ют их соотечественников за рубежом. Например, американцы высаживают танки, Франция делает энергичные шаги, Англия высылает флот к Фолклендским островам и т. д., все знают, что своих граждан, находящихся в любой точке Земного шара, надо защищать, если нарушаются их права, охраняемые международными конвенциями, и ущемляется достоинство их государства. Нужна ли для этого какая-нибудь особая политика и отдельный закон? Никакой отдельной политики не нужно.

Теперь посмотрим на другую ситуацию. Русский, который живёт в сопредельном государстве и получил паспорт этого государства, будь то Казахстан, Литва или Украина, он — гражданин этого соседнего государства. Нужна ли по отношению к нему какая-нибудь политика нашего государства? Боже упаси! Это вмешательство во внутренние дела нашего суверенного соседа. Полный тупик. Ни по отношению к одному варианту, ни по отношению к другому никакой специальной, особой политики нашему государству проводить нельзя, потому что или это тривиально, или это есть вмешательство в дела другого государства. Казалось бы — полное разведение руками, и русские за рубежами России брошены на произвол судьбы. Нет.

Мне кажется, существует все же одна область и эта единственная область более или менее прописана в этом законе, потому что всё остальное в нем — пустые политические декларации. Например, вот такая длинная цитата из этого закона ни о чем внятном не говорит: «...Цели государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников заключаются в оказании государственной поддержки и помощи соотечественникам в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, а также с учетом законодательства иностранных государств в реализации и обеспечении прав и свобод человека и гражданина...» (Статья 5. Принципы и цели государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников.) Переводя на простой язык, получается, что надо, учитывая законы иностранного государства, сидеть тихо и не вмешиваться.

Но в области культурных связей, в области культурных программ ситуация несколько иная, границы государств прозрачны для культурных связей. Если мы заглянем в этот закон, то уви-

дим, что всё-таки удалось написать формулировки, которые, по счастью, полностью соответствуют тому, чем мы с Вами занимаемся. Мы пригласили зарубежных русских, чтобы они участвовали вместе с нами в крупном долговременном культурном проекте в продолжение традиций и в усиление того направления, которое ведёт профессор Анатолий Николаевич Кирпичников и который в течение тридцати лет из этого села напоминает всей России, откуда она пошла и кем она была основана.

Нет из наук ничего более интересного на свете, чем русская история, и, изучая её, Вы изучаете, на самом деле, некие «микро- и макрокосмос», Вы изучаете одновременно психологию развивающегося человека, его политику, его экономику, а вместе с тем, Вы начинаете понимать, что ничего в мире за эти века не изменилось, мы такие же, как были тогда, тысячу лет назад, наши преимущества, недостатки и возможности те же самые, что были всегда, мы на этой земле можем жить и спокойно существовать только при одной и той же национальной идее, которая породила наше государство и за которую мы должны держаться. Работы, которые ведёт Анатолий Николаевич, это, на самом деле, и есть работы по обнаружению и анализу нашей национальной идеи.

Так, как я её понимаю, да простит мне Анатолий Николаевич, может быть, я её переформулирую по-своему, но на мой взгляд, основная национальная идея может быть только одна — «сохранить эту территорию незагаженной и заселить её трудолюбивыми людьми». С одной стороны, это требует, чтобы мы интенсивно размножились, не хуже, чем соседние страны, и чтобы в стране был порядок; с другой стороны, это требует, чтобы мы обратили внимание на нашу экологию, и в-третьих, что территория нашей страны — это единственная, ни на что не заменяемая, абсолютная ценность, которую нельзя уступить. Что должны мы делать во исполнение этой национальной идеи? Чтобы территорию защитить, надо иметь здоровую накормленную армию. Для того чтобы эту территорию не загадить, надо заниматься промышленным процессом так, чтобы сберечь природу и не истощать ресурсы. Это и есть одна из национальных идей. Испортить нашу природу целиком трудно — уж больно территория большая, хотя испортить что-нибудь, это уж мы всегда можем. С другой стороны, «заселить эту территорию трудолюбивыми людьми», да, нам нужно растить людей, которые

прокормят и себя, и весь Земной шар, как это уже начиналось при Столыпине. На нашей территории должны трудиться трудолюбивые люди, как это было всегда, как это было тысячу лет назад, поэтому сюда пришли варяги, поэтому они стали править, потому что увидели край богатый, ему нужен порядок, порядок и только порядок.

Итак, культурные связи. Академик Лихачёв, который долгое время был и до сих пор остаётся символом высокой гуманитарной культуры и стратегического культурного мышления, выступал на одной из международных встреч (организованных А. Собчаком, который любил собирать высоких гуманитариев на «гуманитарные сборища»), и я с интересом его слушал. Было это почти десять лет назад, был 1994 год — такие сложности, такие экономические неизвестности, такая была инфляция, такое было международное положение безрадостное, такая низкая цена на нефть — то есть всё плохо, неизвестно было куда бежать, казалось, что надо говорить только о политике, промышленности и финансах, но академик Лихачёв сказал: «В нашей стране есть, конечно, территория, но главное — культура и система образования. И больше у нас ничего нет. Если мы это потеряем, потеряем и страну, поэтому это — то, что терять нельзя!»

Очень интересная мысль. Он сравнил, поставив в один ряд по важности огромность нашей страны, с ее образованием и культурой. Если хорошо подумать на эту тему, то, на самом деле, мысль очень глубокая. Потому что, если Вы разрушили завод, то, может быть, и поделом ему, Вы построите на этом месте новый завод, более современный, Вы проложили здесь дорогу, а, может, она идёт совсем не туда и не той ширины, нужно проложить другую, достаточно широкую, связывающую необходимые пункты, Вы построили это жилище, а оно не соответствует стандартам, Вы его снесли и на этом месте построили новое, отвечающее современным требованиям.

Но культура — это то, что имеет тысячелетние корни и покрывает всю нашу территорию. Нельзя «снести» одну культуру и на этом месте построить другую. Невозможно, потому что это — неединовременная вещь, несиюминутная, она появилась не позавчера и она не может исчезнуть завтра, а если её уничтожить — значит нанести невосполнимый урон, который есть потеря самоидентификации нации и государства.

Наше образование. Наша система образования (та, что долгое время оставалась на советском пространстве) сильно отличается от ряда европейских систем образования и радикально отличается от американской. По работе с Америкой, с крупными научными центрами, в частности, в Калифорнии, в их интеллектуальном центре, в Силиконовой долине и окрестностях, очень любят принимать на работу русских физиков, математиков, техников. За что? Не за покладистость, не за то, что им можно платить дешевле, не потому, что они почему-то умнее, например, индусов, которые колоссально преуспели в области компьютерного программирования, или дотошнее немцев, которые ужасно сильны в инженерии и патологически аккуратны, нет — преимущество русских людей, русской системы образования состоит в том, что, по мнению американских аналитиков, русских, начиная со школы, учили не только физике и математике, но их учили зачем-то и географии, и истории, и литературе.

Я довольно долго работал в высококвалифицированном инженерном сообществе — в фирме Локхид-Мартин в США, в Калифорнии, в аэрокосмическом центре, где мы работали вместе над проектом по космической оптике, и я представлял мой институт в течение нескольких лет. И вот в ходе обсуждения я как-то сказал: «... это спартанское воспитание...». Человек десять, образованные американские инженеры и физики-компьютерщики смотрят на меня большими глазами и говорят: «Майкл, ты говоришь непонятные слова» — то есть никто из них не слышал, что такое «спартанское воспитание». Потому что когда они, будущие высококвалифицированные специалисты, учились в школе, они историю не брали себе в качестве изучаемой науки. Система их образования основана на том, что каждый выбирает себе тот предмет, который ему хочется изучать; к сожалению, это тенденция, которая наблюдается у нас сейчас. Не хотят они истории, они не знают истории Древней Греции, они не знают, что такое Спарта, не знают, что такое «спартанское воспитание», у них это «отсечено». Они также «не берут» классическую литературу, это — «ископаемое», не нужны и география и иностранные языки, «зачем тратить время на то, что нам в жизни не пригодится?»

Однако выясняется, что наши инженеры, которые работают там, используют, сами того не осознавая, своё «параллельное» гуманитарное образование, поскольку они учили и географию

(знают, где Финляндия расположена, в отличие от многих американских инженеров, которые этого не знают), и биологию, и историю, и классическую литературу. Они всё это подсознательно используют для того, чтобы возникали оригинальные ассоциативные и нетривиальные решения, и это то, что ценится на высшем уровне, но недоступно для тех, у кого мозг не был занят изучением наук, которые «совершенно не нужны». А это, оказывается, надо, потому что это развивает абстрактное, творческое мышление, даёт те самые подкорковые ассоциативные решения в совсем другой точной науке, которой человек непосредственно занят.

Наша система универсального образования хороша не потому, что есть возможность поставить двойку за что-то, что для ученика излишне, она хороша только потому, что она загружает оба полушария мозга — левое, логическое и правое, образное. Вы можете загрузить логическое полушарие «компьютерами» полностью, на сто процентов, у Вас правое, образное полушарие при этом не будет вообще работать, а оно Вам необходимо для достижения высших результатов в научном творчестве, как, впрочем, и во всех иных проявлениях человеческого гения.

Вернёмся к мысли академика Лихачёва относительно трёх ценностей, которые у нас есть и которых ни в коем случае нельзя лишиться, которые никому индивидуально не принадлежат, но которые не есть объекты, которые можно позволить себе разрушать и создавать, заменять на новые, заменять на лучшие, но которые есть ценности, основанные на глубокой исторической традиции, за которые, наоборот, нужно держаться и укреплять их как для персональной самоидентификации гражданина, так и для сохранения образа страны как великой интеллектуальной державы. Этот образ нельзя ронять, иначе страна сразу превратится в дремучее захолустье, и нам придётся решать, кто мы — большой Тайвань или уменьшенная Латинская Америка? Кто мы? Мы — те, кто мы есть и мы должны держаться за эти «три кита», за нашу культуру, хранить нашу территорию и должны поддерживать нашу систему образования для того, чтобы растить интеллектуально полноценных людей.

Возвращаясь к Закону РФ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», с которого я начал и которым хотел бы закончить, хочу

процитировать полезную вещь: «... Соотечественникам для удовлетворения культурных, научных и информационных потребностей предоставляется возможность использовать российские центры науки и культуры...» (Статья 17. Поддержка соотечественников в области культуры, языка и образования.) Добро пожаловать! Один из центров культуры — Старая Ладога — предоставляет Вам такую возможность, плюс мы хотим Вам предоставить возможность ознакомиться с другими центрами — Вы посетите Санкт-Петербург, Новгород, пригороды Санкт-Петербурга, чтобы воспользоваться этими возможностями.

«В целях содействия соотечественникам в сохранении и развитии ими своего культурного наследия (*речь идёт о культурном наследии, которое соотечественники исторически несут в себе, поскольку их корни в России*) органы государственной власти Российской Федерации и органы государственной власти субъектов Российской Федерации (*в данном случае это — Санкт-Петербург, который предлагает Вам программу «Международная экспедиция-школа»*) способствуют изучению культурного наследия соотечественников;

■ содействуют всем видам культурного обмена между Российской Федерацией и соотечественниками (*я надеюсь, что то, в чём мы участвуем, это и есть культурный обмен*);

■ оказывают помощь культурным центрам, культурно-просветительским организациям, библиотекам, архивам, музеям, театрам, музыкальным и хореографическим ансамблям, художественным студиям и другим профессиональным и любительским творческим коллективам соотечественников...» (Статья 17. Поддержка соотечественников в области культуры, языка и образования.)

Большинство из Вас приехали сюда от имени русских культурных центров, и, тем самым, наша экспедиция-школа прямо подпадает под действие этого закона, а мы Вам оказываем помощь в соответствии с Законом РФ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».

Вот такие пункты есть в Законе, которые говорят о том, что культурный обмен не имеет государственных границ. Как собственную культуру каждый переносит самостоятельно с собой, так и культурный обмен перемещается без таможенной пошлины через все границы, это та ниточка, которая нас связывает.

Все остальные нити могут обрубаться — другие страны, другое сознание, таможенные зоны, государственная граница, государственные интересы, права одни здесь, права другие там, какая еще нить связывает нас крепче?

Только образовательная и культурная области и этот обмен — это и есть одна из надежд, которую мы оставляем за собой, призывая зарубежных соотечественников участвовать в нашем культурном проекте. Мы будем Вам предлагать то, что мы сможем дать, рассчитывая, что семена российской культуры смогут быть рассеяны ветром ваших путешествий по всему Земному шару, где вы живете, и там, я надеюсь, они дадут свои всходы.

Нам нужно держаться друг за друга, держаться за свой язык, за свою культуру, за свою историю, тогда Российское дело, дай Бог, сохранится и окрепнет! Спасибо!

РУССКИЕ В ЭСТОНИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Русские на протяжении многих веков были восточным соседом народов Прибалтики. История проникновения славянского элемента на запад была связана с торговым обменом, военными набегами и христианством. Отрывочные сведения из русских летописей Новгорода и Пскова, бывших до XV столетия свободными городами Ганзейского союза и имевших торговые концы в Таллине и Тарту, сведения, почерпнутые из немецких, датских, шведских хроник и архива Ватикана, дают нам некоторое представление об этом процессе.

В 1030 году великий князь Ярослав совершает поход на Чудскую землю и основывает там, на месте эстонского поселения Тарбату (ныне Тарту), город Юрьев. В 1061 г. эстонцы отвоевали город. Ко временам Ярослава Мудрого, предположительно, относится основание в городе русских церквей, как это отмечается в «Повести о начале и основании Псково-Печорского монастыря». Но христианизацию Эстонии (и Латвии) в XIII веке вели немецкие и датские завоеватели-крестоносцы. На этой территории, веками называвшейся Ливонией, постепенно сформировалось государственное образование — Ливонский орден. Восточная граница Ливонии с Россией, если не принимать в расчет многочисленных мелких перемещений, проходила примерно там же, где находится нынешняя восточная граница Эстонии и Латвии. Она и осталась пограничной линией между сферами влияния римско-католической и греко-католической церквей, а после Реформации (XVI век) — между лютеранством и православием. Через эту границу продолжался интенсивный экономический обмен между Ливонией и Россией, в приграничных районах местами возникли смешанные эстонско-русские поселения, а в ливонских городах постоянно базировалось русское купечество. Сохранились сведения о старинном русском храме на Бронусовой горе (Олевимяги) в Таллине, сгоревшем дотла при пожаре 1433 года. Эта православная церковь Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского была перенесена на нынешнее место (ул. Вене) между 1433 и 1437 годами.

К концу XVI века Москва стала могущественным княжеством, заинтересованным в завоевании Ливонии. Началась долгая Ливонская война, в ходе которой Ливония потеряла независимость. Однако в борьбу за Ливонию вмешались Швеция и Польша, и завоевательные планы Ивана Грозного были сорваны. Вся Эстляндия отошла, в конце концов, к Шведскому королевству. Добившись в Ливонской войне первоначального успеха, русский царь назначил в Ливонию православного епископа Корнилия, который жил в православном монастыре в Тарту. Но в 1582 году эта должность была упразднена, а русские колонисты, как пишет историк Карамзин, «согласно с договором, выезжали с детьми и женами в Новгород и Псков из Ливонии, в которой они давно жительствоваали как в отечестве, имели дома, семейства, храмы, епископию, в последний раз слыша там благовест православия и моляся Господу по обрядам нашей церкви, смиренной, изгоняемой, горько плакали, а всего более над гробами своих ближних».

Трудно сказать, сколько русских было на территории Эстонии до XVIII века. В документах Ватикана за 1234 год упоминаются новообращенные русские, жившие под Таллином на месте нынешней улицы Вене, где был Гостиный двор. В Новгородской летописи говорится, что при пожаре в Тарту в 1328 г. сгорело четверо русских. Из источников первой половины XVI века видно, что русские рыботорговцы и огородники проживали в Тарту в районе теперешних улиц Рюйтли и Лай. Этот район именовался «русским концом», городские ворота там назывались «русскими воротами». С XIV века в письменных источниках упоминаются деревни в восточной Эстонии Сыренец (Васк-Нарва), Порсково (Вайнла), в северном Причудье, деревня Желачна на острове Межа (Пийриссаар), на Чудском озере. По судебным книгам шведского правления XVII века видно, что в Алутагузе было несколько десятков поселений с русскими названиями.

Русских поселенцев можно разделить на три категории. Это хуторяне, свободные поселенцы, селившиеся преимущественно вперемешку с эстонскими поселенцами, и рыбаки, жившие по берегам озер и рек. Количественно по отношению к эстонцам, проживавшим на побережье Чудского озера, они составляли одну четвертую часть. В стране в целом их было примерно два процента. Резко сократившееся после Ливонской войны русское население в Эстонии опять увеличилось в конце XVII столетия

в период шведского правления за счет гонимых в России старообрядцев, которые нашли в русских Эстонии, изолированных от церковных реформ в России, единоверцев. Стало появляться множество новых русских поселений в восточной Эстонии. Это Нос (Nina), Varnja, Ряпино и другие.

В начале XVIII века царь Петр I продолжил попытки Ивана Грозного завоевать Ливонию и после двадцатилетней Северной войны добился успеха. По Ништадтскому (финск. *Уусйкаупунки*) миру 1721 г. вся Эстония отошла от Швеции к России. Тем же мирным договором Россия гарантировала сохранение так называемого особого балтийского управления, что означало существенно отличающиеся от российских законодательство, судебную власть, систему самоуправления и школьное обучение. Какой-либо массовой русификации вплоть до конца XIX века этот переход под власть России с собой не принес. Этнический состав местного населения остался прежним, а эстонский и немецкий языки — основным средством общения. Вместе с тем образовалось значительное количество поселений военных, а позднее и поселения ссыльных Российской империи, которые жили своей обособленной жизнью.

Влияние русских из России стало ощущаться в XIX веке. В 1802 году был вновь открыт Тартуский университет, основанный шведским королем Густавом Адольфом в 1632 году. При университете была создана кафедра русского языка и литературы, в конце 80-х годов XIX века — кафедра сравнительной грамматики славянских языков. Благодаря особому «Остзейскому закону» Тарту стал крупным центром русской свободной мысли. А. С. Грибоедов публикует в Тарту пьесу «Горе от ума», издание которой в России было невозможно. В 1881 году на российский престол был коронован император Александр III, который впервые не подтвердил привилегий Прибалтики по Ништадтскому миру, уничтожив тем самым особый «Остзейский закон». В Эстонии в официальное делопроизводство был введен русский язык, что привело к увеличению удельного веса русского населения за счет чиновников из России. Уволили также не владевших русским языком преподавателей и заменили их приглашенными из России. До этих пор обучение на русском языке велось только в Таллиннской Александровской гимназии и в городе Нарве, с 1802 г. включенном в состав Санкт-Петербургской губернии.

В 1881 году основывается Общество русских студентов. Созданное в 1897 году Учено-литературное общество за период 1898—1917 гг. выпускает 23 тома «Сборника Учено-литературного общества». В 1908 году профессором хирургии М. И. Ростовцевым был открыт частный университет с медицинским и физико-математическим факультетами для тех, кто не мог поступить в университет. В этом же году профессором всеобщей истории А. Н. Ясинским основаны Высшие историко-филологические курсы для женщин с юридическим отделением.

Кроме газет на немецком и эстонском языках в Эстонии начали издаваться и русские газеты: с 1852 года — «Эстляндские губернские ведомости», с 1874 года — «Нарвский городской листок» и с 1878 года — «Ревельский листок». Учреждение Нарвского Русского общественного собрания состоялось в 1876 году, в Таллине — в 1893 году. Первые документы Русского благотворительного общества в Тарту датируются 1844—1850 гг. В эти же годы издавался первый в Эстонии русский журнал «Радуга». Учительское общество «Родник» (Тартуское семейное общественное собрание) известно с 1893 года, Тартуское гимнастическое общество — с 1864 года, шахматное общество — с 1876 года. В Нарве в 1884 году было учреждено Музыкальное общество, в 1897 году открыто Общество Нарвской библиотеки. Там же в 70—80-х годах действовали специальные технические классы Русского технического общества. В конце XIX века в Таллине начал работать литературный кружок.

В конце первой трети XIX века началось активное строительство православных храмов на восточной окраине Эстонии. Из России стали приходить священники-миссионеры, которых с 1840 года стали готовить в Псковской семинарии, а позднее, в Псково-Печорском монастыре для работы в Прибалтийском крае. В середине XIX века была образована Рижская епархия с духовной семинарией. В 80-х годах XIX века началось активное строительство церквей при содействии отделений Всероссийского православного братства. Тогда же был заложен и женский монастырь в Куремяэ.

В начале XIX века Таллин, позднее Хаапсалу и Курессааре, а в конце века Нарва-Йыэсуу стали модными курортами, куда приезжали отдыхать многие известные актеры, певцы, художники, писатели и ученые России, оживляя местную культурную жизнь. С прокладкой железных дорог экономическая жизнь

Эстонии еще больше стала ориентироваться на Россию. Туда же уходили на заработки многочисленные артели, созданные в русских деревнях восточной Эстонии. Рыбаки Причудья продавали свой улов на российских рынках. Культурная жизнь русских в городах Прибалтики была мало связана с жизнью русской деревни Эстонии.

По переписи 1867 года на территории Лифляндской губернии, той ее части, что в 1917 году вошла в состав Эстонии, проживало более 8,5 тысяч великороссов, а на 1881 год на территории Эстляндской губернии — более 16 тысяч. Это составляло примерно 2 процента всего населения. Численность русских в Эстонии незначительно увеличилась перед первой мировой войной 1914 года, в связи со строительством порта Петра Великого в Таллине. Тогда же были построены многочисленные ремонтные и строительные заводы при порте и был заселен полуостров Копли преимущественно русскими. С началом мировой войны 1914 года численность русских в Эстонии определить невозможно. Многие ушли на фронт. В начале войны Эстония как глубокий тыл была начинена всевозможными лазаретами. Преобладали патриотические настроения.

В 1918 г. две силы, соперничавшие за господство над Балтией — кайзеровская Германия и большевистская Россия — сами оказались накануне крушения. Эстонцам предоставился исторический шанс вернуть себе независимость. Независимость была провозглашена 24 февраля 1918 г., однако ее пришлось отстаивать в Освободительной войне против немцев и русских большевиков, продлившейся до 1920 года.

В смуте завершения первой мировой войны русские учреждения эвакуируются в Россию. С ними уезжают и служащие и русское население, боясь немцев и национально настроенных эстонцев. Во время короткой десятимесячной немецкой оккупации 1918 года количество местных русских в Таллине сократилось. Из документов Александровской гимназии видно, что там осталось 8 учеников. Из русских общественных организаций в Таллине сохранился Русский клуб, где работал совет старшин из 3 человек. В Нарве в Русском национальном собрании дела обстояли немного лучше.

В 1920 году по Тартускому мирному договору Эстонии были возвращены Нарва, где преимущественно преобладало эстонское население, правый берег реки Нарвы и Печорский уезд,

ранее административно не входившие в Эстляндскую губернию и населенные преимущественно русскими. По переписи 1922 года в Эстонской республике проживало около 92 тысяч (8,2% от населения страны) русских. Около 40% русского населения проживало в Печорском крае, 26% — в Причудье и Принаровье, в крупных городах — 20%, остальные были разбросаны по всей Эстонии. Это соотношение мало-мальски сохранилось до второй мировой войны.

На территории Эстонии оказалось много бывших военных белогвардейской Северо-западной армии и беженцев из России — людей без гражданства Эстонии. В 1920 году они создают беженские комитеты. Издают свои газеты: «Вечерняя почта», а позднее — «Последние известия», которая выходила до 1927 года. Американский Христианский Союз молодежи (УМСА) и американский Красный крест всячески помогают им. В Нарве УМСА создает просветительное общество «Святогор», а также на ее средства в Таллине существует спортивное общество «Русь». В 1922 году существовали три гимназии эмигрантов, которые содержала УМСА: это в Нарве, Вайваре и Хаапсалу. Какое количество эмигрантов-нансеновцев было в Эстонии, определить трудно. Многие из них уезжали, часть, имевшая в Эстонии недвижимость, к середине 30-х годов окончательно приняла эстонское гражданство. Помогали эмигрантам и местные русские. В марте 1920 года состоялся Русский съезд, в котором приняли участие Учительский Союз, Совет русских граждан в Ревеле и другие объединения.

Основные организации эмигрантов в Эстонии — это «Союз Русских увечных воинов Эстонии», который имел отделы в крупных городах и с 1930 года выпускал свой календарь, и «Зарубежный общевойсковой союз эмигрантов», который принимал участие во многих общих съездах в Париже, Праге и Белграде. Были и другие менее влиятельные объединения эмигрантов. К сожалению, документы эмигрантских объединений погибли во время бомбежки Таллина советской авиацией 9 марта 1944 года в эстонском архиве на улице Рюйтли. В начале 20-х годов в Эстонии продолжала свою деятельность партия социалистов-революционеров. Ее лидер В. Чернов подолгу жил в Эстонии и издавал партийную литературу и газеты для России. В 1922 году, при помощи Нансеновского комитета, в Таллине и Нарве создается Бюро помощи голодающим России. Кроме этого активно

работает советское посольство, создавая пункты пропаганды по возвращении остатков Северо-западной армии на родину. Будучи замешанным в событиях 1 декабря 1924 года (Советским Союзом организован вооруженный путч немногих эстонских коммунистов), посольство сократило свою деятельность и уже не имело большого влияния на русских в Эстонии.

До 1925 года среди эмигрантов было три основные партии. Это — монархисты, черновцы (социал-революционеры) и савинковцы (сторонники террористических актов в борьбе против советской власти). К 1927 году все они прекратили свою деятельность в Эстонии.

Жизнь русских граждан Эстонии сильно активизировалась после заключения Тартуского мира. В 1920 году первыми объединились профессиональные союзы. Это — врачи, учителя, адвокаты. Решением эстонского правительства 1919 года при министерстве просвещения была учреждена должность русского национального секретаря по вопросам культуры и образования, на которую был выбран А. К. Янсен. Его усилиями в 1920 году были созданы русские просветительские и благотворительные организации на восточных окраинах Эстонии, которые в 1923 году объединились в союз. На ежегодных съездах Союза русских просветительских и благотворительных организаций число делегатов от организаций постоянно росло. В 1923 году было 25 делегатов, а в 30-х годах — до 73. Союз стал организатором проведения ежегодного «Дня русского просвещения», в 1931 году организовал «Русскую выставку» в Таллине, а также два общегосударственных русских певческих праздника в Нарве и Печорах. Союз проводил «Дни матери», «Дни книги», конкурсы, курсы повышения квалификации, создавались библиотеки, детские площадки, самодеятельные театры, организовывались хоры, оркестры, спортивные общества, при участии Союза на общественные деньги строились Народные дома. Отделения Союза были в городах, а также и на селе. Союзом издавались Русские календари, сборники, посвященные Дням русского просвещения. С 1927 года выходил и ежегодник «Вестник Союза». С 1930 года издается журнал «Сельское хозяйство», который уделял много внимания развитию культуры землепользования и способствовал экономическому развитию русских окраин Эстонии. В 1920 году создается Русский национальный союз. В Учредительном и Государственном собраниях от него был представлен

один депутат, а в дальнейшем число их не превышало 4-х человек. Над проектом закона о культурной автономии, принятом в 1925 году, в числе других работал и профессор Тартуского университета Курчинский.

Но русские в Эстонии не сумели воспользоваться этим законом, хотя успешно пользовались органами местного самоуправления, особенно на восточных окраинах Эстонии, где русские были в местном самоуправлении в большинстве. Деятельное участие в общественной жизни принимал профессор права Тартуского университета И. М. Тютрюмов. В 1920 году он создает общество «Разумный досуг». Это общество трезвой жизни скоро организует свои отделения в городах. Тютрюмов организывает работу «Русской академической группы в Эстонии». В 1922 году ее члены участвуют в создании «Союза русских студентов в Эстонии». К 1929 году в Союз входят Тартуское и Таллинское отделения, Общество русских студентов при Тартуском университете, Союз русских студентов при политехнических курсах, Христианский союз русских студентов при Тартуском университете, «Печорское землячество», корпорации «Эргония», «Славия», «Азтерна», «Картерия», «Рутения», «Бозтея». В 1923 году в Таллине Русской академической группой были открыты Русские политехнические курсы с программой Высших технических учебных заведений России, в 1935 году преобразованные в Эстонский частный политехнический институт Русской академической группы. В 1927 году в Тарту, а позднее в Таллине и Печорах были открыты Русские народные университеты. Деятельность Русского студенческого христианского движения в Эстонии началась в 1928 году. Это движение, имеющее центр в Париже, выпускает газеты, вестник движения, открывает два детсада в Нарве, общежитие для бедных учеников гимназий и школ — в Печорах.

Скаутское движение в России началось в 1909 году. Первый русский скаутский отряд на территории Эстонии был создан в Нарве в 1912 году. После ликвидации скаутского движения в 1926 году в СССР зарубежные русские скауты с центром в Нью-Йорке имели свои организации в Нарве и Печорах, участвуя во всевозможных слетах как в Эстонии, так и в Латвии.

В Эстонии работали русские школы и гимназии. Центральный союз русских учащихся, основанный в 1920 году, работал в

1923 году в 8 гимназиях и 4 городских школах. К 1940 году гимназий осталось четыре. В 1930 году в Таллинском педагогическом институте был открыт русский отдел, и в этом же году при обществе «Дом русского ребенка» открылась Русская частная торговая школа. В Таллине работали профессиональные танцевальные студии Литвиновой, Чернявской, Бек, вокальные — Мелома, Недремской, Зеля, художественные — Н. Роота, театральные — Кусевицкого, в Нарве — балетная студия Кочневой. Многочисленные литературные кружки работали в школах, в библиотеках и при общественных объединениях.

В Эстонию эмиграция занесла театральные актеров, которые создавали труппы и играли в Таллине, Нымме, Нарве, Тарту, Вильянди. Создавались разные театры, существовавшие недолго. В 1926 году в Таллине было создано содружество «Наш театр», которое желало создать профессиональный русский театр со своим зданием. В Таллине появляется профессиональный театр Пронникова. В Тарту продолжал работать русский театр, созданный еще до войны. В Нарве и Печорах создаются любительские театры. Таллинский актер Эберг создает театральные студии в Таллине и Печорах и преподает там. В 1934 году русские спектакли можно было раз в неделю смотреть в помещении немецкого театра. Это было время большого творческого подъема для театра. Количество спектаклей увеличилось ежегодно. Таллинский театр увеличил и количество выездных спектаклей по всей Эстонии. Ведущий эстонский актер П. Пинна неоднократно выступает гостем на русской сцене. Театр посещают видные эстонские деятели и глава государства К. Пяте. Эмиграция занесла в Эстонию бывших солистов Петроградской Мариинской оперы А. Александровича и Д. Смирнова, поэта И. Северянина, композитора И. И. Тульчиева и многих других.

Печорский край с Псково-Печорским монастырем, как прежняя частица русской земли, привлекал многих известных деятелей русской культуры, оказавшихся в эмиграции. Это — Бунин, Зуров, Минулов, Ходасевич, Дягилев, Плевацкая, Мамонтов, Вертинский, Шаляпин, Собинов, Куприн и многие другие. Кроме кратковременных периодических изданий 20-х годов в Эстонии выходило несколько крупных газет: «Вести дня», «Русский вестник». Также издавалось несколько журналов. Наиболее интересен журнал «Новь». Из книжных издательств самые

известные «Библиофил» и «Кольцо». Кроме них были и мелкие издательства русских книг.

Православная церковь в 1917 году получила автономию и избрала первого епископа Эстонии Платона (Кульбуш). В январе 1919 года епископ и многие другие видные деятели города Тарту были убиты отступавшими большевиками. 19 февраля 1919 года был учрежден «Епископский Совет Эстонии», который являлся высшей православной властью на территории Эстонии и признавал только Московского Патриарха Тихона. В 1923 году в связи с репрессиями в отношении духовенства в России православная церковь перешла под юрисдикцию Константинополя, перейдя и на новый церковный календарь. В 1940 году было 50 русских и смешанных приходов.

Старообрядческая церковь в Эстонии имела 7 общин в Причудье и 2 общины в Таллине и Тарту. Ежегодно старообрядцы проводили съезды, где решали насущные проблемы своей церкви. Культурные и духовные контакты связывали старообрядцев Эстонии с Гребенщиковской старообрядческой общиной в Риге.

Заключение пакта Молотова–Риббентропа, послужившее толчком к развязыванию второй мировой войны, и последовавшая за этим советская аннексия 1940 г. не обошли стороной и русских в Эстонии. Часть эмигрантов уехала вместе с немцами в Германию. Оставшиеся в Эстонии эмигранты-нансеновцы были уничтожены карательными органами СССР. В июне 1940 г. в разыгранном под нажимом ультиматума со стороны Москвы государственном перевороте участвовали и местные (особенно печорские) русские, поскольку среди них СССР мог внедрить своих людей, не говорящих по-эстонски. Вместо прежних русских газет появились новые. Все общественные организации были закрыты. Волна репрессий не обошла и русских. Весной 1941 года самые видные русские деятели были арестованы и многие расстреляны. Из Сибири вернулись лишь немногие. В марте 1941 года в печорской церкви Сорока Мучеников под нажимом советских властей был подписан акт о «добровольном» присоединении православной церкви Эстонии к Москве. Война 1941 года помешала Советскому Союзу завершить карательные действия в Эстонии. С 1941 по 1944 год во время немецкой оккупации в Эстонию, помимо пленных Красной Армии и большого количества беженцев с оккупированной части Российской территории, была завезена большая масса рабочей силы

из России. Многие из них были позднее репрессированы советскими органами, часть осталась жить в Эстонии. Во время немецкой оккупации в Эстонии выходили русские газеты и журналы. Кроме советских партизан, которые появились в Эстонии в начале 1944 года, здесь вела подпольную работу организация русских эмигрантов — Национально-трудовой союз (НТС). Преследования, начатые в 1941 г., в 1944-м стали еще более массовыми и целенаправленными.

В марте 1949 года массовая депортация из Эстонии не обошла и местных русских. Следствием этого была миграция русских Эстонии. Нарвляне не имели права возвращаться на постоянное место жительства в Нарву, и город был заселен советскими колонистами. Массовая колонизация из СССР 1945—1980 годов сильно увеличила русскоязычное население Эстонии. Но предвзятое отношение к местным русским, как к белогвардейцам, привело к тому, что многие коренные русские Эстонии за этот период сильно обэстонились и порой стыдятся своего русского происхождения. Некоторая часть коренных русских все же интегрировалась с советскими колонистами. На сегодняшний день их влияние распространяется только на неграждан Эстонии и не является доминирующим в нынешней политике Эстонии. Коренными русскими созданы некоторые организации, такие как Союз славянских просветительских и благотворительных организаций, объявивший о своем правопреемстве Союза русских просветительских и благотворительных обществ, который существовал до 1940 года. Союз проводит большую работу с русскоязычным населением, имеет филиалы среди коренных русских Причудья, провел два крупных певческих праздника хоров в 1991 и 1993 годах, организует постоянные лекции по истории эстонской культуры и различные выставки. Союз создал «Русский исследовательский центр» и начал издавать журнал «Вышгород».

Общество охраны памятников русской культуры создано в 1988 году. Общество русской культуры за время своего существования (1989—1994) создало множество объединений как профессиональных, так и исследовательских, но, как было объявлено в апреле 1994 года на юбилейном собрании, осталось самостоятельной организацией, оставив и все объединения самостоятельными, — многие из них до сих пор действуют незарегистрированными. Представитель общества присутствует на

«Круглом столе» президента Эстонии, как и член Представительной ассамблеи русскоязычного населения Эстонии. Кроме вышеупомянутых крупных объединений существует целый ряд мелких культурных организаций.

Особую группу населения представляют коренные русские, которые вернулись из ссылки после смерти Сталина. Наладив контакты с друзьями за рубежом, они получали литературу и распространяли ее между собой и прогрессивно настроенной молодежью как в Эстонии, так и в России. В этих кругах всегда можно было получить самиздатовскую литературу. С 1976 года из Финляндии стала поступать газета «Русский листок Финляндии». Ее двенадцать лет издавал финский русский О. В. Дидерихс. Его связь с Эстонией возникла еще в 30-е годы во время учебы в Тарту. Продолжением газеты «Русский листок Финляндии» можно считать газету «Русская почта», издаваемую «Русской Энциклопедией» в Эстонии со времен перестройки. Основными почитателями ее являются те русские, кому есть что вспомнить и рассказать.

Структура населения коренных русских на восточных окраинах Эстонии, живущих на селе, за советский период претерпела основательные изменения. Молодежь уезжала жить в города, и только небольшая часть ее ныне поддерживает связь с родными краями. Большая часть живет в Тарту, Нарве и Таллине, меньшая — в России. Практически на вымирание обречены острова в Псковском озере, относящиеся на сегодняшний день к спорной с Россией территории (остров Колпино).

Этот обзор охватывает историю русских в Эстонии с XI века до наших дней. В течение 50 лет советской оккупации количество прибывших в Эстонию русскоязычных иммигрантов в 10 раз превысило количество коренного русского населения, сложившегося здесь на протяжении 1000 лет. Новая волна сильно отличается от коренного русского населения Эстонии и требует более углубленного и досконального изучения.

РУССКИЕ ЛИТВЫ СЕГОДНЯ

Какие мы — русские, живущие в Литве? Как вам сегодня живется в Литве? — такой вопрос нам часто задают, когда мы приезжаем в Россию.

Двенадцать лет независимой Литвы. Естественно, исторические перемены начинают вырисовываться. Для многочисленной этнической группы Литвы, для русских, — это время ломки стереотипов. Менялось государство, в котором мы жили, менялся взгляд на нашу этническую родину — Россию, смещались акценты нашего менталитета, приходило новое осознание себя. Мы стали не просто русскими, а русскими гражданами Литвы.

Процесс этот еще далек от завершения. Поэтому мы ревностно анализируем новые тенденции, которые несут перемены в нашем государстве, внимательно вчитываемся в лапидарные строчки каждого нового закона, оцениваем их влияние, пусть даже косвенное, на наше будущее, на судьбу наших детей.

Сегодня в Литве более 260 тысяч русских. Почти все они приняли гражданство Литовской Республики, когда страна обрела независимость. Демократические установки Закона о гражданстве (1991 г.) выгодно выделили Литву среди Балтийских государств — Эстонии и Латвии. Доверительному отношению к новому государству в немалой степени содействовал принятый в 1989 году, еще до восстановления независимости Литвы, Закон ЛР о национальных меньшинствах, ставший той благоприятной основой, на которой могли строиться отношения молодого государства и национальных меньшинств, составлявших 20 процентов населения. В течение нескольких лет этот Закон был примером толерантности к национальным меньшинствам для государств посткоммунистического пространства. Закон об образовании (1991 г.) создал условия для сохранения русской школы в Литве, которая, постепенно интегрируясь, в новых условиях смогла сохранить национальное своеобразие. В гармоничность законов, регулирующих жизнь национальных меньшинств, особенно русских и поляков, диссонанс внес Закон ЛР о государственном

языке (1995 г.), отдельные статьи которого по сей день не соответствуют Закону о национальных меньшинствах, а также подписанной (1995 г.) и недавно ратифицированной Литвой (2000 г.) международной Конвенции защиты национальных меньшинств. Это касается возможности употребления языков национальных меньшинств в местах их компактного проживания. Закон о государственном языке как бы наложил вето на 4-ю статью Закона о национальных меньшинствах, которая как раз утверждала использование региональных языков. В отношении к использованию русского языка — это было и остается важным для людей старшего поколения в таких городах, как Вильнюс, Клайпеда, Висагинас. Однако сегодня для молодого поколения эта статья принципиального значения уже не имеет.

Исторически Литва всегда была государством, в котором с давних времен проживали представители различных национальностей. Их общность сочеталась с уважением к языку и культуре. Несмотря на то что сегодня на разных уровнях прослеживается тенденция развития идеи гомогенного государства, хочется, чтобы и в будущем традиция толерантного сосуществования сохранялась. Социологические исследования последних лет показывают, что интеграция русских Литвы идет быстро. Сегодня абитуриенты русских школ свободно владеют государственным языком и успешно конкурируют на вступительных экзаменах в высшие учебные заведения страны. Русские школьники прекрасно выглядят на олимпиадах по различным предметам, демонстрируя хорошие знания по истории и литературе Литвы. Однако стоит отметить, что в государственных и административных структурах самоуправления русских почти нет.

Вместе с Литвой мы переживаем все трудности становления государства и как все литовцы с надеждой смотрим в будущее. Конечно, мы разные. Одни приняли литовское гражданство, потому что другого варианта и не представляли себе. Их предки издавна жили в Литве и других семейных корней у них нет. Другие обижены на Россию, которая, по их мнению, своих соотечественников оставила без опеки, предоставив возможность самим «выживать» в новых условиях. Действительно, на фоне планомерной заботы Польши по поддержке этнокультурных и культурно-просветительских программ для поляков Литвы живущие рядом русские чувствуют себя обделенными вниманием со стороны своего отечества. Третьи приняли гражданство Рос-

сии (около 20 тысяч россиян), но остались жить в Литве и никуда пока переселяться не собираются. Некоторые, подхваченные волной свободы передвижения, сегодня выезжают в страны Западной Европы и Америки. Другие стараются скорее адаптироваться и отдают детей в литовские школы. И наоборот, сторонники глобализации прилагают усилия, ориентируя детей на хорошее знание европейских языков. Но большинство нас осознает свою русскость не столько по происхождению, сколько по менталитету, идентифицируя себя как «русские Литвы».

«Собственно русские» наши потребности сосредоточены в области образования, культуры, религии.

Православная Церковь на русских Литвы особого влияния не имеет и не стремится к этому. Ее позицию можно сформулировать так: Православная Церковь в Литве есть и, если вы захотите, вы всегда найдете дорогу к ней. Но постепенно сужающееся пространство культурного и духовного общения русских создает ситуацию, в которой церковь, вероятно, будет занимать все более значимое место в общественной жизни русских. Это заметно и сейчас. Количество прихожан растет. Если раньше в церковь приходили лишь пожилые люди, то сейчас больше тех, кому между тридцатью и пятьюдесятью. Помещение церкви становится концертным залом для фестивалей русской духовной музыки, священники организывают детские праздники, летние лагеря, конкурсы и поездки для школьников.

Русская культура в течение всех 12 лет независимости присутствовала в культурной жизни Литвы. Это имена русских классиков в репертуаре различных литовских театров, гастрольные спектакли известных русских режиссеров и актеров, концертные программы русской классической музыки, эстрады, цирка, русские дирижеры и исполнители. Среди деятелей культуры и науки Литвы тоже немало русских имен. У русской культуры есть свой «потребитель». И это не только русские. Высокий профессиональный уровень привлекает всех, невзирая на национальную принадлежность. Импорт русской культуры сегодня — выгодный бизнес.

Но для нас, русских Литвы, гораздо важнее иметь гарантированную возможность воспитания молодого поколения в духе преемственности русской культуры. Инструментом или формой передачи культуры всегда было образование. Русскую школу мы хотим видеть не только учебным заведением, но и очагом русской культуры.

В нашей стране школа — единственная институция, которая на основе финансирования из бюджета самоуправлений и государства системно осуществляет образовательный процесс национальных меньшинств. От общего стандарта образования, принятого в Литве, русскую школу отличает только дополнительное изучение родного русского языка и литературы, а также возможность преподавания предметов на русском языке. Стратегия образования в Литве не предполагает этнокультурное (национальнокультурное) воспитание в школах национальных меньшинств. Поэтому наши дети в школе не изучают русскую историю, русскую культуру, традиции и обычаи. В школе они не получают то, что гарантировано им в Законе о национальных меньшинствах: «преемственность культуры» и «развитие национального самосознания». Это обедняет наши школы, снижает интеллектуальный потенциал русской молодежи.

В течение 10 лет нам так и не удалось доказать необходимость создания специально предназначенного для школ национальных меньшинств (русской, польской, белорусской, еврейской, немецкой) учебного плана, который бы регулировал содержание учебного процесса, с учетом этнокультурного образования.

Еще в 1994 году была создана государственная «Программа подготовки педагогических кадров для воспитательных учреждений национальных меньшинств до 2000 года». Эта программа, утвержденная Премьер-министром и министром образования и культуры ЛР, предполагала подготовку педагогов по этнической культуре (статья 11). Однако это не состоялось. В этой же программе было записано:

«Статья 12. В средних и высших учебных заведениях педагоги для дошкольных учреждений и учителя начальных классов готовятся на родном языке».

Но это в программе. А в реальности в 1998 году по решению Министерства образования и науки ЛР были закрыты в Вильнюсской высшей педагогической школе единственные в своем роде группы, готовившие воспитателей русских и польских дошкольных учреждений, а позднее, в 2000 году, в этой же школе и Шяуляйском университете прекращен прием в группы, готовившие учителей для русских и польских начальных школ. На сегодняшний день ни одно учебное заведение Литвы не обязано готовить специалистов, которые формируют первые навыки и дают знания родного языка ребенку на начальном этапе его

жизни в русской и польской школах. А статистика свидетельствует, что 40% педагогов начальных классов русских и польских школ работают, имея диплом другой специальности.

В программе сказано:

«Статья 13.1. В Вильнюсском педагогическом университете готовить не только филологов, но и учителей других специальностей для школ Литвы, преподавание в которых ведется на русском, польском и белорусском языках».

Но сегодня для школ национальных меньшинств в вузах Литвы готовятся только филологи.

Отсутствие предметов этнокультурного комплекса в учебной программе общеобразовательной школы логически объясняет ненужность подготовки педагогов, обеспечивающих этнокультурный комплекс в школах национальных меньшинств, но не может объяснить причину, по которой это сделано.

Поиск сохранения этничности заставляет нас анализировать прошлое. Хронологические рамки бытия русских на территории современной Литвы уходят в глубину XIV века и еще дальше. В исторической перспективе можно выделить несколько волн иммиграции русских в Литву:

– русские, жившие на территории Литвы еще во время Великого Княжества Литовского;

– русские старообрядцы, которые, спасаясь от преследований Православной Церкви, начиная с XVII века бежали из России;

– русские, осевшие в Литве во время Российской империи (1795–1915), так называемые «колонисты»;

– русские, которые эмигрировали из России в первые годы установления Советской власти;

– русские, репатриировавшие в 1950-е годы из стран Западной Европы в Советский Союз и поселившиеся в Литве;

– русские, приехавшие в советскую Литву по направлению в качестве специалистов, а также завербованные на крупные стройки в качестве рабочих.

Сегодня эти группы слабо различаются даже самими русскими. Единственные, кто в течение трех веков сохранили свою этничность, это старoverы. Но основа сохранения их менталитета — конфессиональная. Большинство же современных русских далеки от религии. Для нас, вероятно, «охранной грамотой» должна стать принадлежность к русской культуре. В крупных городах Литвы — Вильнюсе, Каунасе, Клайпеде, Шяуляе, Висагинасе, где русских достаточно много, существует своеобразное

русское культурное и духовное пространство, которое частично может восполнить пробел, образовавшийся в системе государственного образования. Но в маленьких городах, где русских школ уже нет, так как они уже закрыты из-за малого количества учеников, или где существует единственная школа в Йонаве, Кедайнае, Шилуте, Друскининкае и других, где нет никакого импорта русской культуры, кроме коммерческого кабельного телевидения, сохранить культурную преемственность практически невозможно. Русская интеллигенция и в столице, и в провинции прекрасно понимает всю сложность происходящих процессов и пытается своей инициативой привлечь внимание молодежи к островкам русской культуры, используя форму общественной деятельности.

Еще до обретения независимости при Литовском фонде культуры стали формироваться национально-культурные общества белорусов, поляков, евреев, караимов, татар. Первая русская Организация — Русский культурный центр — появилась в 1988 году в Вильнюсе под влиянием «Саюдиса», движения за национальную независимость Литвы. Основная ее задача в то время — организация общественного диалога. Мы хотели объяснить всем, что русские понимают происходящее и принимают участие в процессе обретения независимости страны, неразрывно связывая свое будущее с Литвой. После создания в 1989 году Департамента национальностей при Правительстве ЛР аналогичные объединения стали создаваться в разных городах и районах Литвы. Сегодня их около 50-ти. Их деятельность можно разделить на 3 основных направления:

- этнокультурное воспитание детей и молодежи;
- просветительская и культурная деятельность;
- православное просвещение и опека.

Ежегодно мы стараемся проводить Дни русской культуры Литвы, которые были задуманы как мультикультурная акция, демонстрируем свой культурный потенциал, чтобы молодому поколению литовцев живущие рядом с ними русские не были в диковинку, не воспринимались как «терра инкогнита».

Роль общественных организаций русских не очень заметна в общественной жизни страны, но они ведут диалог между русской диаспорой Литвы и государством. В сложившейся ситуации на плечи наших организаций лег огромный объем работы по сохранению и развитию русской культуры, этнокультурному воспитанию молодежи, формированию менталитета. Все про-

шедшие 12 лет мы пытались в одиночку решать эти проблемы. Но опыт показывает, что нам это не по силам.

Культурным наследием в Литве занимаются различные ведомства, финансируемые из бюджета государства. Департамент национальных меньшинств и эмиграции при ЛР финансирует наши проекты. Однако системной этнокультурной деятельности только на эти средства вести невозможно.

Ситуация могла бы измениться, если бы в работу над нашими проблемами включились самоуправления. Но, к сожалению, даже в Вильнюсе, где почти половина населения не литовцы, где живет более 70 тысяч русских, в отделе культуры самоуправления нет чиновника, который бы достаточно компетентно занимался вопросами культуры национальных меньшинств. Исключением стал только город Висагинас, где живут специалисты, обслуживающие атомную электростанцию. Там работает специалист по вопросам национальных культур, финансируются творческие коллективы разных этнических общин.

Трудно поверить в то, что до сих пор в Министерстве культуры ЛР нет ни программы сохранения и развития культур национальных меньшинств, ни специалистов, которые бы вели методическую и практическую работу в этой сфере. А ведь действующий в Вильнюсе Русский драматический театр и Литературный музей им. А. Пушкина, единственные паритеты русской культуры Литвы, находящиеся на бюджетном финансировании, могли бы работать гораздо осмысленнее, если бы Министерство культуры разработало мультикультурные программы.

Двенадцать лет — это период, когда можно оглянуться и подвести итоги. Жизнь не стоит на месте. Очевидна необходимость существенных изменений в законодательной базе Литвы. Мы долго ждали, когда наше государство сформулирует концепцию этнической политики Литвы. Сегодня такая работа начата. На основе такого документа в дальнейшем можно формировать изменения в отдельных законах, непосредственно касающихся национальных меньшинств и интеграционных процессов литовского общества.

Процесс формирования русской диаспоры Литвы идет очень медленно и далек от завершения. Возможно грядущее десятилетие радикально повлияет на наше самосознание. Но уже сегодня очевидно, что ориентация на Россию у русских Литвы слабеет.

ЭРМИТАЖ КАК СИМВОЛ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РОССИИ

А. Н. Кирпичников:

Позвольте мне представить Михаила Борисовича Пиотровского, академика, директора Государственного Эрмитажа, который любезно согласился выступить здесь у нас в Старой Ладоге перед участниками Староладожской археологической экспедиции (которая включает в себя также и сотрудников музея) и международной экспедиции-школы «Старая Ладога, 2004». Выступление Михаила Борисовича Пиотровского, очевидно, можно истолковать как намек на более тесное сотрудничество Эрмитажа и нашей Староладожской экспедиции. Я правильно понимаю?

М. Б. Пиотровский:

Если бы я сказал «нет», Вы бы ответили: «Но Президент распорядился!».

Разговор будет об Эрмитаже. Я полагаю, что все Эрмитаж знают и почти весь видели, а если не видели, то, конечно, где-то читали. Я бы хотел, показывая картинки, рассказать о том, почему Эрмитаж — самый лучший музей в мире. Мне часто приходится отвечать на вопросы, правда больше у нас на Родине, чем за границей: «Отчего Вы так “носитесь” с Вашим Эрмитажем, что в нем такого? В мире есть много музеев: побольше, поменьше, хороших, разных. Чем Эрмитаж такой особенный?»

Действительно, Эрмитаж особенный. Чем именно он такой особенный — про это я всегда пытаюсь рассказывать, и об этом мне хотелось бы рассказать сейчас.

Один из исторических примеров того, что Эрмитаж особенный. Посол Франции, предыдущий, два раза, открывая выставки в Эрмитаже, стоя на Иорданской лестнице, в присутствии большого количества французских дипломатов сказал: «Я уверен, что Эрмитаж — самый лучший музей в мире». Ему, думаю, не простили эту фразу. Но, действительно, это так, Эрмитаж — самый лучший музей в мире.

Эрмитаж — один из самых главных музеев мира.

У него есть разные параметры, о которых любят рассказывать туристам, что на самом деле, конечно, чепуха. Например, «самый большой музей в мире». Эрмитаж и был таким до реставрации Лувра. Это было важно в середине XX века. Сейчас, когда в Японии все музеи, которые строятся, больше размером любого европейского, когда любая инсталляция современного искусства занимает площадь, которую занимают все картины Рубенса пяти европейских музеев, этот параметр, конечно же, ничего не значит.

Иногда можно с гордостью сказать: «У нас в Эрмитаже 3 миллиона экспонатов». Но Вы — археологи, Вы понимаете, что число «3 миллиона экспонатов» это — начиная с археологических находок. Так что есть музеи, в которых картин может и больше, чем в Эрмитаже. Я полагаю, что в Русском музее, который в течение многих лет ежегодно покупал большое количество картин советских художников, наверное, количество картин больше, чем в Эрмитаже. Другое дело, каких картин.

Для нас Эрмитаж — самый великий музей в мире. У него есть набор качеств, которые показывают его уникальность, особенность в рамках русской культуры и культуры мировой. Эрмитаж входит в число пяти главных музеев в мире: Британский музей, Эрмитаж, Лувр, Метрополитен. Сейчас в Берлине, наконец, спохватились, у них столетиями стояли отдельные музеи на Острове музеев, сейчас они их реконструируют, объединяют вместе, создают один, так что мы теперь Берлин «берем с собой», когда говорим о главных музеях мира, когда бывают выступления директоров трех-четырёх главных музеев. Так что теперь Берлин «берем с собой» — Британский музей, Эрмитаж, Лувр, Метрополитен и Берлин.

У Эрмитажа много символических особенностей. Одна из них (последние 10 лет мы называем её первой) — это замечательная способность к выживанию. То, что пережил этот музей, исторически никто, ни один музей в мире, не переживал.

Во-первых, это — три эвакуации. Первая — от Наполеона. Дальше начинается «традиция»: как только немцы подходят близко к Риге, Эрмитаж эвакуируется. Вторая эвакуация — во время первой мировой войны Эрмитаж эвакуировали в Москву, с трудом удалось вернуть назад музей, но не весь — корона и драгоценности, как Вы знаете, тогда так и остались в Москве.

Третья эвакуация — во время второй мировой войны, Великой Отечественной войны — в Свердловск.

Во-вторых, Эрмитаж пережил, соответственно, несколько войн, причем во второй мировой Эрмитаж активным образом участвовал, поскольку часть его оставалась здесь. Важным элементом сопротивления во время блокады Ленинграда был именно Эрмитаж.

Кроме того, Эрмитаж пережил три революции, пожар 1837 года, когда сгорел Зимний дворец. Однако всего через полтора года дворец был реконструирован, восстановлен полностью. В общем, было сделано так хорошо, как сейчас никто не делает. Мы со стыдом это вспоминаем, когда раз в год с трудом реставрируем какой-нибудь один зал и понимаем, что при Николае I это делалось гораздо быстрее. Но, по крайней мере, хоть делается, было время, когда совсем не делалось.

Эрмитаж пережил и нашу перестройку, которую очень помогли пережить уже пережитые революция и блокада Ленинграда. Когда стало совсем худо, денег нет, государству наплевать, все кругом ходят — и высокопоставленные люди, и невысокопоставленные — и говорят, что когда в доме плохо, надо продавать семейное серебро, и не хотите ли продать картину, или ещё чего-нибудь, то тогда сотрудники Эрмитажа вспоминали, что всё-таки было хуже, была блокада и многое другое, так что выберемся. Выбрались. Так что если раньше, когда я как директор Эрмитажа встречался с людьми и говорил «Здравствуйте, я — директор Эрмитажа», все говорили: «О, знаем, замечательный музей, прекрасный. Да, говорят, у Вас безумные экономические сложности», это были две первые фразы, потом начинался разговор, то теперь разговор немножко другой, говорят примерно так: «О, Эрмитаж, конечно, знаем, замечательно. Послушайте, у Вас потрясающий веб-сайт и как это Вы ухитрились заставить IBM сделать всё, что они для Вас сделали бесплатно, а не за 5 миллионов долларов?» Это — наш способ выживания, нас опять ценят за умение жить в особой, сложной обстановке.

Вторая особенность музея — это его фантастическая открытость, музей — как символ открытости, причём не вообще открытости, а русской открытости, российской открытости. Эрмитаж всегда был особым. В период самой изоляционной политики России Эрмитаж был более открыт, чем вся Россия. Я сам

помню, как многие рассказывали, те, кто приезжали в Эрмитаж в 50–60-е: «Приезжаешь в Советский Союз, Москву и попадаешь в определенную обстановку, а приезжаешь в Эрмитаж — совсем другое дело — вид другой, люди другие, на иностранных языках все говорят. Здесь мы понимали, вспоминали, что, действительно, Вы — это всё-таки Европа». Так вот это было, это — то, чем был Эрмитаж в течение долгого времени и чем продолжает оставаться. Но это — только одна часть открытости Эрмитажа.

Другая состоит в следующем. Эрмитаж — это великий русский музей, великий музей России, основанный в Санкт-Петербурге, символ России и символ Санкт-Петербурга, это музей мировой культуры. Похожий музей Лувр. Но Лувр — это музей французского искусства, к которому «приставлено» всё остальное, он же — национальный музей французского искусства. У нас национальный музей русского искусства есть отдельно, это сложилось исторически своими этапами. Отдельно есть музей мирового искусства, где Россия занимает своё торжественное место и вместе с другими живёт в контексте других цивилизаций. Это тоже очень важная особенность, из этой теоретической посылки вытекает та открытость Эрмитажа, которая, на самом деле, есть специфика России — страны, у которой нет никаких границ, она «закрыться» не может, — и специфика Российской культуры, Российской души (почитайте Достоевского), и так далее. Воплощением этого является сейчас Эрмитаж.

С давних времён приходится спорить, и сейчас приходится слышать: «Эрмитаж — не русский музей». Ещё Стасов писал большие разоблачающие статьи: «Эрмитаж не сделал ничего для русского искусства», «Эрмитаж — представитель западного искусства». Эрмитаж — как раз очень русский по духу музей в понимании русского духа, как духа мирового. Это действительно ощущается. Нам приходится общаться с большим количеством людей, которые приезжают из-за границы. Кстати сказать, в отличие от других больших музеев мира наш Эрмитаж — это музей, работающий, в основном, для своих соотечественников. Так, у нас ежегодно 2,5 миллиона посетителей: 2 миллиона посетителей — это наши соотечественники, и только 450–500 тысяч — это зарубежные туристы. Количество иностранных посетителей не меняется за последние десять лет.

Количество же «наших» посетителей сначала падало, затем поднялось обратно, сейчас идёт постепенно вверх к прежним рубежам, когда было 3 миллиона посетителей. Это очень отличает нас, например, от Лувра. Мы вместе с директором Лувра, прежним, были в Японии, в Киото, и он сказал: «Я чувствую себя как в Лувре». «А что такое?» — «Кругом японцы». У нас такого ещё нет.

Эта открытость очень важна для всей нашей работы и является особенностью нашей музейной деятельности, о которой я ещё расскажу. Сейчас, посмотрим картинки-слайды, пожалуйста.

Громадный комплекс Эрмитажа с Зимним Дворцом. Есть такое историческое «движение». Ещё совсем недавно, когда мы говорили «Эрмитаж» и думали, что бы такое нарисовать, как изобразить, то рисовали всегда атлантов. Когда я пришёл в Эрмитаж, стал директором, то сам ещё протестовал, когда, говоря «Эрмитаж», изображали Зимний Дворец, ведь всем известно, что Зимний Дворец — Зимним Дворцом, а символ Эрмитажа — атланты. Теперь же Зимний Дворец всё больше и больше становится символом Эрмитажа во всём мире. Это и правильно.

Дворцовая площадь. Дворцовая площадь, на самом деле, является громадным и лучшим в мире памятником военной победы. Это — памятник победы над Наполеоном, главного события нашей истории XIX века. Арка Главного штаба — это не просто «арка», это — Триумфальная арка. Колонна. Сразу напротив неё — Александровский зал, посвящённый памяти войны 1812 года, из Александровского зала — выход в военную галерею, которая, опять же, — памятник войны 1812 года. Таким образом, комплекс — Дворцовая площадь, Арка Главного штаба, Колонна, Зимний Дворец — совершенно уникальный памятник русской государственной истории. Это — и есть то, что есть Эрмитаж, это русская государственная история в своём великом проявлении, плюс украшенная картинами Рембрандта и Матисса. Следующий слайд, пожалуйста.

Это ещё один вид Зимнего Дворца с садом. У нас есть разные споры о том, как мы будем дальше жить на Дворцовой площади. Возникает вопрос: «Что будем делать с садиком перед Зимним Дворцом, с решёткой, которая там стояла?» Решётка — замечательная, шедевр, мы всё думали, что её отре-

ставрирует Кировский район, она там стоит, а мы её «захватим». Но решётка была поставлена на громадном гранитном пьедестале, который закрывал полностью вид Дворца, да и решётку не очень было видно. Известно, что он был сделан таким большим только по одной причине — чтобы бомбы террористов не очень попадали. Что делать? Делать такую высокую — будет некрасиво, делать низкую — это нарушение правил любой реконструкции-реставрации, так что вопрос остаётся открытым. Слава Богу, это не ближайший приоритет реконструкции. Дальше, пожалуйста.

До этого мы должны решить, в какой цвет мы перекрасим все здания на Дворцовой площади, в какой цвет перекрасить Зимний Дворец. Сегодняшний зелёный цвет — это не родной его цвет. У Зимнего Дворца цвета были разные, но все они были пастельные — серые, коричневатые, бежеватые. Был красный цвет перед революцией 1917 года — ясно, что этот цвет никуда не годится. Но цвет предыдущий — серо-бежеватый. Этот же зелёный цвет сделан уже в середине XX века в подражание тому, что хотел сделать Растрелли. Это — барочный цвет. Так что здесь тоже есть много вопросов «Как быть?». В отличие от Зимнего Дворца, Екатерининский Дворец в Царском Селе имеет свой настоящий цвет — сине-голубоватый. Хотя «жёлтые штучки» на нём имеют неправильный цвет. Конечно, у Растрелли была идея сделать их позолоченными, но до этого никогда дело не дошло, по-моему, даже в царское время. Так что у нас разные проблемы, как реконструировать.

Это сказано к тому, что Эрмитаж — это ещё и замечательный музей русской и мировой архитектуры. Эрмитаж — это музей русской государственности, музей мирового искусства и музей русской и мировой архитектуры, и ещё самые лучшие на свете виды из окон. Следующий слайд, пожалуйста.

Знаменитая Иорданская лестница. Она — из тех частей Зимнего Дворца, которые сохранились и после пожара были восстановлены почти в таком виде, как они были сделаны Растрелли. Многие части интерьеров были восстановлены уже в духе второй половины XIX века. Следующий слайд, пожалуйста.

Пожар начался вот отсюда. Были разбирательства: кто виноват — было непонятно. Великий Монферан говорил, что виноват не он, а подрядчики, и немножко — император, который требовал быстро построить залы: «Скорее, скорее, скорее!».

А все было из дерева, все перекрытия деревянные. Здесь была труба вниз. По легенде, загорелась какая-то тряпочка где-то там, внизу, огонь пошёл, всполыхнуло прямо вот здесь, за Малым Тронным залом. Гореть было чему. Тогда сгорело всё, император прибежал спасать. Эту историю можно рассказывать по-разному. Можно так: замечательно, император прибежал, всё организовал, все вещи выносили на площадь, ничего не украли (хотя, украли). Но можно рассказать и так: император пришёл, потребовал открыть все окна, из-за чего огонь побежал быстрее и всё погребло, вот он виноват. И то, и то — правда. Дальше, пожалуйста.

Далее представлены парадные залы: Николаевский зал, Гербовый зал. Гербовый зал перед входом в Большой Тронный зал. Большой Тронный зал, который будет далее нами реставрирован, в нём восстановлены тронное место и трон. В Гербовом зале собирались губернаторы перед тем, как идти к императору, поднимались по Иорданской лестнице, ожидали в этом зале, чтобы быть представленными императору. Понятно, что поэтому здесь на всех люстрах гербы разных губерний Российской империи. Был замечательный случай с Президентом Татарстана. Он пришёл сюда, посмотрел и говорит: «А где тут наш Казанский герб?» Я был не один, поэтому могу рассказывать спокойно, со мной тогда рядом был государственный герольдмейстер России Вилинбахов. Я спрашиваю: «Георгий Вадимович, где у нас тут герб Казани?» «...». Минтимер Шарипович — человек серьёзный, говорит: «Я не уйду, пока не найду». И пошёл, нашёл на последней, третьей, люстре герб Казани, очень довольный пошёл дальше. А дальше — у нас был разговор о том, как делать выставку в Казани — Перещепинского клада, сокровище хана Кубрата, погребение одного из тюркских вождей, тех тюрок, которые потом пошли в две стороны и стали болгарами и булгарами. О нём идёт много споров. Важно то, что Татарстан много раз просил организовать эту выставку, но мы отказывались: «Что Вы, как можно? Безопасность! Мы такие драгоценные вещи в России никогда никому не даём! Да и за границу никому не даём». Но теперь, после такого разговора, с гербами и люстрами деваться было некуда. Тогда мы пошли на свою обычную «провокацию». «Вы знаете, Ваш музей должен иметь подготовленную высочайшую охрану, сигнализацию, страховку и т. д.». Нам отвечают: «Конечно, пожалуйста, музей передела-

ем, реконструируем, реставрируем, о чём речь». На самом деле, так и было сделано — музей был реконструирован соответствующим образом. У нас с тех пор есть специальный список вопросов — более 400, которые мы задаём каждому музею России, если куда собираемся ехать, вопросы о том, что должно быть выполнено. Сложные вопросы — видеонаблюдение, охрана, сигнализация, через сколько минут прибегает милиция, климат и все остальное. В Казани в результате всё было подготовлено в одном музее, во втором, в третьем. Мы сделали там несколько совершенно замечательных выставок. Через год мы открываем в Казани свой выставочный центр, тысяча квадратных метров уже готовы, мы уже думаем, как их заполнить. В следующем году — юбилей Казани, так что именно к этому юбилею планируем открыть свой центр. Я уж молчу о том, что юбилей Казани создан в Эрмитаже. Ведь датирующую монету чешскую, которую нашли там, исследовали и определили в Эрмитаже. Так что мы и виноваты будем. Пожалуйста, следующий слайд.

Это — фрагмент замечательного здания Нового Эрмитажа. У Эрмитажа много зданий, поэтому все уже запутались. Наши экскурсоводы стандартно говорят, что Эрмитаж состоит из шести зданий. На самом деле у нас — Зимний Дворец, Малый Эрмитаж, Старый Эрмитаж, Новый Эрмитаж, Эрмитажный театр, Главный штаб (восточное крыло), дворец Меншикова, Фондохранилище, музей Фарфорового завода и «кусочек» Константиновского Дворца. Одно из этих зданий — самое главное — Новый Эрмитаж, здание, которое построено по приказу Николая I после того, как он в Мюнхене увидел музей, построенный Лео фон Кленцем, и сказал: «Я хочу такое здание и, кроме того, хочу публичный музей!» Дело в том, что музей Екатерины, основанный, условно, в 1764 году, публичным не был. Публичный музей был сделан впервые в 1852 году Николаем I под влиянием европейских образцов. Вызвал Лео фон Кленце и заказал ему сделать музей в новогреческом стиле, в стиле такого «историзма». Когда я учился, многие этот стиль ругали, мол, всё так красиво, барокко, а это ужасно, немец фон Кленце не знал как строить — трещины идут, и такой стиль не годится для здания, чтобы показывать изящное искусство. На самом деле, люди приезжают посмотреть в том числе именно музей, построенный фон Кленцем. Теперь эта дворцово-музейная ар-

хитектура — Зимний дворец и дворец, построенный как музей, — оказывается самой приемлемой для классического искусства и даже для нового искусства. Это — большой урок. Второй урок — такой немного мрачный. Все здания Лео фон Кленце были уничтожены во время войны. Единственное здание, которое осталось, большое, музейное — Новый Эрмитаж. Так что мы иногда говорим: «Мы для Вас (для Германии) от Вас сохранили здание Лео фон Кленце, а Вы сами не смогли».

Ещё один потрясающий пример — как строили. Был германский архитектор, знаменитый, супер-имя, который несколько раз приезжал, начертил как надо строить. Была создана комиссия из русских, куда входили архитекторы Стасов и Ефимов, инженеры и деловые люди. Задача была такая — во-первых, не дать перетратить денег немцу, а во-вторых, за всем наблюдать, спорить что и как. В результате появилась потрясающая переписка из диких споров: русские говорили: «Немец ничего не понимает», немец считал, что те ничего не понимают: «Нужно так», «Нет, нужно так», вмешивался император, кстати, благодаря императору, каменные вазы кругом, каменные вазы — это добавление императорской идеи. Кончилось тем, что действительно получился шедевр, на мой взгляд, лучший, чем всё, что построил Кленце где-то в других местах, именно потому, что была такая творческая борьба разных архитекторов. Так, фон Кленце хотел сделать вход оттуда, где сейчас Малый Эрмитаж. Ясно было, что имелось в виду снести Малый Эрмитаж (как каждый архитектор мечтает сначала что-нибудь снести, чтобы построить), но не дали, получился в результате замечательный вход с атлантами. Это — такой хороший пример, так всегда строилось в Петербурге. Не всюду в мире так делается. Когда мы рассуждаем о судьбах Петербурга архитектурных в будущем, я думаю, что к этим примерам мы должны обращаться. Сейчас мы приступаем к реконструкции Главного штаба, у нас работают наши петербургские замечательные архитекторы, у них и у меня консультантом — лучший архитектор в мире Рем Колхаас и участвует один из лучших заказчиков архитектурных — музей Гугенхайма, который построил несколько музейных зданий во всём мире. Мы уже спорим, уже ругаемся сильно, так что я думаю, что у нас должно получиться хорошо. Дальше, пожалуйста.

Это один из залов Нового Эрмитажа. Античная и римская скульптуры, портреты. Этот зал недавно отреставрирован, по-

чти все залы Нового Эрмитажа мы сумели отреставрировать в последние годы. Причём, реставрация на самом деле — это не просто что-то там подкрасить или всё перестроить. Важнейшая часть реставрации — это свет. Вот, например, есть какой-нибудь потолок. Все потолки в Новом Эрмитаже расписаны, они лепные, необыкновенные, особым способом выделанные, и что с ними делать, куда направлять свет? На них, на скульптуру, на картины? Это очень интересная задача, в каждом зале она решается по-разному, с разной техникой. Получается красиво, так что когда после общего ремонта, реставрации лепнины и изменения света многие посетители (а самый хороший показатель не очень музейный — это когда люди начинают фотографироваться рядом со скульптурой) здесь и в другом зале рядом с римской скульптурой стали фотографироваться, мы поняли, что всё правильно, свет правильно поставлен. Тут и хранители стали выносить из запасников и расставлять самые лучшие скульптуры.

Дворцовая площадь. Относительно недавно, лет 18 назад, Эрмитажу передано левое восточное крыло здания Главного штаба, арка — тоже наша. Здесь будет размещён музей искусства XIX—XX веков.

Это одно из особых мест Эрмитажа, одна из кладовых — галерея драгоценностей, часто называемая «бриллиантовая», потому что очень много европейских украшений с блестящими камнями. Посередине — две сабли, подарки турецкого султана русскому императору. Один подарен «нормально» — во время мира, второй — это потрясающее событие, когда русский отряд был послан помогать защищать Константинополь от египетского паши.

Далее — немного «кусочками» коллекция Эрмитажа. Эрмитаж относится к редкой теперь и сильно нелюбимой международной общественностью категории универсальных энциклопедических музеев, т. е. музеев, которые собирают вместе образцы разных культур, вместе их показывают, организуют такой «диалог». В результате, у них набрано со всех концов света разные древности, предметы искусства, все они выставлены, все они вырваны из своего исторического контекста, все они откуда-то привезены с разными уровнями легитимности: просто забраны, куплены, вывезены археологами, собраны, подарены, поменены — словом, способов существует очень много разных, они все не слишком легитимны, даже когда за

что-то заплатили деньги, то всегда можно сказать, что цена-то, вообще, была неправильная, поэтому, пожалуйста, верните обратно, потому что за такие ничтожные деньги такие вещи не покупают. Действительно, время таких музеев кончилось, эти музеи связаны с империями; возникающие новые музеи — это всегда музеи локальных историй, локальных культур, памятники определённые и музеи вокруг них. Это, наверное, правильно, нормально, но тем важнее становятся те «монстры», «динозавры», которые ещё существуют.

Пример того, что бывает в «монстре», «динозавре» — лучшая в мире коллекция картин Матисса. Это — знаменитый портрет мадам Матисс, ранний Матисс из коллекции Щукина. Дальше, пожалуйста.

Одна из лучших в мире коллекций греческого золота. Три есть в мире такие лучшие коллекции — Метрополитен, Британский музей и Эрмитаж. Несмотря на то, что я перед этим сказал, наши все вещи имеют происхождение из Северного Причерноморья, поэтому из Греции не вывезены в отличие от коллекций Метрополитена и Британского музея. Следующий слайд, пожалуйста.

Это — часть нашей особой кладовой, к которой примыкает ещё и скифское золото, греческое. Скифы и греческое искусство вместе — это потрясающий диалог культур, который существовал столетиями, только в Эрмитаже можно увидеть их, понять это. Есть другая, замечательная совершенно, коллекция, уникальная Эрмитажная — это коллекция серебра: Иран, раннее средневековье, IV—V век. Тоже с потрясающим происхождением — все это привозили менять на меха в Приуралье, там сейчас мы знаем несколько мест, где у шаманов водятся такие вещи, путешествуют по Сибири, и мы пытаемся найти туда ходы. Думаю, что и Вам, в Ладоге, пора найти пару восточных серебряных блюд.

Это история замечательная про Бахрам Гура, про правителя, который воспитывался у арабов, его подруга Азаде загадывала ему загадки различные, одна из них была — «Можешь ли превратить антилопу-самца в самку, а самку в самца?», «Запросто». Как отличаются самец и самка? Рогами. Он стрелой сбил рога у самца, он стал как бы самкой, и две стрелы воткнул в голову самки, она стала как бы самцом. Это знаменитая исто-

рия из Шах-наме, Иранский эпос, перешедшая потом в разряд «вечных сюжетов», легко узнаваемая.

Это — турецкое знамя, трофейное, поэтому ободранное. У нас одна из лучших в мире, самая богатая коллекция турецких знамён, ясно — русская история.

Эрмитаж — это ещё и история Романовых, сейчас в последнее время — это один из главных сюжетов работы Эрмитажа. Вообще у нас приоритетны две вещи: то, что мы считаем главным — культурная миссия Эрмитажа — и что мы должны делать. Людей, в общем, просветили: 50—60 лет советской власти прошли не зря. Наши главные теперь задачи — воспитывать вкус в двух вещах, во-первых — в русской истории. Русская история, теперь все её обсуждают, все её знают, все её понимают, так её поворачивают и разворачивают, красят белым, красят чёрным, причём очень много просто-таки пошлости в оценке, в разговорах, во всем. Что делать? Из всего этого выход один — показывать подлинные вещи, просто подлинными вещами ненавязчиво рассказывать о том, как всё было, не то что бы «на самом деле», а вот — посмотрите, ощутите, поймите. Это вообще прелесть музея. Даже когда Вам очень тщательно рассказывают о том, что и как было, на самом деле ещё есть вещи, а у вещей — «вещественная энергия», свой язык, если ты немножечко восприимчив, то сам понимаешь, придумываешь, что и как. Мы стараемся много рассказывать о русской истории именно так — в подлинных залах, подлинными вещами с тем, чтобы люди, наконец, начали свою историю ощущать, толковать и ощущать такой, как она есть. Частью этого была наша выставка про Старую Ладугу, когда мы начали праздновать 300-летие Санкт-Петербурга, в Эрмитаже была громадная выставка про Старую Ладугу, как раз к 1250-летию самой Старой Ладуги. Это — про сочетание разных культур.

Вторая наша главная задача — воспитание вкуса к современному искусству, потому что «открылись ворота», кругом современное искусство, кругом галереи, художники. Современное искусство, как известно, на 50 процентов это шарлатанство. Что, как к нему подходить? Эрмитаж выставлял и выставляет самые первые имена, которые уже точно вошли в историю искусства XX века. Иногда эти имена оказываются спорными для широкой публики, но, тем не менее, мы настырно это пытаемся делать.

Это — два костюма: костюм Екатерины Великой и костюм Петра III. История каждому смотрящему должна быть известна.

Это то немногое, что осталось от обстановки, от жилой обстановки в Зимнем Дворце. Это — библиотека Николая II. Уничтожалось при советской власти, но уничтожалось и до революции, чтобы создать апартаменты Николая II, уничтожили предыдущую обстановку в том же месте. Дальше, пожалуйста.

Это — окно в апартаментах, читать нужно по-английски: «Niki is looking at the hussars, 14 марта 1901 года». Эта надпись оставлена на окне в угловой комнате личных апартаментов бриллиантовым кольцом Александры Федоровны, как установлено. Это могла быть, впрочем, и Мария Фёдоровна. Известно, что английский был языком семьи. Они очень любили писать на окнах. Повсюду, по всей Европе, там, где останавливались Александра Федоровна и Николай, есть такие росписи, в Англии, в Германии. Было очень много росписей и в Зимнем Дворце, там писали уже все — цари, генералы и т. д. Папа мне рассказывал, что были разрисованы все стёкла. Все стёкла вылетели во время блокады, понятно. Это одно осталось, чудом. По-моему, у нас нет списка, никто не зафиксировал, я думаю, что это одна из самых трогательных таких надписей. В европейских дворцах мы пытаемся получить хотя бы фотографии таких надписей для нас, но европейцы не очень обращают на нас внимание. Дальше, пожалуйста.

Это — Николай и Александра Федоровна в старорусских одеждах. Знаменитый бал 1903 года, когда был подъём русского патриотизма, национализма, на балу все должны были быть в русских одеждах времени Алексея Михайловича, бал был эффектный. О нём вышла громадная красивая книга. Она только что была переиздана в двух томах, с портретами всех и со всеми костюмами. Следующий, пожалуйста.

Это — участники этого бала в Эрмитажном театре, здесь они все вместе. В середине XIX века в Эрмитажном театре сидели с одной стороны мужчины, с другой стороны — женщины. В английских мемуарах читаем, что было нормально, автор не испытывала особого удивления, так сидели все.

Это — «кусочек» нашей буддийской коллекции, тоже громадной и особой. Дальше, пожалуйста.

Это — ткани, шелка из Мошовой балки, Кавказ, раннее средневековье, чудом сохранившиеся ткани в сухих скальных гроб-

ницах. Одна из знаменитейших коллекций, есть византийские, иранские шелка и прочее, различные ткани. Дальше, пожалуйста.

Кусок из палатки, раскопанной в Пазырыке, V—VI век до н. э., в вечной мерзлоте найден потрясающий памятник культуры. Дальше, пожалуйста.

Это война, первая мировая война, лазарет, который был в Зимнем Дворце, во время войны большая часть парадных залов была отдана под лазарет. Так здесь и было во время штурма Зимнего.

Вторая мировая война. Одна треть Эрмитажа осталась в Зимнем Дворце, вообще два раза получилось одинаково. В 1917 году, когда к Риге подошли немцы, по приказу Керенского Эрмитаж эвакуировали, было три эшелона: два ушли в Москву, один остался, потому что произошла революция. В 1941 году тоже было три эшелона, два ушли, третий остался, потому что закрылось кольцо блокады, эшелон повезли обратно.

Вот так: в рамках были «картины», т. е. в залах оставались пустые рамы, по ним водили экскурсии солдат с фронта, рассказывая о том, что должно сюда вернуться. Тут же проходили конференции памяти великих восточных поэтов, о которых никто толком и не знал в блокадном Ленинграде. Это — больше, чем сила духа, как это трактовалось всегда. На самом деле блокада была противостоянием зла и интеллекта, зла и культуры, это нечто большее, это такой совершеннейший сюрреализм, в который замешено куда много большее, чем «Всё равно будем жить назло врагу!» Эту историю ещё надо переписывать, мы стараемся немножко переписывать — каждые 5 лет в тех подвалах, где было бомбоубежище, мы делаем выставки, посвящённые блокаде — подлинные вещи, часть какой-то бутафории. В этот раз художники ещё сделали такие фигуры, где-то посередине между бутафорией и скульптурой. Так что здесь есть ещё что делать. Потрясающее впечатление, например, когда в подвале много людей приходит слушать запись «радио во время бомбёжки», сидишь в подвале и слушаешь радио во время бомбёжки.

Это ещё целый период, который надо переосмыслить. Это залы во время войны. Понятно, что во время самой войны фотографировать было запрещено, но художники, которые жили в подвалах Эрмитажа, рисовали: Верейский, Милютин и другие, они делали зарисовки. Причём не просто рисовали — был

ещё и приказ, чтобы они зарисовывали, чтобы сохранились документы. Тоже сюрреализм. Дальше, пожалуйста.

Это — каретный сарай, в который попал снаряд, повредил несколько карет, одна из повреждённых — наша главная карета, коронационная карета Екатерины, та карета, которая стоит сейчас в Маршальском зале.

Ещё один зал. У нас сейчас в некоторых залах представлены рисунки, показывающие этот зал во время войны. Мы сделали это тоже к 300-летию Санкт-Петербурга, уже после Старой Ладogi, после торжеств, начали с того, что привели наших эрмитажных детей, которые в кружках учатся, провели их по залам, рассказывая о блокаде.

Это макет того, что мы строим. Эрмитаж — громадный музей с громадным количеством коллекций. Мы показываем примерно 5 процентов того, что у нас есть, 5 процентов экспонатов. Для людей несведущих это — «Ах, какой ужас, что такое? Как можно — отдайте другим». Понятно, музей существует не для того, чтобы показывать, показывается только небольшая часть, в музее есть монеты, в музее — текстиль, в музее — вещи на бумаге, рисунки, которые нельзя показывать, в музее полно археологии, которую не будешь же километрами выкладывать, и т. д., поэтому всё выставлять целиком нельзя. Знаете, одна вещь, которая обязательна — полная доступность всех коллекций. Конечно, ни Эрмитаж, ни один, вообще-то, музей в мире полной доступности не имеет. Мы ещё немножко отстаём, хотя, пожалуй, уже сейчас и не отстаём, пять лет назад отставали. Наша главная организационная задача — повисить доступность всех коллекций разными способами. Один из способов — просто новые галереи, новые выставочные залы, в этом Главный штаб нам поможет. Другой способ — это максимально использовать систему открытого хранилища. Многие знают, что такое наше хранилище в Эрмитаже — там пройти боком трудно, тем более нельзя привести людей показать. Мы планируем максимально расширять систему открытого хранилища, когда это будет в здании Главного штаба.

Сейчас мы строим, есть макет фондохранилища Эрмитажа в Старой деревне, здание в шесть этажей уже стоит, и первый корпус уже стоит, остальные ещё надо построить. Это будет хранилище Эрмитажа, причём по ходу строительства, которое тянулось долго, мы поменяли концепцию, может, и хорошо,

что оно долго строилось. Это теперь — открытое хранилище, можно войти группами, уже сейчас билеты продаются, приказ уже я подписал (хотя не все ещё переехали), можно войти и увидеть, например, все кареты Эрмитажа, они все стоят, реставрированные, нереставрированные, пожалуйста, все можно увидеть. Посередине будет стоять ещё большой паук работы великого скульптора Луиз Буржуа, он у нас на временном хранении. Можно будет увидеть всю мебель Эрмитажа, большой зал, стеклянный коридор, по которому идут люди, поближе мебель в хорошем состоянии, подальше — похуже. Можно увидеть всю живопись русского отдела и западного, так называемых фондов «Б», которые мы сейчас выставлять не предполагаем: скульптура, гобелены, у нас есть потрясающая вещь — это замечательная турецкая палатка, которую подарил султан Селим III Екатерине II. Никогда никакой надежды её показать не было, даже если часть на стенку повесить. Сейчас у нас там есть место, и там стоит эта палатка, раскрытая, туда можно зайти, посидеть, постоять и т. д. Это — очень важный момент, это фондохранилище — наша гордость и моя как директора, всё-таки мы достроили первые шесть этажей, потому что можно найти деньги на реставрацию античных залов, можно найти деньги на реставрацию картин, но никто, кроме государства, не даст деньги на склад.

Арка Главного штаба, это — площадь, и следующий слайд сразу, это то, что мы собираемся сделать внутри. Понятно, что здание великого Росси никто трогать не может, не собирается. Никто нам это и не даст, но есть дворы. Предполагается использовать дворовое пространство с тем, чтобы встроить там, где сейчас перемишки, большие высокие световые залы, примерно, как у нас есть такие большие просветы в Эрмитаже, а между ними пространство всё перекрыть стеклом, пространства, где будет нечто вроде садов, как висячие сады, как висячий сад в Зимнем Дворце. Таким образом, сделать это официальное здание немножко напоминающим Эрмитаж с анфиладой больших залов, что характерно для Эрмитажа, и садиками. Правда, садики становятся всё меньше и меньше, пока идёт работа архитекторов, сначала было всё красиво, но уж больно свободное распоряжение пространством. Теперь, когда мы начинаем обсуждать, а что же здесь будет, садики исчезают. А будет здесь искусство XIX и XX века, сюда переедут импрессионисты, пост-

импрессионисты, здесь, возможно (это мы ещё будем обсуждать), будет выставлено искусство XIX века всех стран мира. Эрмитаж — это музей, который может себе такое позволить, у нас есть коллекции искусства и Бельгии, и Швейцарии, и Китая, и Персии, и Финляндии, и Норвегии, и т. д., один только вопрос, не будет ли это скучно, когда рядом висят Пикассо и Матисс. Пока мы ещё играем в такие «игрушки», расставляем, представляем, что и как будет — то есть будет коллекция XX века; начало XX века у нас есть, дальше у нас ничего нет, есть отдельные подарки, но очень мало, хотя у нас есть три главные картины XX века, я считаю, — это «Чёрный квадрат» Малевича, «Танец» Матисса и «Композиция номер 6» Кандинского — так что весь XX век определяется.

Но вторую половину мы собираемся делать так, чтобы получать вещи на долговременное хранение, например, сейчас у нас выставка в Главном штабе — пять картин Жоржа Руо, они были отправлены из Центра Помпиду на год, и уже была новая радость, они позвонили и спросили: «Что следующее Вы хотите получить от нас ещё на год?». Мы будем делать долговременные выставки искусства XX века, мы будем делать выставки такие меняющиеся дальше, и есть всякие разные придумки. Вплоть до того, что Роберт Раушенберг обещал свои вещи надолго, не навсегда, но надолго, чтобы была его комната, надо довести только это до конца. Илья Кабаков уже подарил две свои инсталляции, замечательные инсталляции. Я надеюсь, что, может, мы найдём хороших американских коллекционеров, которые захотят нам американское искусство подарить XX века, его в Европе мало, и т. п. Дальше, пожалуйста.

Это нужно читать: «Государственный Эрмитаж, Главный штаб». Эрмитаж — консервативный, на самом деле, музей, хотя инсталляции Кабакова принимаем. Это традиционные таблички Эрмитажа, мраморные, написанные золотом, постепенно вешаются на разные здания в Петербурге, обозначая Государственный Эрмитаж. Дальше, пожалуйста.

Это — для завершения. В Эрмитаже работают замечательные люди — все замечательные: директор замечательный, дирекция замечательная, смотрители замечательные, научные сотрудники, но, конечно, великая вещь — это наши реставраторы.

Это — те наши реставраторы, которые реставрировали «Даню». Две вещи очень важны для Эрмитажа: во-первых, это

трагическая история с «Данаей», когда, теперь уже 15 лет назад, сумасшедший напал на нее с ножом, залил кислотой. Картина, казалось, вообще погибла, она действительно частично погибла, никто не может дописать за Рембранта то, что сняла кислота. Ребята её тщательно реставрировали так, чтобы сохранить, чтобы дальше ничего не происходило, старались, ничего не дописывая, тонировать так, чтобы общая картина возникала, но чтобы при этом не возникало никакого «новодела». Труднейшая работа, делать можно было только при дневном свете, ребята это сделали и вовремя остановились, здесь уже понадобилось общественное мнение и мнение администрации, всё, стоп. Сделали прекрасную выставку, издали все материалы и признали нормальную, хорошую реставрацию.

Ножом он бил сюда. Вот здесь на картине было тонкое нежное покрывало, кислота его сожгла, оно погибло, но теперь видно то, что Рембрант написал сначала, предварительно, а потом сверху «закрыв» покрывалом. Покрывала теперь нет, это характерный признак того, чего не стало, что ушло. Драгоценности на руке менее яркие, но, во-первых, всё равно это Рембрант, археологам всем это понятно, что можно, глядя на кусок, представить всё, иногда и даже лучше, значит, всё равно великий Рембрант остаётся. Что интересно — что когда весь центр поплёк, то совершенно по-другому заиграло всё вокруг, золотые украшения кровати, старуха, оттуда выходящая, амурчик, всё это всегда было, все знали, но всегда это не очень воспринималось — всё внимание было центру, центр был совершенно фантастический. Так что вот такие случайные вещи происходят иногда и в результате трагедии.

Трагедия очень многому научила. Наверное, Рембрант особо вызывает страсть маньяков. Когда у нас случилась трагедия, наши реставраторы ездили в Мюнхен смотреть, там были картины Рембранта и Рубенса, залитые кислотой. Вообще маньяков много, не только у нас. Тот, который облил картину Рубенса в Мюнхене, его посадили, потом его отпустили за хорошее поведение, при этом никто не удосужился позвонить в музей, сказать: «Вы знаете, его отпустили», он приехал в Мюнхен и кислотой опять облил пару картин. Значит, нужно быть осторожными. Когда мы делали выставку (а этот человек был литовец), Литва уже была независимым государством, тем не менее, мы через консульство, очень осторожно, связались с полицией, что-

бы выяснить, где он находится. Оказалось, что он был выпущен, живёт в закрытом санатории, он потерял почти зрение. Бог наказал. При этом всё равно нам обещали присмотреть, чтобы он никуда не выехал, тем более, что он, конечно, всё узнал, приехали журналисты в большом количестве. Когда я рассказал этот эпизод семье Буш, людям очень религиозным, то они сразу все поняли — «Бог покарал».

Вторая часть — это тоже как бы «урок», это Эрмитаж и Эрмитажная реставрация. Говорили, что будем в Эрмитаже кое-какие вещи из Старой Ладogi реставрировать. В Эрмитаже практически всё, что у нас есть, мы реставрируем только сами. Один раз повезли шпалеру реставрировать в Бельгию, самое лучшее место, у нас большую шпалеру реставрировать никак невозможно. А так всё в Эрмитаже — руками эрмитажных реставраторов. Есть особая школа реставрации, которой мы тоже очень гордимся. У неё есть традиции, они разные, некоторыми мы не очень гордимся. Когда-то в XIX веке почти все картины, которые были написаны на дереве, перенесли на холст. Это, в общем, не самая лучшая практика, хотя в наших условиях они бы на дереве погибли, тогда их бы не было, но в XIX веке это казалось таким большим достижением. Лучше бы этого было не делать, но что сделано, то сделано. Но чем мы действительно гордимся, так это тем, что наши реставраторы всегда традиционно чистят картины до последнего лака и не снимают его. Это очень консервативная реставрация, которой не понимают часто люди, привыкшие к некоторым западным музеям и к кино. Кино, вообще, это жуткая вещь, потому что когда люди смотрят дворцы в кино, им подавай «дворец как в кино», «что это там угол отбит?» Когда приходит герцог Эдинбургский, у которого есть дворец, он понимает, что у дворца угол может быть отбит, так как дворец живёт. Так же и картины, в кино всё такое яркое, красивое, как будто художник только что написал. Такая традиция у реставраторов в Европе есть, там не одна коллекция попорчена и даже загублена. Эрмитажная реставрация — очень консервативная реставрация, у нас всегда картины почти все тёмные, мне говорят: «Что это у Вас так всё темно? Почистили бы что ли, не знаете, разве, как?» Знаем. Но чистить слишком не надо, это может доходить только до последнего лака, а последний лак, он же первый лак, содержит те нюансы, которые легко счистить, и тогда Вы получите уже не то, что делал ху-

дожник, который всегда знал, что картина будет жить много лет, значит, она не будет такой, как он её сейчас написал. А Вы получите что-то другое. Так что вот это ещё одна особенность Эрмитажа.

Как я уже сказал, наша задача делать коллекции доступными. И среди способов сделать наши коллекции доступными — выставки многочисленные в мире. На той неделе (мы в июне никуда не ездим, поэтому все выставки, в основном, идут в июле), мы открыли в течение одной недели выставку «Императорский Петербург» в Монте-Карло, выставку «Эрмитаж Екатерины» в Токио, выставку трёх музеев «В поисках удовольствия» в Лас-Вегасе, выставку Маплторпа в Берлине, это знаменитый скандальный фотограф, лучший фотограф XX века, показанный вместе с гравюрами голландских маньеристов из Эрмитажа, и выставку «Частная жизнь в европейском искусстве» в Кемерово. У нас есть выставочные филиалы Эрмитажа — в Амстердаме, Лондоне и Лас-Вегасе, будем открывать в Казани, каждые шесть месяцев там меняются выставки. Сейчас у нас в Лондоне выставка, сделанная совместно с одним лондонским коллекционером, посвященная мусульманскому искусству. Получилось, что эта выставка должна была открыться накануне Иракской войны, но англичане немножко испугались, но потом мы всё-таки настояли и сделали. Вчера я получил письмо о том, что на выставку два дня назад приходил Клинтон, ему так понравилось, что он уже прислал эмиссаров с просьбой всю эту выставку показать в день инаугурации нового президента в его выставочном центре — надо решить, как это сделать. Так что надо делиться своими коллекциями.

В мире сейчас уже все коллекции собраны и никто не может создать коллекцию большую, даже новую. Например, музей Гетти в Калифорнии. У них безумное количество денег, они замечательно покупают, но создать коллекцию классического искусства XVIII—XIX века европейского уровня не получается, их просто нет на рынке, поэтому коллекциями надо делиться, обмениваться, соединять их вместе.

Ещё один способ делать коллекции доступными — это наши современные методы, это интернет. У нас есть замечательный сайт, я уже похвастался с самого начала, причём для него IBM придумала много разных штучек, там есть цифровая библиотека. Они часто приводят своих партнёров, мы им рассказываем

об Эрмитаже, водим, а потом рассказываем о проекте «Эрмитаж», только сначала показываем на слайдах что и как, дальше есть такая штучка — говорим: «Этот приём может быть использован ...» и говорится, где именно, как клиенты его могут использовать.

Мы с ними вместе создали магазин электронный Эрмитажный, как ни странно, он существует, он доставляет в течение двух дней в любую точку мира лучшую музейную продукцию, и он не терпит убытков, он, конечно, не приносит доходов, но и убытков тоже, что для электронной коммерции очень хорошо. Мы сейчас сделали магазин в Эрмитаже, у нас всегда с этим были проблемы — в Эрмитаже, в Зимнем Дворце. Меня всегда мучило — во всех музеях магазины получаются хорошие, все зарабатывают деньги, всё красиво, мы то же делаем — не получается. Сами делали, одна фирма, другая, дизайн, вкладываем деньги, не вкладываем, консультанты иностранные — не получается. Не получается, так не получается. Я махнул рукой, не принимает Зимний Дворец вот эту торговлю, видно, в других зданиях надо организовывать. Потом придумали трюк — когда мы создали магазин в интернете, виртуальный, мы решили: «А что, если мы откроем витрину электронного магазина?» Не магазин, сам магазин вон там, а это — его витрина. Открыли. Отлично работает. Получилось: дизайн получился, люди ходят, доходы идут, а самое главное — не выглядит нарочито. Написали: «Электронный магазин Эрмитажа», и как-то всё сразу стало на место. Вот такой мистики в Эрмитаже очень много. Меня спрашивают: «Привидения в Эрмитаже есть?» Нет, просто все прежние обитатели Зимнего Дворца они все здесь, мы с ними по-деловому общаемся, это чувствуется всеми.

Последнее, что я хотел показать, совсем свежее. Вчера я давал большое интервью газете «Аргументы и факты», у нас есть такая самая «снобистская газета», они откликнулись на нашу инициативу так гневно, мол, Эрмитаж опошляет мировое искусство.

Дело в том, что мы договорились с телефонной компанией, что даём разрешение, примерно, 20 картинок из коллекций Эрмитажа использовать для мобильных телефонов (в качестве заставки, фона), человек может заказать и сделать себе на мобильном телефоне картинку из коллекций Эрмитажа — прикладное искусство, виды Эрмитажа и т. д. Понятно, сначала мы

колебались, а организаторы очень меня убеждали: «Вы знаете, это ещё никто никогда не делал». Я вообще-то не поверил — потому что это значит «никто никогда не делал»? Подумаешь, картинки, картинки и есть, что никто не додумывался, что можно картинки из музея взять? Оказывается — да. Мы договорились, сделали картинки из Эрмитажных коллекций, выбрано то, что можно держать в руках, распятие мы, конечно, убрали. Убрали те вещи, за которые надо платить или получать разрешение у семьи художника, всё остальное есть. У меня они все есть (на телефоне), можно посмотреть, как они будут возникать, можно их распределить, одну выделить, постоянный такой фон будет, и т. д. Правда, я ещё не освоил. Можно заказывать в интернете.

Самое замечательное это следующее. Я, конечно, не поверил, что это впервые. Да, интересно, заключили договор, провели пресс-конференцию, и зрителю интересно, потому что я считаю, что при том безобразии, которое развели в интернете, и той пошлости, которая есть, так надо не кричать, что плохо, а показывать, что хорошо. Это лучше, чем что-нибудь другое. Точно так же, как сайты музеев в интернете не просто про музей рассказывают, они дают альтернативу всей той гадости, которая там в интернете развелась. Но оказалось, что все организаторы были правы, это действительно впервые. Я на следующий день утром читаю в интернете «New York Times» (обычно я с этого начинаю, в интернете ведь самые свежие сведения, газеты когда ещё напечатают), и вдруг я читаю прямо на следующее утро «New York Times» напечатала сообщение о том, что вот такую штуку придумали в России, которую никто никогда не делал, вот какое интересное событие, что даже в Нью-Йорке прочитали. Так что вот мы даже вышли вперед и пытаемся использовать новые технологии.

Понятно, «Аргументы и факты», очень «снобистская газета», возмущалась: «Как можно так профанировать искусство, чтобы взять и показывать картинки из Эрмитажа на мобильных телефонах?!» Единственное, что я мог ответить, что уж не «Аргументам и фактам» задавать такие вопросы, но потом дал интервью с разъяснениями.

Это тоже характерно для Эрмитажа. Мы — очень агрессивное учреждение, это завещала нам Екатерина Великая. Она агрессивно покупала картины, мы не можем агрессивно покупать коллекции, потому что денег нет, но мы агрессивно открыты,

стараемся навязывать свои вкусы, свои мнения, и думаем, что это неплохо, во всяком случае точно соответствует традициям 200-летней давности.

Спасибо!

В конце я хочу Вас поздравить с замечательным сезоном, потому что я имел уже удовольствие видеть, что Вы накопили, Ваши находки. И с тем, что Вам удалось привезти Президента на раскопки, во-первых, поздравляю, а во-вторых, большое спасибо от всех гуманитариев, потому что уж мы все с этого соберём все дивиденды, какие только можно.

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ В РОССИИ

Двуглавый орел относится к легендарным гербовым фигурам. Он занимает заметное место среди древнейших символов и геральдических знаков. Орел — символ небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия. Образ двуглавого орла — отражение характерной симметричной структуры многих символов в государствах Древнего Востока. Древнейшее изображение двуглавого орла с распростертыми крыльями, опирающегося на двух кроликов (?), датируется XIII веком до н. э. Оно было обнаружено на каменном рельефе в Алача-Эюке в Малой Азии и связывают его с государством хеттов. Позже изображения двуглавого орла встречаются в различных культурно-исторических регионах. На Востоке эта традиция поддерживалась в государстве Сасанидов в VI веке, в арабском мире — с XII по XIV век.

Появление в Европе двуглавого орла как геральдического знака обычно связывают с Крестовыми походами. Наиболее раннее из известных в Западной Европе изображений двуглавого орла датируется 1180 годом и помещено на печати графа Людвиг фон Сарвердена. В 1138—1254 годах двуглавого орла использует династия Гогенштауфенов — императоров и королей Священной Римской империи; на золотых монетах Фридриха I Барбароссы встречается двуглавый орел; черный двуглавый орел без короны на золотом поле щита изображен в сочинении Мэтью Парижского «История Англии» (1250—1259) в качестве герба императора Священной Римской империи Фридриха II; сицилийские короли изображали на своем гербе двуглавого орла в 1197—1268 годах.

Как государственная эмблема Священной Римской империи двуглавый орел был принят в 1434 году при императоре Сигизмунде или незадолго до него. Орел изображался черным на золотом щите, с золотыми же клювами и когтями, головы окружались нимбами. Лишь в Новое время его увенчали коронами, скипетр и государственный меч поместили в правую лапу, а державу — в левую.

В Византии двуглавый орел как государственный знак упоминают начиная с первой половины XIV века. Правда, существуют памятники более раннего времени с изображением двуглавого орла. Но у нас нет точных данных для того, чтобы относить их к декоративным, символическим изображениям или к геральдическим знакам.

Геральдисты XVII века ошибочно относили появление двуглавого орла в Римской империи ко времени Юлия Цезаря. Существовало предание, что однажды, во время въезда Цезаря в Рим, к ногам полководца упали два коршуна, убитые парившим над ним орлом. Одержав очередную победу, Цезарь, якобы, вспомнил о том случае и принял изображение двуглавого орла в качестве своей эмблемы. Однако это лишь легенда. Бытует также мнение, что император Константин Великий после основания Константинополя (IV век) стал использовать изображение двуглавого орла, чтобы показать, что империя, хотя и разделившаяся, тем не менее составляет одно целое.

В Византии двуглавого орла изображали на каменных рельефах и росписях Константинопольского дворца, шелковых пурпурных тканях и памятниках прикладного искусства. По свидетельству византийского историка Георгия Акрополита (1217—1282), золотыми орлами украшали не только одежду, но и обувь императоров и придворных. Такой орнамент называли «царскими орлами». Тело последнего византийского императора Константина XI Палеолога, погибшего при защите Константинополя в 1453 г., турки опознали лишь по золотым орлам на сапогах.

Под влиянием Византии двуглавый орел фигурировал в качестве символа государственности и независимости в Болгарии, Сербии, Черногории, Албании, Румынии.

С конца XIV века изображение двуглавого орла в Византии все чаще используется на различных государственных регалиях. Потомки греческих владетельных фамилий Комнинов, Палеологов, Кантакузинов, чьи предки занимали византийский престол, сохранили в своих гербах изображения двуглавого орла и святого Георгия. На красном шелковом знамени императора Андроника II Старшего Палеолога был изображен золотой двуглавый орел под двумя коронами. Под его лапами два круга с монограммами Андроник Палеолог, а между головами — круг с равноконечным крестом с расширяющимися концами и надпись: IC. XC. NI. KA.

В России двуглавый орел появился на великокняжеской печати Иоанна III Васильевича в 90-х годах XV века. Более ранние его изображения носили случайный характер и никак не связаны с государственной эмблематикой. Например, из Гнездовского кургана происходит бляшка с изображением двуглавого орла, а из Осиповой пустыни — трехглавого (датируются X веком). XII—XIII веками датируется декоративная плитка с двуглавым орлом из Василева на Днестре (Северная Буковина). Был двуглавый орел и среди росписей Рождественского собора в Суздале.

На русских монетах двуглавый орел (или фантастическое животное, похожее на него) встречается на деньге конца XIV века, где вместо птичьих голов мы видим человеческие, вместо туловища — фигуру человека, и лишь крылья как у орла.

1497 годом датируется жалованная грамота — меновая и отводная (с указанием границ) Великого князя Иоанна III Волоцким князьям Федору и Ивану Борисовичам на волости Буйгород и Колпь. К грамоте привешена печать, на оборотной стороне которой помещено изображение двуглавого орла под двумя коронами (венцами).

Большинство ученых считает, что двуглавый орел «перелетел» на Русь вместе с Зоей (Софьей) Палеолог, племянницей последнего византийского императора, вышедшей в 1472 году замуж за Великого князя Иоанна III. Использование двуглавого орла на Руси как государственной эмблемы позволило говорить о преемственности византийской и русской традиций. В. Н. Татищев, которого называют «последним летописцем и первым историком» России, писал, что «Иоанн Великий по наследию своей княгини Софии, принцессы греческой, принял за государственный герб орел пластаный, с опущенными крылами и двумя коронами над головами, который и сын его употреблял». Публицист XVII века Ю. Крижанич считал российского двуглавого орла заимствованным из Европы, а не из Византии: «Царь Иван поступил нехорошо и неправильно... — писал он в запале политических страстей, — ...А знаковиной своей сделал орла двуглавого — римский или, скорее, немецкий герб».

В настоящее время имеется несколько версий происхождения двуглавого орла на печати Иоанна III. Они могут быть сгруппированы следующим образом: 1. Возникновение русской государственной печати вследствие женитьбы Иоанна III на Софье Палеолог, таким образом, заимствование ее печати из Византии

вместе с гербом — двуглавым орлом; 2. Результат знакомства Иоанна III с элементами оформления императорской власти в странах Западной Европы, в частности, благодаря его контактам с домом Габсбургов; 3. Повторение опыта южно-славянских государств, где наблюдалась византийская традиция оформления государственной власти.

Появление на русских печатях двуглавого орла служило одним из внешних выражений политической теории преемственности царской власти московскими князьями из Рима и Византии, подтверждением идеи Москвы — третьего Рима.

То, что двуглавый орел рассматривался как знаковый эквивалент верховной власти, подтверждается фактом использования этой эмблемы как Москвой, так и Тверью, боровшимися тогда за верховенство. Речь шла о наследовании «имперской власти» вообще. И, видимо, как акт политический, подтверждающий преемственность, следует рассматривать женитьбу Иоанна III на Софье Палеолог. В то же время в похвальном «слове», традиционно приписываемом инок Фоме, упоминалось о венчании «царским венцом» тверского «самодержца» Бориса Александровича, которого называли «вторым Константином», а на монетах его сына чеканен такой же двуглавый орел, что и на печати Иоанна III 1497 года (рис. 1). Использование двуглавого орла Москвой и Тверью следует объяснять не просто заимствованием, необходимо рассматривать это явление в ряду других внешних атрибутов борьбы за власть, за ведущую роль на Руси.



Рис 1. Печать Великого князя Иоанна III 1497 года

Отсутствие письменных источников о появлении двуглавого орла в качестве государственного символа Великого князя Московского породило разночтения в вопросе о первоначальном его цвете. Некоторые авторы считали его черным. Напомним, что черным был орел Священной Римской империи. В то же время герб Палеологов, как нами уже было показано, представлял собой золотого двуглавого орла на красном поле.

При Великом князе Василии Иоанновиче изменений в государственной геральдике не было, но в это время на золотых буллах (печатах) 1514 и 1517 годов впервые появился титул «царь». Возможно, это связано с тем, что обе буллы были приложены к грамотам: в первом случае — императору Максимилиану I, во втором — гроссмейстеру Тевтонского ордена Альбрехту маркграфу Бранденбургскому. Использованием титула «царь» Великий князь Василий Иоаннович хотел подчеркнуть свое равенство с иностранными государями. Любопытно отметить, что германцы переводили титул «царь» как *Empereurum*, как *Kaiser*. Эти две золотые буллы привешены на красно-золотых шнурках, что совпадает с традиционным цветовым сочетанием, которое использовали последние византийские императоры.

Время правления Иоанна IV Васильевича (Грозного), венчанного «на Российское царство», характеризуется усилением самодержавия, что нашло отражение в различных проявлениях его деятельности, а также в изменениях государственной печати.

В 1576 году было переведено на латынь родословие русских князей, в котором излагалась теория об их происхождении от Августа и Пруса. Впрочем, в зависимости от обстоятельств упор делался на ту или иную часть предания — либо на немецко-прусскую, либо на римскую. Последняя нашла отражение в записках иностранцев. «Русские хвалятся, — отмечал С. Герберштейн, — что эти братья (Рюрик, Синеус и Трувор. — Г. В.) происходили от римлян, от которых повел, как он (Василий III. — Г. В.) утверждает, свой род и нынешний московский государь». Я. Я. Стрейс упоминал о том, «что Иоанн Грозный "установил" свое происхождение от римских императоров, на что ясно указывает и слово царь, образованное от латинского Цезарь (*Caesar*). Об этом же говорит, в известной мере, и одинаковый герб с двойным или двуглавым орлом...». Ссылка на римское происхождение, по мнению Иоанна IV Васильевича, подтвер-

ждала право использования на государственной печати герба в виде двуглавого орла. Он отвечал шведскому королю Иоанну III: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас есть своя, от прародителей наших, а Римская печать нам не диво: мы от Августа кесаря родством ведемся». Начиная с 1539 года изменяется тип орла на печати Великого князя. Теперь он изображен с раскрытыми клювами и высунутыми языками, в геральдике такой тип называется «вооруженный орел». Малые государственные печати (двойные кормчие) были двух видов, их общее отличие от предыдущих состоит в том, что в легенду включен титул «Царь». На лицевой стороне печати 1569 года одного вида — двуглавый орел под двумя трехзубцовыми коронами, на оборотной стороне — единорог; на лицевой стороне другого — ездец, т. е. всадник с копьем, поражающий дракона, на оборотной стороне — двуглавый орел. На золотой булле 1562 года впервые ездец и единорог помещаются в щите на груди двуглавого орла, причем с 1563 года единорог изображается на лицевой стороне, а ездец — на оборотной. Упомянем еще и печать, приложенную к послушной грамоте 1566 года, где единорог находится на груди двуглавого орла. На печати 1577—1578 годов орла венчает одна пятизубцовая корона, здесь впервые вокруг двуглавого орла изображены двадцать четыре эмблемы земель, входивших в состав Российского государства. Позднее встречаются изображения двуглавого орла не только в сочетании с одним единорогом, но и в композиции с восстающими львом и единорогом. Начальнический прапор конца XVII века имеет в центре белое поле, в верхних углах которого личины, изображающие солнце и луну, между ними желтый двуглавый орел под короной, держащий в лапах символы власти: державу, скипетр и меч. Под этими изображениями на фоне растительного орнамента — восстающие лев и единорог. Следует отметить, что композиция, состоящая из коронованного двуглавого орла, по сторонам которого расположены солнце и луна (месяц), встречается на знамени, пожалованном в 1662 году царем Алексеем Михайловичем в Астрахань князю Григорию Черкасскому. Такое же знамя было пожаловано в 1675 году князю Булату Черкасскому.

Встречаются и знамена, на которых солнце и месяц помещены по сторонам креста на Голгофе; в качестве аналогии можно указать гравированный лист конца XVII—начала XVIII века «Распя-

тие с Богородицею», на котором солнце и луна изображены по сторонам креста с распятым Христом. Учитывая, что православный крест на знаменах обозначал русское православное государство, можно говорить об однозначности композиций с изображением солнца и луны по сторонам в одних случаях православного креста, в других — двуглавого орла.

В Оружейной палате Московского Кремля сохранились предметы дворцового быта с изображением двуглавого орла. Так, трон Иоанна IV Васильевича (Грозного) украшен резьбой по кости западноевропейской работы XVI века и дополнен отдельными деталями, сделанными русскими мастерами в XVII веке. Спинка декорирована изображениями двуглавого орла под тремя коронами, со скипетром и державой в лапах и восстающими единорогом и львом по сторонам. На передней луке «арчака» конца XVII века изображен двуглавый орел с единорогом и львом по сторонам, на задней — двуглавый орел с грифонами по сторонам.

В правления царя Федора Иоанновича и Бориса Годунова существенных изменений русского государственного герба не происходит. Можно указать лишь на то, что при первом — между голов орла появляется православный крест на Голгофе (с орудиями страстей по сторонам) и не используется единорог (на обеих сторонах печати на груди орла щит с ездцом), а при втором — на золотой печати 1602 года на оборотной стороне на груди орла опять появляется единорог. Крест на государственной печати являлся символом православия и должен был давать религиозную окраску гербу государства. В XVIII веке православный крест широко использовался на русских знаменах. На знаменах иноземных полков, имевших свои эмблемы и надписи, православный крест указывал на то, что они служат русскому государю.

Среди изображений русского герба времени Лжедмитрия определенным интересом представляет печать, приложенная к «Записи» от 25 мая 1604 года сендомирскому воеводе Юрию Мнишеку, где ему обещается выдать, по вступлении Дмитрия на престол, миллион польских злотых, а после бракосочетания с его дочерью Мариной предоставить ей «в вечное владение государства Новгородское и Псковское, с разрешением свободного там богослужения по католическому исповеданию». На этой печати орел впервые изображен с поднятыми крыльями, под

тремя коронами. В связи с тем, что ездец на груди орла повернут в соответствии с западноевропейскими геральдическими правилами, можно предположить, что печать была изготовлена в Польше. Время Смуты не оставило заметного следа в развитии русской государственной геральдики. Повторялись уже известные типы основных геральдических фигур без особых изменений. Самое же раннее изображение орла с символами власти относится к 1616 году. Оно украшает две круглые бляхи зеркала, сделанного мастером Андреем Тиерманом по указанию кравчего Михаила Саблукова для царя Михаила Федоровича.

До середины XVII века продолжается широкое использование печати, на которой двуглавый орел коронован двумя коронами, а между головами орла поднимается православный восьмиконечный крест, то есть сохраняется тип изображения со второй половины XVI века. Отсутствуют лишь надписи по сторонам креста.

В царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича происходит целый ряд существенных изменений в изображении государственного герба.

В 1625 году на так называемой «Орловской воротной» печати впервые двуглавый орел изображается коронованным тремя коронами. Появление третьей короны зафиксировано следующим текстом: «От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси в Сибирь в Туринский острог воеводе нашему Ивану Ивановичу Баклановскому ... по нашему указу сделана наша печать новая, больше прежняя, для того, что на прежней печати наше Государское титуло описано было неполна; а ныне перед прежнюю печатью прибавлено на печати в подписи, в нашем Государском именованьи: Самодержец, а что у прежней нашей печати были промеж глав Орловых слова, а ныне у новых наших печати слов нет, а над главами у орла коруна». Четверть века такое изображение использовалось на малой печати (двойной кормчей).

Изменения царского титула в 1645, 1655, 1667 годах, связанные с успехами или неудачами внешней политики России, влекли за собой изменения государственной геральдики.

Первая Большая государственная печать, на которой двуглавый орел с ездцом на груди коронован тремя коронами, датируется 1645 годом. Начиная с этого времени постоянно использовался именно такой тип изображения. Не исключено, что

печати с орлом под тремя коронами могли быть вырезаны либо иноземцем Исааком Богданом, гравировавшим печать в 1656 году, либо Гомулином Андреем, выполнявшим заказы Михаила Федоровича в 1642 году и Алексея Михайловича в 1664 году, когда он изготовил «две Государевы печати с большими титлами».

Толкование российского герба впервые встречается в стихах «Славянской Библии», изданной в 1663 году:

Тремя венцами орел восточный сияет,
Веру, надежду, любовь к богу являет,
Криле простер, объемлет все мира конца,
Север, юг, от востока аж до запада солнца
Простертыми крылами добре покрывает...

Впоследствии исследователи XIX—начала XX века давали свои объяснения символики двуглавого орла. По мнению П. Винклера, он служил эмблемой нераздельности Европейской и Азиатской России. Три короны символизировали Святую Троицу или три царства (Казанское, Астраханское и Сибирское).

К жалованной грамоте царя Алексея Михайловича Богдану Хмельницкому и его потомкам на город Гадяч от 27 марта 1654 года приложена печать, на которой впервые двуглавый орел под тремя коронами изображен с символами власти: скипетром и державой в лапах. Впоследствии этот тип печатей использовался Малороссийским приказом.

В 1654 году кованный двуглавый орел был установлен на шпиле Спасской башни Московского Кремля, а в 1688 — на Троицкой или Боровицкой башнях.

В отличие от византийского образца и, возможно, под влиянием герба Священной Римской империи двуглавый орел, начиная с 1654 года, изображается с поднятыми крыльями. В 1667 году, для скрепления Андрусовского договора с Польшей, по рисунку Г. А. Благушина была сделана Большая печать с изображением на ней государственного герба. На ней орел изображен под тремя коронами, со скипетром и державой в лапах.

Указ «О титуле царском и о государственной печати» от 14 декабря 1667 года содержал официальное описание герба: «Орел двоеглавый есть герб державный Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, Его царского Величества Российского царствия, на котором три коруны изображены зна-

менующие три великие Казанское, Астраханское, Сибирское славныя царства, покоряющиеся Богом хранимому и высочайшей Его Царского Величества милостивейшаго Государя державе и повелению... на персях изображение наследника; в пазноктях [когтях, — Г. В.] скипетр и яблоко, и являет милостивейшаго Государя, Его Царского Величества Самодержца и Обладателя».

В эти же годы создаются знамена с изображением государственных эмблем. В 1666 году живописец Станислав Лопуцкий расписал царю знамя с четырнадцатью печатями разных государств. В 1669 году он же написал для Коломенского дворца «на полотне герб Московского государства и иных окрестных государств гербы или клеймы, а под всяким гербом планиты, под которым каковы».

К этому же времени относится панегирическое сочинение Симеона Полоцкого «Орел Российский». В нем помещен рисунок двуглавого орла под тремя коронами, со скипетром и мечом в лапах, с ездцом, имеющим портретное сходство с Алексеем Михайловичем, на груди. К нему относится надпись: «...орел черный телом таит внутри белизну... скипетр в деснице Орла российский знаменует благодать; меч же царский — на злых людей. Дий посылает скипетр, а Арей меч».

При царе Алексее Михайловиче геральдика в России получила официальное признание и развитие. В 1672 году в Посольском приказе по приказу царя Алексея Михайловича была изготовлена лицевая рукопись под названием «Большая государева книга или корень российских государей». Обычно ее называют «Титулярник». «Титулярник» использовали в качестве дипломатического справочника. Видимо этим и объясняется то, что кроме главного экземпляра (хранится в РГАДА), были изготовлены еще две копии (хранятся в Российской Национальной библиотеке и Государственном Эрмитаже). Наряду с текстами в этой книге находятся портреты русских великих князей и царей, портреты иностранных государей. «Титулярник» 1672 года неслучайно называют первым русским гербовником. В нем помещены 33 изображения гербов царств, княжеств и земель, названия которых входили в титул русского царя. Среди них есть и изображение золотистого двуглавого орла под тремя коронами, со скипетром и державой, оно сопровождается надписью «Московский», то есть «Герб московский» (рис. 2). Кроме того, в нем изображено 13 гербов иностранных государств.

Московское правительство решило подчинить изображение русского герба, в том числе и на государственных печатях, геральдическим правилам. С этой целью около 1673 года в Москву по просьбе царя император Леопольд I прислал своего герольдмейстера, славянина Лаврентия Хурелича (Курелича). Лаврентием Хуреличем в 1673 году было написано сочинение «Родословие Пресвятлейших и Вельможнейших великих московских князей и прочая...». В Москву «Родословие» было послано самим автором через

Павла Менезия в 1674 году из Вены, что было зафиксировано в документах Посольского приказа. Кроме собственно родословной русских государей, от Владимира Святославича до Алексея Михайловича, и описания родственных отношений царя с девятью королями других стран, в работе Хурелича помещены портреты великих князей и царей. Портрет великого князя Владимира Святославича окружен русскими и иностранными гербами. Согласно царскому указу от 1 августа 1675 года: «И написав тое книгу добрым уставным письмом с золотом и с его великого государя персоною из заставицы и короны во всем против той латинской книги».

Перевод «Родословия» Хурелича был поручен переводчику Посольского приказа Николаю Скафариию и подъячому Петру Домову, которые в 1672 году составили текст «Титулярника», первого русского гербовника.

Возвращаясь к «Родословию...», надо отметить, что оно точно показывало цвета и фигуры русского герба в то время. Если в латинском варианте двуглавый орел изображен черным на золотом поле, а нарисованный отдельно всадник повернут налево от зрителя (в соответствии с западноевропейскими геральдическими правилами), то в русском варианте «Родословия...» двуглавого орла изобразили золотым на красном поле, а всадника повернули в соответствии с российской традицией направо от зрителя.



Рис. 2. Герб московский.
«Большая государева книга или
корень российских государей»,
1672 год

С 1672 по 1675 год в Посольском приказе было создано еще несколько книг «в лицах», объединенных единой тематикой, возвеличивающих царскую власть, обосновывающих ее незыблемость, проводящих идею извечности и «сродства» с правителями других европейских держав.

Так к началу XVIII века сложился основной вариант русского Государственного герба. Однако одновременно с двуглавым орлом под тремя коронами, со скипетром и державой в лапах и ездцом на груди на различных регалиях встречались и другие эмблемы. Следующий этап истории России, связанный с эпохой Петровских преобразований, нашел отражение в определенных изменениях и дополнениях в русской государственной геральдике.

Нововведением молодого царя Петра было помещение на груди орла портретов царя. В Эрмитаже хранится стрелецкое полковое знамя 1695 года, уникальное как своими размерами (410 x 370), так и многофигурными композициями. На одной стороне представлена сцена Страшного Суда, на другой — двуглавый орел, на груди которого в круглом щите помещены изображения восседающих рядом на двух тронах царей Иоанна и Петра Алексеевичей. На крыльях орла изображены: «ст. страстотерпец Борис, вел. кнзь Алекс...р...кий, Вел кнз Всеволод, ст. мч. димитрии цревеч, Црь и вел кнз иоан, Црь и вел кнзь Алекси Михайловича» — на одном; и «ст. страстот. Глеб, вел кнзь домонт, Блговер, кнзь Михаил чернегов... Вел кнзь ярослав, Црь и вел кнзь Феодор Алексеевич, Црь и вел кнзь Михайлов» — на другом. Аналогично изображение на «знамени» Софьи Алексеевны с портретом правительницы на груди орла, датируемое 1680-ми годами. Подобное изображение Софьи в «орлех» было награвировано в 1689 году украинским гравером Тарасовичем. Вероятно, описанные выше портреты царей Иоанна, Петра и правительницы Софьи в сочетании с Государственным гербом — двуглавым орлом имели большую идеологическую нагрузку, являясь отражением острой политической борьбы за власть. К этой группе памятников можно отнести и знамя, хранящееся в Стокгольме. Вероятно, оно принадлежало псковским стрельцам. На голубом полотнище изображен двуглавый орел под короной со скипетром и державой в лапах, на груди в овале образ святого князя Довмонта Псковского.

Бесспорно, эти изображения продолжают традицию русской государственной геральдики, для которой характерно сочетание орла и ездца.

К концу XVII—началу XVIII века относится целый ряд про-
странных композиций с изображением двуглавого орла в соче-
тании с родословным деревом великих князей и царей России.
Можно упомянуть фреску в Ильинской церкви в Ярославле.
Еще при царе Михаиле Федоровиче в полки иноземного строя,
состоявшие из русских под начальством офицеров-иностранцев,
давались полковые знамена, на которых «изображался вместо
образа орел», последнему иностранцы стали придавать значе-
ние русского Государственного герба. Таким образом, нанесе-
ние на знамя орла являлось признанием того, что полковник на-
чальствует над войсками, состоящими на службе у русского
царя. В клейме (середине) орла обыкновенно писался «Госуда-
рев образ на коне».

Именно к этому типу знамен относятся два памятника из
собрания Эрмитажа, продолжающие ряд знамен конца XVII века
с портретными изображениями и открывающие следующую
страницу истории становления самодержавия в России. После
смерти Иоанна Алексеевича в 1696 году Петр Алексеевич ста-
новится единодержавным властелином государства и, скорее
всего, именно к этому времени можно отнести «полковничье»
знамя солдатского полка, на котором изображен двуглавый орел
с ездцом, имеющим сходство с Петром. На то, что это дей-
ствительно изображение царя, указывает и надпись вокруг орла.
Над головами орла буквы: *БМГД* (Божею милостию поспеше-
ствующий державнейший); у правой головы — *В*, у левой — *Г*
(великий государь); под правой головой — *Ц*, под левой голо-
вой — *И*, ниже — *ВК* (царь и великий князь); на щитке справа от
головы Петра — *П*, слева — *А* (Петр Алексеевич); под крыльями
орла — *ВВ* (всея великая). Буквы окончания царского титула
(Малые и Белые России Самодержец) не сохранились.

Но если на этом знамени все-таки используется традици-
онное изображение ездца, то на знамени, датированном 1700 го-
дом, на груди орла всадник с мечом в руке имеет очевидное
портретное сходство с Петром. Фрагмент подобного знамени
хранится в Эрмитаже; в Стокгольме, среди нарвских трофеев
имеется аналогичное. Согласно шведскому толкованию, на нем
изображен царь Петр I.

Следует упомянуть и Тобольское знамя, точно не датиро-
ванное, из собрания Оружейной палаты. На нем изображен дву-
главый орел, на груди которого клейма, на одной стороне

с портретом Петра I, а на другой — с образом Святого апостола Петра. Вероятно, это знамя можно датировать 1696—1700 годами.

Позднее все чаще встречаются портреты государя на груди орла, то есть имеет место не просто персонификация образа ездца, но в связи с развитием абсолютизма, утверждением культа конкретного государя, происходит замещение прежнего абстрактного образа государя. Так, к 1708 году относится конюшня — программа — Киево-Могилянской академии, посвященная Б. П. Шереметеву. На ней в центре наверху изображен двуглавый орел под тремя коронами, с ветвью в одной лапе и с державой — в другой, а на груди в овале портрет Петра (тип Кнеллера).

Очевидно, двуглавого орла воспринимали и как символ государства, и как символ государя. Не случайно на гравюре Марии де Вильде (Maria de Wilde, 1682—?), посвященной посещению во время Великого посольства 13 декабря 1697 года царем Петром музея Якоба де Вильде, для обозначения фигуры царя использовано изображение двуглавого орла под тремя коронами со скипетром и державой в лапах.

В конце 1690-х годов в государственную геральдику России вошла новая эмблема — Андреевский крест. В геральдике Андреевским крестом называется косой крест, имеющий форму «X». Считается, что Святой апостол Андрей Первозванный был распят римлянами на кресте именно такой формы. Почему Петр I выбрал именно этот геральдический знак? Существует основная версия, в соответствии с которой выбор Петра I связан с тем, что Святого апостола Андрея почитали как небесного покровителя России. Согласно древнейшей русской летописи «Повести временных лет» по дороге в Рим Святой апостол Андрей Первозванный посетил земли, на которых позднее образовалось русское государство. На высоком холме на берегу Днепра он установил крест и предсказал, что здесь будет великий город. На этом месте впоследствии был основан Киев. На берегу реки Волхов он установил свой посох и также предсказал появление здесь города, т. е. Новгорода. Вот как об этом сказано в летописи: «А Днепр впадает устьем в Понтийское море. Это море слывет Русским, — по берегам его учил, как говорят, Святой Андрей, брат Петра. Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, он узнал, что недалеко от Корсуни — устье Днепра,

и захотел отправиться в Рим. И проплыл в устье Днепровское и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: "Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет великий город и воздвигнет Бог много Церквей!" И взошел на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются, и хлещутся, и удивился им».

Култ Святого апостола Андрея Первозванного был распространен на Руси с XI века. Можно вспомнить и Андреевскую церковь в Киеве, заложенную великим князем Всеволодом Ярославовичем в 1086 году, и Переяславскую Андреевскую церковь, и широкое использование имени Андрей в том числе в русских княжеских домах: князя Андрей Ярославович (брат Александра Невского), Андрей Боголюбский и т. д.

Однако до Петровского времени символика святого апостола Андрея Первозванного не входила в государственную символику Руси, его образ не встречается на военных знаменах. Лишь с конца XVII века Андреевский крест прочно занимает свое место в государственной геральдике России. И очевидно, что это было связано не только с вышеупомянутой легендой, но и с тем обстоятельством, что царь Петр рассматривал святого апостола Андрея Первозванного в качестве своего патрона наряду с апостолами Петром и Павлом. Именно этим можно объяснить то, что Петр I использует Андреевский крест в качестве личной эмблемы и на знаменах, и на морских флагах. Специально отметим те случаи, когда особенно ярко проявилось замещение образа самого царя Петра эмблемой Святого апостола Андрея.

После победоносного второго Азовского похода 1696 г. Петр I учреждает орден Святого апостола Андрея Первозванного. Однако точная дата учреждения ордена неизвестна. В приходо-расходных книгах Великого Посольства за 1697 год упомянуто об изготовлении кавалерского знака для второго посла Федора Головина. По традиции он считается первым кавалером Андреевского ордена. Но как выглядел этот знак — в документах не сказано. Наиболее раннее изображение знака ордена

Святого Андрея Первозванного помещено на пробной полтине 1699 года: цепь со знаком окружает двуглавого орла. Уже в следующем году Андреевский орден размещают на самом орле. Надо отметить большое разнообразие в сочетании различных символов в эмблеме государственного герба России. К сожалению, не сохранилось целиком полотнище полкового знамени Лейб-гвардии Преображенского полка 1700 года, очень интересное с точки зрения эмблематики. Можно различить две короны на головах орла, меч, обвитый лавровой ветвью. Но, пожалуй, самое интересное — это круг, составленный из двадцати шести клейм с земельными эмблемами, к которому снизу прикреплен знак ордена Святого Андрея Первозванного, существовавшего до 1709 года, в виде Андреевского креста с тремя орлами и короной между концами креста.

На то, что он рассматривал его как орден имени своего патрона, указывают следующие факты. В статуте ордена 1720 г. говорится, что на верхних концах косоугольного креста помещены буквы А и П, которые означают Андрей и Петр, а орденский праздник следует праздновать дважды в году, в день Св. Андрея 30 ноября и в день святых Петра и Павла 29 июня, т. е. в день именин самого Петра.

В 1707 году гвардейские полки получают новые знамена для конного строя. В центре полотнища помещен синий Андреевский крест под короной, обрамленный пальмовыми ветвями, а по краю идут бело-сине-красные треугольники. В 1712 году в русской армии вводятся новые образцы знамен. Причем полковое — представляло собой белое полотнище с золотым вензелем Петра (скрещенные наискось латинские буквы P) в центре, по сторонам пальмовые ветви и сверху императорская корона. Поразительно композиционное сходство этих знамен. Конечно, можно говорить, что сдвоенные начальные буквы имени Петра I представляют собой кальку с имевших в то время в Европе применение сдвоенных вензелей Людовика и Карла. Однако нельзя не отметить, что скрещенный вензель Петра I представляет схему Андреевского креста.

В Петровское время Андреевский крест часто изображали на груди двуглавого орла, вместо ездца. Известны три, так называемые «походные», печати Петра, на которых Андреевский крест помещен на груди орла, т. е. занимает место щита со всадником, поражающим копьем дракона. Такое изображение

государственного герба встречается и на других памятниках того времени. Например, на гравюре Питера Пикарта «Граница между Россией и Швецией» 1724 г. В данном случае интересно то, что Андреевский крест в подобной композиции символизирует государя, т. е. Петра, т. к. всадник на груди орла являлся символом царя.

Култ Святого апостола Андрея Первозванного в Петровское время нашел выражение и в таком факте. Основание Санкт-Петербурга было освящено образом Святого Андрея Первозванного. При закладке Петропавловской крепости Петр зарыл в ее основание золотой ковчег с частью мощей Святого Андрея Первозванного. Другую частицу мощей этого Святого и вырезанную им самим из кости икону с изображением апостола Андрея Петр принес в дар важнейшему в жизни Петербурга того времени собору — Троицкому.

Включение Андреевского креста в государственную геральдику России играло существенную роль в обозначении процесса оформления абсолютистской монархии при Петре, логически завершившемся принятием императорского титула. В связи с этим интересно отметить смысловую близость формул «Святой Андрей Первозванный» и «Петр Первый».

В 1710-х годах традиционный русский ездец трансформировался в Святого Георгия. В относящейся к этому времени записке Петра I говорится: *«Сие имеет начало свое от туду, когда Владимир монарх российский свою империю разделил 12 сынам своим из которых Владимирские князи возымали себе сей герб С. Георгия но потом ц. Иван Ва. когда монархию от деда его собраную паки утвердил и короновался тогда орла за герб империи российской принял а княжеский герб в груди оного поставих».*

Особой геральдической комиссией в составе Кольчева, графа Ф. Санти, Ольроу, Гизена и других, учрежденной Петром I и окончившей свои исследования лишь при Петре II, было решено признавать в езде русского герба Святого Георгия.

Государственная печать Петра I несколько раз меняла свой внешний вид. В конце XVII века она продолжала традицию предшествующих печатей, была дополнена изображением цепи с Андреевским крестом. Известны три, так называемые «походные» печати Петра, где Андреевский крест помещен на груди орла. Следовательно, здесь Андреевский крест символизирует

государя, то есть Петра. Существует значительное количество памятников изобразительного и прикладного искусства петровского времени, на которых можно видеть подобное изображение Государственного герба.

Императорские короны изображены на Государственной печати, изготовленной в 1710 году мастером Хауптом. Вероятно, в связи с предполагавшимся введением новой печати, зимой 1709 года Т. Н. Стрешневу было поручено в приказах и «нарочитых старых домех» разыскать жалованные грамоты великих князей до Иоанна Грозного и «осмотреть, какие в то время были печати московские». Однако печать 1710 года просуществовала недолго. Уже в 1712 году Беккером были изготовлены две печати одинакового рисунка разных размеров, также с изображением императорских корон.

В начале XVIII века в центре печати в щите стали изображать двуглавого орла под двумя коронами, с ездцом на груди, со скипетром и державой в лапах; над щитом помещалась корона, вокруг щита — цепь со знаком ордена Святого Андрея Первозванного.

В сентябре 1722 года «товарищем герольдмейстера» графом Санти было составлено описание Государственного герба: «На Орловых грудях Георгий с золотою короною, обращен он налево... вооружен и сидит на коне, который убран своею збруею с седловой приправою с покрышкою и подтянут подпругами... оный Георгий держит свое копье в пасти или во рту змея черного».

Указом императрицы Екатерины I от 11 марта 1726 года было закреплено описание герба: «Орел черный с распростертыми крыльями, в желтом поле, в нем ездец в красном поле».

Но если в этом Указе всадника на гербе по-прежнему называли ездцом, то среди серии рисунков гербов, представленных в мае 1729 года графом Минихом в Военную коллегию и удостоившихся высочайшего утверждения, двуглавый орел описан так: «Герб Государственный по старому: двоеглавый орел, черный, на главах короны, а наверху в середине большая Императорская корона — золотые; в середине того орла, Георгий на коне белом, побеждающий змия; епанча и копье желтые, венец желтой, змей черный; поле кругом белое, а в середине красное».

В высочайшем Указе от 25 февраля 1730 года ездец окончательно был переименован в Святого Георгия. Оно было под-

тверждено и в Указе от 20 декабря 1781 года (№ 15304). Императрица Анна Иоанновна в 1736 году пригласила швейцарского гравера Гедлингера, который к 1740 году выгравировал Государственную печать. Центральную часть матрицы этой печати использовали до 1856 года. Таким образом, тип двуглавого орла на Государственной печати оставался неизменным более ста лет. Однако следует помнить, что на практике применялись разные рисунки орла. При императоре Павле I в использовании двуглавого орла произошло существенное изменение. Указ от 5 апреля 1797 года определил право членов императорской фамилии использовать его как свой герб. 10 августа 1799 года Павлом I был подписан Указ о включении в состав Государственного герба мальтийских креста и короны. Знак ордена Святого Андрея Первозванного с герба исчез. На груди орла под мальтийской короной располагался щит с образом Святого Георгия, наложенный на мальтийский крест.

При Павле I была попытка ввести полный герб Российской империи. 16 декабря 1800 года был подписан Манифест, в котором описывался этот сложный проект. На многочастном щите было помещено сорок три герба. В центре находился вышеописанный герб в виде двуглавого орла с мальтийским крестом, большего, чем остальные, размера. Щит с гербами наложен на мальтийский крест, а под ним знак ордена Святого Андрея Первозванного. Щитодержатели, архангелы Михаил и Гавриил, поддерживают императорскую корону над рыцарским шлемом с наметом. Эта композиция помещена на фоне мантии, которую венчает сень с императорской короной. Из-за щита с гербами выходят два штандарта с двуглавым и одноглавым орлами. Этот проект не был окончательно утвержден.

Отметим и еще одно новшество павловского времени. С той поры, когда Павел был еще наследником престола, на знамени гатчинских войск появляется изображение парящего двуглавого орла с одним поднятым и одним опущенным крылом. Впоследствии этот рисунок переходит и на знамена и штандарты полков русской армии. Вскоре после вступления на престол император Александр I Указом от 26 апреля 1801 года убрал мальтийские крест и корону с герба России.

Изображения двуглавого орла первой половины XIX века очень разнообразны. Он мог быть под одной и тремя коронами, со скипетром и державой, или с венком, молниями (перу-

нами), факелом в лапах, с поднятыми или расправленными крыльями. Высказывалось мнение, что русский герб при Александре I подвергся французскому влиянию. Но по сути это не так. Точнее говорить о стилевой близости, общей для эпохи ампира.

При Николае I официально было закреплено одновременное существование двух типов государственного орла. Один тип орла с расправленными крыльями, под одной короной, с образом Святого Георгия на груди и со скипетром и державой в лапах (рис. 3). Другой тип — с поднятыми крыльями, на которых изображены титульные гербы: на правом — Казанский, Астраханский и Сибирский, на левом — Польский, Таврический и Финляндский (рис. 4).

В 1856 году в ходе геральдической реформы, которая проводилась под руководством барона Бернгарда (в России Бориса Васильевича) Кене, тип государственного орла был изменен под влиянием германских образцов. Тогда же был изменен поворот Святого Георгия на груди орла в соответствии с правилами геральдики.

Несколько слов о самом бароне Б. Кене. Он закончил Берлинский и Лейпцигский университеты и стал известен как специалист в области геральдики, сфрагистики, нумизматики. По-разному оценивали его и современники, и потомки. В Петербурге он занимал различные должности, в частности, был управляющим Гербовым отделением Департамента герольдии. Ему были посвящены следующие злые стихи:

Различных государств кресты
На шее у него болтались,
Развешанные в три ряды.
Тут было все: медали, знаки
И даже, наконец, звезда
Персидской бешеной собаки...
Берлинский артикулярист,
Шпион по иностранной части,
Как самозванный геральдист
Добился он на службе власти.

Рисунок Малого герба России был исполнен Александром Фадеевым и высочайше утвержден 8 декабря 1856 года. Этот вариант герба отличался от предшествующих не только дизайном орла, но и количеством титульных гербов на крыльях. На правом помещались щиты с гербами Казани, Польши, Херсоне-



Рис. 3. Изображение государственного орла, официально закрепленное при Николае I (тип первый)



Рис. 4. Изображение государственного орла, официально закрепленное при Николае I (тип второй). На крыльях орла изображены титульные гербы: на правом – Казанский, Астраханский и Сибирский, на левом – Польский, Таврический и Финляндский

са Таврического и объединенным Киева, Владимира, Новгорода, на левом — щиты с гербами Астрахани, Сибири, Грузии, Финляндии.

11 апреля 1857 года последовало Высочайшее утверждение всего комплекта гербов: Большого, Среднего и Малого государственных титульных гербов членов императорской фамилии и родового герба императора. Одновременно были утверждены рисунки Большой, Средней и Малой государственных печатей, ковчегов для печатей, а также печатей главных и низших присутственных мест и лиц. В общей сложности было утверждено одним актом (№ 31720) сто десять рисунков, налитографированных А. Беггровым (Чертежи и рисунки, принадлежащие к XXXII тому второго Полного собрания законов. 1857, лл. 26—135). 31 мая 1857 года Сенат опубликовал Указ с описанием новых гербов и норм их употребления.

Вслед за этим появилась целая серия актов, устанавливающих новые образцы: «орлы с поднятыми кверху крыльями на всех предметах обмундирования военных и гражданских чинов военного ведомства» (№ 31890, 1857, Мая 29, рис. I—X), чинов ведомства путей сообщений и публичных зданий (№ 32108, 1857, Июля 25, рис. I), чинов морского ведомства (№ 32128, Июля 31, рис. I), рисунка печатей для войск и управлений военного ведомства (№ 32207, 1857, Августа 30, рис. I), морского ведомства (№ 32306, 1857, Октября 21, рис. I), рисунка формы орла на эполетах и погонах адмиралов и генералов морского ведомства (№ 32546, 1857, Декабря 12, рис. I), рисунка формы флотского герба на киверах денщиков, которым положена флотская арматура (№ 32547, 1857, Декабря 12, рис. I). Тогда же появилась и первая почтовая марка с двуглавым орлом.

По поводу нового образца Государственного герба сразу возникло много споров. Были сторонники нововведений барона Б. В. Кене, были и страстные противники его реформы. Мнение о гербе высказали Великий Князь Константин Николаевич и митрополит Филарет.

С 1856 года до конца Российской империи дизайн государственного орла в основном сохранился без изменений. 24 июля 1882 года император Александр III в Петергофе утвердил рисунок Большого герба Российской империи, на котором была сохранена композиция, но изменены детали, в частности фигуры архангелов. Кроме того, был изменен цвет императорской короны с золотого на серебряный.



Рис. 5. Малый герб Империи, Высочайше утвержденный в январе 1895 года

Окончательное высочайшее утверждение рисунка Большого герба Империи произошло 3 ноября 1882 года, а Среднего и двух вариантов Малого герба — 23 февраля 1883 года. В 1891 году к титульным гербам был добавлен герб Туркестана. А в январе 1895 года было «Высочайше повелено» оставить без перемен рисунок государственного орла, выполненный академиком А. Шарлеманем (рис. 5).

Последний по времени акт — «Основные положения государственного устройства Российской империи» 1906 года — подтвердил все предшествующие законоположения, касающиеся Государственного герба.

После Февральской революции 1917 года, по инициативе Максима Горького было организовано Особое совещание по делам искусств, в которое 13 марта влилась комиссия при Исполкоме Совета рабочих и солдатских депутатов. При этом органе была создана подкомиссия для разъяснения вопроса о государственном гербе. Товарищами председателя подкомиссии Максима Горького были известные художники и искусствоведы А. Н. Бенуа и Н. К. Рерих. Среди членов подкомиссии были художник И. Я. Билибин и геральдист В. К. Лукомский. Подкомиссия приняла решение о возможности использовать изображение двуглавого орла на печати Временного правительства. Исполнение рисунка этой печати было поручено И. Я. Билибину, который взял за основу изображение лишенного всех символов власти двуглавого орла на печати Иоанна III. Естественно, что не было на нем ни титульных гербов, ни образа Святого Георгия, ни скипетра и державы в лапах. Такое изображение продолжало использоваться и после Октябрьской революции вплоть до принятия нового советского герба 24 июля 1918 года.

После этого снятие и уничтожение двуглавых орлов приняло массовый характер. В связи с принятием декрета Совнаркома от 12 апреля 1918 года В. И. Ленин запрашивал Исполняющего обязанности Народного Комиссара по делам имуществ Республики П. П. Малиновского: «Почему, вопреки постановлению СНК не начаты в Москве работы: 1) по хорошему закрытию царских памятников? 2) по снятию царских орлов?» Одними из последних были сняты двуглавые орлы со Спасской, Никольской, Боровицкой и Троицкой башен Московского Кремля в сентябре-октябре 1935 года. Это было сделано в соответствии с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 августа 1935 года, к празднованию 7 ноября.

В годы Гражданской войны геральдика воюющих сторон строго поляризовалась. Интернациональная, лишенная национальных традиций геральдика РСФСР и Красной Армии противостояла менее монолитной, разнообразной, но уходящей корнями в российские знаковые системы геральдике Белых армий. Были, конечно, и исключения из правил. Так, на красном полотнище 1-го Черняевского Советского полка был изображен золотой двуглавый орел без атрибутов, восходящий к изображению на печати Временного правительства. Конечно, после 1918 года подобных геральдических смещений уже не происходило. Белое движе-

ние не имело единой символики, хотя и можно отметить некоторые общие тенденции. Как правило, белые использовали бело-сине-красную гамму цветов (шевроны на рукавах гимнастеров и френчей, ленточки наград, оформление знамен). Орлы чаще изображались без атрибутов. С окончанием Гражданской войны двуглавый орел, казалось, навсегда прекратил свой полет над Россией.

Семь десятилетий нельзя было даже представить, что исторический герб России вернется в отечественную государственную геральдику. Однако уже 5 ноября 1990 года Правительство РСФСР приняло Постановление о создании Государственного герба и Государственного флага РСФСР. Для проведения этой большой и сложной работы была образована Правительственная комиссия, по поручению которой Комитет по делам архивов при Совете Министров РСФСР организовал работу «круглого стола» под руководством председателя Комитета Р. Г. Пихоя. В этой работе приняли участие специалисты из Москвы и Ленинграда, народные депутаты, представители министерств и ведомств, художники. В декабре 1990—феврале 1991 года было проведено три заседания, на которых обсуждались генезис и эволюция исторических государственных символов и выработывалась концепция государственной символики России.

При обсуждении этих академических вопросов иногда шли достаточно горячие дискуссии, рассматривались многочисленные проектные рисунки, поступившие и поступавшие в адрес Комиссии и Комитета по делам архивов.

Уже на первом заседании были сформулированы три направления в подходе к решению поставленной задачи: 1) сохранить социалистическую, классовую символику, лишь слегка модернизировав ее; 2) создать совершенно новые символы, не связанные ни с исторической, ни с социалистической традицией; 3) вернуть исторические символы. После всестороннего обсуждения первые два направления были отвергнуты как несостоятельные теоретически, а графически неудачные. Второе направление было обречено на неудачу прежде всего потому, что в советское время геральдике, как научной дисциплине, и геральдическому искусству не уделялось достаточного внимания. Особенно это относится к так называемому «геральдическому искусству», которому не обучали ни в одном художественном учебном заведении страны. Были утрачены

прекрасные традиции русских геральдических художников, таких как Г. И. Нарбут, И. Я. Билибин. В силу этих причин большинство представленных проектов были слабыми с художественной точки зрения, бедны идеями и символическим языком.

Вопрос о возвращении исторических государственных символов России всесторонне обсуждался на каждом заседании «круглого стола». Предложение о восстановлении бело-сине-красного полосатого флага практически не вызывало возражений, и небольшая дискуссия возникла лишь в связи с предложением изменить ширину полос, что было отвергнуто.

По вопросу о возвращении двуглавого орла в качестве Государственного герба России было больше споров и возражений. Оппоненты видели в нем лишь эмблему Российской империи, монархический символ, который, как они считали, не имеет будущего и который не примет народ. Однако шаг за шагом участники «круглого стола» продвигались в разрешении возникших сомнений, добывали все новые факты, доказывающие более широкий и глубинный смысл этого символа, его универсальность, выдвигали аргументы в пользу признания за двуглавым орлом права вернуться в Россию в качестве Государственного герба. Почти 500 лет назад двуглавый орел стал символом российской государственности. Он представлял и Великое княжество Московское, и Московское царство, и Российскую империю, и Российскую республику.

В конечном итоге «круглый стол» выработал предложения, которые и были представлены Правительственной комиссии Совета Министров РСФСР: в качестве Государственного флага РСФСР принять бело-сине-красный флаг, а Государственного герба РСФСР — золотого двуглавого орла на красном поле. Материалы «круглого стола» были опубликованы в различных периодических изданиях. (*Герасимова Н.* Двуглавый орел: взгляд справа и слева // Ленинские искры. № 12. 21 марта 1991 г.; *Корякин Р.* Двуглавый орел: прерванный полет // Союз. № 13. Март 1991 г.; *Монахов В., Сапрыков В.* Герб и флаг: какими им быть? // Народный депутат. 1991. № 5; Двуглавый орел: снова в полете? Какой быть государственной символике России? // Родина. 1991. № 5. С. 44–47). Однако все же нельзя сказать, чтобы работа «круглого стола» и Правительственной комиссии привлекла к себе большое внимание прессы.

Рассмотрев на своем заседании в марте 1991 года представленные предложения, Правительственная комиссия приняла решение не торопиться с внесением предложений Совету Министров и Верховному Совету РСФСР об изменении государственной символики в период предвыборной борьбы за пост Президента России.

Однако политические события в нашей стране 19–21 августа 1991 г. ускорили смену государственной символики. Всем нам памятли эти дни, пролетевшие как одно мгновение, подарившие одним — надежды и восторг победы, другим — отчаянье и горечь поражения. Уже 19 августа над Белым домом в Москве и у Марининского дворца в Ленинграде реяли бело-сине-красные полотнища. 22 августа было подписано Постановление Верховного Совета РСФСР «Об официальном признании и использовании Национального флага РСФСР», в котором говорилось: «До установления специальным законом новой государственной символики Российской Федерации считать исторический флаг России — полотнище из равновеликих горизонтальных белой, лазоревой, алой полос — официальным Национальным флагом Российской Федерации». Видимо, из-за спешки в текст попала серьезная ошибка. Государственный флаг был назван национальным. 25 августа за подписью Председателя Совета Министров РСФСР И. Силаева была разослана правительственная телеграмма, содержащая краткое положение о Государственном флаге РСФСР. Так, правильно, в телеграмме был назван бело-сине-красный флаг.

Тогда же, в конце августа и сентябре, состоялось несколько встреч в Министерстве культуры РСФСР некоторых участников «круглого стола», представителей Министерства, Росархива, Отдела культуры Правительства. На этих встречах готовились материалы и предложения по новому Государственному гербу. Одновременно рассматривалось несколько проектов герба. Состоявшееся позднее совместное заседание коллегий Министерства культуры и Росархива выбрало из отобранных ранее проектов два для представления Правительству.

31 октября или 1 ноября 1991 г. Съезд народных депутатов России принял поправку к Конституции. Была изменена статья, описывающая Государственный флаг. Стало очевидным, что вслед за решением вопроса о Государственном флаге будет решать-

ся вопрос о Государственном гербе. В печати развернулась полемика, направленная против двуглавого орла.

Например, одни предлагали в качестве герба журавля (Чулаки М. Герб? Гимн? Флаг? // Известия. 2 октября 1991 г.); другие — ездца (Белецкий С. Под крылом двуглавого орла? // Невское время. № 89. 30 июля 1991 г.; он же. Каким быть гербу Российского государства? // Невское время. 19 октября 1991 г.), третьи — медведя.

19 декабря 1991 г. на заседании Правительства РСФСР под председательством Президента вопрос о Государственном гербе был рассмотрен. Были одобрены два предложенных варианта, которые направили на доработку. На следующий день впервые официальные проекты были опубликованы. Эти публикации вызвали новую волну нападков на идею восстановления двуглавого орла в качестве Государственного герба. Назовем статью Б. Родионова «Может ли быть гербом Российской Федерации двуглавый орел, хотя и "подобнее"»? (Известия. 28 декабря 1991 г.) и предложение В. Похлебкина сделать гербом изображение медведя, высказанное в статье «И даже "добрый" орел есть символ царей и империй» (Известия. № 21. 27 января 1992 г.).

Уже в марте Гერальдическая служба Российской Федерации представляла на слушаньях в Верховном Совете России проекты Государственного герба. В результате обсуждения было рекомендовано продолжить работу над проектом герба совместно с Комиссией по культуре Верховного Совета. Во время обсуждения проектов многие депутаты предлагали дополнить изображение орла коронами, скипетром, державой и московским гербом. На протяжении 1992 и 1993 годов работа по созданию Государственного герба России осуществлялась совместно Геральдической службой и Комиссией по культуре Верховного Совета.

В ходе подготовки к очередному Съезду в конце ноября 1992 года Верховный Совет обсудил и одобрил предложенный Секретарем Конституционной Комиссии Верховного Совета О. Румянцевым проект новой редакции ст. 180 Конституции Российской Федерации: «Государственный герб Российской Федерации — черный двуглавый орел в золотом щите, коронованный двумя коронами, над которыми находится третья, такая же корона в большем виде; государственный орел держит золо-

тые скипетр и державу, на груди орла находится исторический Московский герб». Это описание представляло собой несколько сокращенное описание Малого герба Российской империи образца 1856 года с изъятием описания титульных гербов на крыльях и цепи со знаком ордена св. Андрея Первозванного. На очередном Съезде народных депутатов в начале декабря того же года при голосовании это предложение не набрало нужного числа голосов.

Стало очевидно, что работу необходимо продолжать на пути поиска компромисса между вариантами, предлагаемыми Правительством (на красном поле золотой двуглавый орел без корон, скипетра, державы, Московского герба) и депутатами (черный двуглавый орел с тремя коронами, скипетром, державой и Московским гербом на золотом поле).

К маю 1993 года Геральдическая служба подготовила новый рисунок герба, который был согласован с обеими сторонами, участвовавшими в работе Конституционного совещания.

Однако дальнейшие бурные политические события задержали решение вопроса о Государственном гербе Российской Федерации до ноября 1993 года. 16 ноября Президентом Российской Федерации было подписано Распоряжение «О разработке проекта Государственного герба Российской Федерации». Этим Распоряжением была создана комиссия, которая должна была подвести итог трехлетней работы и представить Президенту проект Указа о Государственном гербе, его описание и его изображения, разработанные на основе российской исторической символики. В течение двух недель комиссия, которую возглавил главный государственный архивист Р. Г. Пихоя, провела несколько заседаний и пресс-конференцию, на которой был представлен проектный рисунок герба работы художника Е. И. Ухналева. А к 30 ноября был подготовлен и проект текста Указа, который был подписан Президентом России Б. Н. Ельциным в тот же день.

Таким образом, с 30 ноября 1993 г. в России Государственным гербом вновь стал двуглавый орел. Официальное описание герба гласит: «Государственный герб Российской Федерации представляет собой изображение золотого двуглавого орла, помещенного на красном геральдическом щите; над орлом — три исторические короны Петра Великого (над головами — две малые и над ними — одна большего размера); в лапах орла —

скипетр и держава; на груди орла на красном щите — всадник, поражающий копьем дракона».

Накануне референдума по новой Конституции, 11 декабря 1993 г. были подписаны также Указы Президента Российской Федерации о Государственном флаге Российской Федерации и Государственном гимне Российской Федерации, а 15 февраля 1994 г. Указ «О штандарте (флаге) Президента Российской Федерации». Таким образом, и статус бело-сине-красного флага был закреплён.

В принятой в декабре 1993 года Конституции Российской Федерации не дано описание герба и флага. В соответствующей статье (70) сказано, что их описание и порядок официального использования устанавливаются федеральным конституционным законом. Подготовка этого закона была осуществлена геральдической службой вместе с Государственно-правовым управлением Администрации Президента Российской Федерации. Весной 1994 года проект был готов и направлен в Государственную Думу. Обсуждение законопроекта прошло в Государственной Думе в конце 1994 года, но он не был принят. При этом был предложен альтернативный проект, восстанавливавший с небольшими изменениями Герб РСФСР и Флаг СССР. Но этот проект тоже не прошёл. Очередное безрезультатное обсуждение законопроектов прошло в Думе в начале 1998 года.

В декабре 2000 г. сначала Государственная Дума, а затем Совет Федерации приняли законы о государственных гербе и флаге. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал эти законы.

В соответствии с Федеральным Конституционным Законом о Государственном флаге Российской Федерации, принятым Государственной Думой 8 декабря, одобренным Советом Федерации 20 декабря и подписанным Президентом В. В. Путиным 25 декабря 2000 года (№ 1 — ФКЗ) «Государственный флаг Российской Федерации представляет собой прямоугольное полотнище из трех равновеликих горизонтальных полос: верхней — белого, средней — синего и нижней — красного цвета. Отношение ширины флага к его длине 2 : 3» (Статья 1).

В соответствии с Федеральным Конституционным Законом о Государственном гербе Российской Федерации, принятым Государственной Думой 8 декабря, одобренным Советом Федерации 20 декабря и подписанным Президентом В. В. Путиным



Рис. 6. Государственный герб Российской Федерации, утвержденный Федеральным Конституционным Законом о Государственном гербе Российской Федерации 25 декабря 2000 года

25 декабря 2000 года (№ 2 — ФКЗ) «Государственный герб Российской Федерации представляет собой четырехугольный, с закругленными нижними углами, заостренный в оконечности, красный геральдический щит с золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья. Орел увенчан двумя малыми коронами и — над ними — одной большой короной, соединенными лентой. В правой лапе орла — скипетр, в левой — держава. На груди орла, в красном щите, — серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьём черного опрокинутого навзничь и попранного конем дракона». (Статья 1, рис. 6.)

Итак, тысячелетний путь, который прошли символы Руси и России, привел к возрождению исторически традиционных государственных эмблем. Важно, однако, что в течение многих столетий эти эмблемы изменяли свое содержание. Первоначально и герб, и флаг были собственностью глав различных политических образований — княжества, царства, империи. Вспомним

еще раз закон Российской империи об этих эмблемах: государственные герб и флаг относились к «внешним правам и преимуществам русского самодержца». Февральская революция 1917 года сделала их достоянием общества, и в сфере государственной геральдики покончив с пережитками феодализма и средневековья. Жизнь республиканских символов в 1917 году была более чем краткой. В эйфории победы над самодержавием большевики упразднили символы, имевшие многовековую историю, и ввели символы не осуществившейся утопии — серп и молот в качестве герба и красный флаг.

Возвращение к исторической символике — это не только призыв к консолидации общества, его примирению, встрече со своим прошлым. Это одновременно и призыв к разумной, конструктивной, напряженной и повседневной работе во славу Отечества и во благо каждого из его жителей. Хотелось бы надеяться, что Российская Федерация окажется достойной тех символов, под которыми жили многие поколения наших предков.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ПЕРЕВОД

Формально тема лекции — современная литература, но поскольку понятно, что это вещь безразмерная, я об этом немножечко поговорю, а потом попрошу задавать вопросы, это будет целенаправленнее и проще.

Что касается современной литературы, можно подумать, что я что-то в ней понимаю. Я в ней участвую, но ничего не понимаю. И не понимает, надо сказать, никто. Понимать в литературе можно с разных точек зрения: можно её писать, можно её читать, можно её изучать. Изучать её можно корыстно, изучать её можно бескорыстно, можно изучать с точки зрения её художественного качества, можно её изучать с разных других, к делу не относящихся, но имеющих место подходов. Некоторые любят изучать специально женскую литературу, это их дело, некоторые любят изучать литературу по разным жанрам, это тоже либо научный подход, либо никому не интересная вещь. А суть-то всякого литературного процесса заключается в том, чтобы он существовал и на него находился любитель, чтобы люди хотели это читать.

В общих словах то, что можно сказать о современной литературе — это следующее: до 90-х годов существовала, как и в остальных областях культуры, какая-то иерархия, пирамида. Это все от представления о том, что есть литературные вершины, на которые надо карабкаться, а никакой такой вершины нет.

И вот, например, развалился процесс секретарской литературы, о которой решительно нечего сказать — она написана секретарями союза писателей. Эта литература существовала, издавалась, продавалась, сдавалась в макулатуру, шла под нож, уничтожалась, и все эти люди и сейчас что-то пишут, если они ещё живы, но это всё никто не читал, никому это было не интересно, и эта пирамида как стояла, так и стухла, ушла в ночь, от неё ничего не осталось.

Но, по-видимому, потребность возводить вот эти византийские структуры — она осталась. Поэтому состояние литературы

сейчас у нас в России, насколько я понимаю, такое — есть попытка строить его по тому же пирамидальному принципу, но из этого мало что получается. Литераторы и их читатели развалились на тусовки, и эти тусовки имеют центром разные журналы, разных литературных критиков, разные коммерческие и некоммерческие направления, и вокруг них существуют свои пирамиды, свои герои, свои лучшие писатели, свои самые главные.

Есть коммерческая литература и некоммерческая — это не значит, что коммерческая плохая, а некоммерческая хорошая — это не точно так потому, что можно писать оттого, что денег нет и всё равно быть хорошим писателем, а можно писать для души и быть абсолютнейшим графоманом и замучить всех родственников и издателей. Литературу в советское время более или менее держали как процесс, литературные журналы — «Новый мир» — считался самый лучший журнал, «Знамя» — было разным на протяжении своей истории.

«Новый мир» практически сейчас умер как журнал. Я помню, перед 90-м годом у них был тираж 7 млн. 3 млн семей хотели читать «Новый мир». В каждой семье человека три, скажем, 10 млн читателей было. Сейчас не знаю, может, тысячи три есть. И то, мы этого знать не можем, потому что неизвестно, куда эти журналы идут — они там привирают относительно своих тиражей. Кто-то их, может быть, читает в Интернете, кому доступен Интернет, и кто любит посмотреть, что там делается. Направление у него такое интеллигентно-православно-патриотическое, у «Нового мира», в общем, не очень востребованное, поэтому понятно, что у него нет такого большого количества читателей.

Направление такое секулярно-интеллигентское у журнала «Знамя», но у него тоже нет читателей, тоже очень мало, но у него очень крепкая тусовка. Считается, что лучший литературный журнал — «Знамя», что он открывает новые имена, что он печатает принципиально новые тексты, что он печатает экспериментальные тексты, и всё равно всё это никому не нужно, потому что там нечего читать.

Очень неплохой питерский журнал «Звезда», да, собственно, он единственный журнал в Питере сейчас. У него тоже такая культурно-интеллигентская направленность, читателей мало, что жаль, потому что он по уровню спокойный, и, в общем и

целом лучше, я считаю, чем московские журналы. Больше говорить, пожалуй, не о чем. Очень хороший журнал «Иностранная литература», но это не наша тема, поэтому — что о нем говорить. Они вкрапляют иногда какие-то эссе русских писателей, но не более того.

Это литературный конец этого процесса, это такая тусовка старых литераторов, которые держатся старого понимания литературы. Есть такой журнал в Москве, здесь он, по-моему, не продается, называется «Афиша», там вещи общие — куда пойти, в какой ресторан, и там есть литературный отдел. Там всегда довольно неплохие литературные критики, которые рецензируют литературу и создают определенную пирамиду. «Литература должна быть вот такая, она должна быть, эх, крутая, она должна быть вот на такие темы написана». Там обязательно надо как-то выкаблучиваться при написании своих текстов. Они очень любят выдвигать писателей, хвалить их, уверять, что это самое лучшее, что у нас есть. И опять — так ли оно, не так ли — сказать никто не может, не существует никакого объективного судьи. В общем, сами критики интереснее, нежели разбираемые литературные тексты. Критики очень ловкие. Более того, не буду называть, но там есть критики, которые знамениты тем, что они даже не прочли того, о чем писали, но так здорово написали, что какая разница — о чем, т. е. создается такой литературный жанр — очень блестяще написать, но неважно о чем. Ещё центрами тусовочными, создалищами этой иерархии являются литературные премии. Это довольно интересная вещь. Дело в том, что, вообще, люди сидят и пишут по всей стране и иногда, когда видишь какие-то тексты, написанные совершенно неизвестными — вам ничего имени не скажут — хорошо написанные повести, рассказы, реже — романы, которые держатся какого-то определенного высокого уровня, высокого качества литературного — они пишутся в дальних городах. Они, может быть, печатаются, они, может быть, продаются, но поскольку не существует или почти не существует тусовки, которая бы их поддерживала, то сообщения передаются из уст в уста, или ты случайно увидишь и тебе понравится. Их никоим образом на большую литературную дорогу никто не выводит.

Из наблюдений можно сказать, что за последние лет десять очень сильным в этом отношении стал Екатеринбург, бывший

Свердловск, там какая-то аномалия, оттуда идут хорошие тексты, там живут умеющие писать люди. В Питере — нет, это пропало, т. е. питерские писатели, сколько бы их ни вытаскивали, сейчас, из новых, на литературную арену — они этого света не выдерживают, просто тают, как снегурочки. Очень много гонора существует, мифологии — вот мы! Питерские писатели! Ерунда. Ничего этого нет. Интересно в Екатеринбурге, вообще Урал. Муза сместила фонарь туда.

Старые — да, старые, всем известные, живут давно в других местах, считаются питерцами, но непродуктивно что-то, наше болото загнивает, а на Урале наоборот. Так вот, литературные премии обладают интересной способностью выводить на свет писателей и раскручивать их, поощрять к ним внимание. С литературными премиями получается интересная картина. Станным образом — все ругают коммерческую литературу, и действительно, иногда бывает чудовищно, когда эта чистая такая холодная пакость, остывшая, но литература, за которую дают крупные премии, — она лучше, т. е. какая-то напрямую связь с материальным стимулом существует. Не то чтобы это было очень удивительно, но любопытно — когда большая премия существует, за которую дают приличные деньги, то люди начинают хотеть получить эту премию. Славу или деньги, в общем, деньги они тоже хотят, бывает премия — бутылка водки, есть такая премия Андрея Белого в Петербурге, но никто почему-то особо не дерётся за бутылку водки. А вот когда тебе светит от 5 до 20 тысяч долларов — это, конечно, стимулирует. И, желая это дело получить, люди вовремя начинают думать о том, что они делают и писать лучше. Есть такой момент.

Но кто эти премии даёт, кто деньги приносит? Деньги приносит банки. У банков — у богатых банкиров или просто очень богатых людей, не обязательно банковладельцев — у них имеется такой отдел культурных всяких проектов и т. д. Для чего он у них имеется, в общем, не очень понятно, потому что они внезапно вдруг хотят что-то сделать общественно-приятное, а потом вдруг перестают хотеть. Например, одна из премий, 25 тысяч долларов, спонсировалась Потаниным. Потанин — патологически богатый человек. Патологически. Но когда год назад пошло это шурушание с Ходорковским, и все стали бояться за свои нефтяные карманы, то много культурных проектов позакрывали, и, в частности, Потанин прикрыл эту премию в 25 тысяч

долларов. Всё равно что, понимаете, вот немножко испортилась погода, и мы бы с вами кинулись бежать — где копейка, куда завалилась моя копейка, и эту копейку сейчас сэкономим. Там какая-то патология, у меня такое впечатление, что глубоко внутри, у этих очень богатых людей, они всё ещё маленькие жадные мальчишки, которым кажется, что каждый куличик, каждый сопочек, каждую формочку они должны сберечь. 25 тысяч, ей-богу, это шелуха, валяющаяся на полу. Вот, один проект закрылся, и много-много людей теперь потерпели такое литературное поражение. Не будут написаны интересные вещи, их не обзреют литературные критики, не пойдет всё это крутиться, в общем, муки не будет.

Есть внезапно откуда-то вылезающие люди безымянные, которые вдруг хотят... А я даже не знаю, чего они хотят. Чего-то хотят. Вот пример: два года назад пригласили меня в жюри конкурса «Декамерон», сказали, что будет эротическая литература. Я думаю: «о, пойду!». И пошла туда. Там было много знакомых людей, известные литературные критики, я спрашиваю — что будет, кто всё это устраивает? Мне говорят — секрет, люди хотели бы остаться неизвестными.

— А наша-то какая роль?

— *Наша-то роль очень хорошая: мы сначала соберём все эти произведения, потом всё это почитаем, потом выдадим деньги, потом поужинаем за счёт загадочного спонсора, и, раздав большие деньги, разойдемся сытые и довольные. А эти люди, они просили держать в секрете их имя, может быть, если конкурс хорошо пройдет, то они будут делать то ли издательство, то ли они ещё что-то будут делать.*

В общем, до сих пор неизвестно, ничего про них не слышать, но конкурс был презабавнейший, конечно, и любопытно было в нём участвовать. Самую страшную работу провели организаторы, в основном, критики. Мы, жюри, получали штук сорок произведений, уже отчищенных от полного навоза. Некоторые были просто очень даже хорошими. А ужасы всякие, которые писали графоманы... Ну, представляете, графоману объявить, что есть конкурс эротического произведения, без берегов. Тут-то всё и начинается. Самое страшное, около 1000 произведений они отменили в сторону. Ну, надо сказать, что из тех 40, которые нам попались в руки, некоторые были оглушитель-

но непристойными (бывает просто непристойно). Ну, казалось бы, эротический конкурс, там все понятно. Там предметов-то, собственно, всего — раз, два, и обчелся! Ну, это ж такое навернуть, что наворачнули некоторые! Я такого не ожидала. Один мне даже понравился. Такое впечатление, что у человека просто... Как бы сказать... Всякому животному присущ хоть какой-то стыд, хотя бы минимальный. Здесь — абсолютно никакого. Такое впечатление, что здесь свинья свиной писала. Подробно, с удовольствием, лихо! — писала рассказ на какие-то совершенно... темы хлева человеческого. У меня глаза выкатывались на лоб, главное, от полной нестеснительности автора. Причем, там дело-то простое. Какая-то учительница приезжает отдохнуть в сельскую местность, и какие-то являются парни со своими услугами. Сначала учительница вроде стесняется, а потом — а, всё равно приехали, и пошло! Рассказывает-рассказывает, рассказывает-рассказывает, даже любопытно. Брэм!

Г о л о с и з з а л а: «Фамилия автора какая?»

Псевдоним, наверное. Там все были под псевдонимами. Один был интересный человек, он случайно вычислился. Псевдоним у него был самый простой, а выяснилось, что он член избиркома большого. Центральной избирательной комиссии, доктор наук. Он называл свой роман «зараза такая», вот такой (толщины). Но читабельный. Он как-то слишком подозрительно хорошо знал какие-то садомазохистические заведения по Москве, клубы какие-то, как они прикидываются спортивным клубом, а что там на самом деле делается, т. е. избирком имеет какие-то тайные ходы.... Интересно. Это жизнь.

Премии получили трое, мы ещё добавили четвертую женщину. Была такая возможность — четвертую премию добавить. Самая первая премия — это очень хорошие рассказы. Когда литература поднимается от уровня просто писания пером по бумаге до какой-то высоты, причем непонятно, где проходит вот эта граница, ты не понимаешь, как.

Я думаю, это как в хорошем самолете — он едет-едет, и вроде уже быстро, но всё по земле, и ты видишь это. А потом вдруг становится какая-то тишина, и ты видишь, что он оторвался. Ещё мотор шумит, но нет этого скрежета по асфальту, и он уже парит.

Вот этот момент, в который отрыв от земли происходит, он очень любопытный, и когда читаешь тексты, ты вдруг

видишь, что всё про то же — тоже там любовь, больше эроса, меньше эроса, это неважно, у нас такие правила были, что нет берегов. Кто хочет — может писать про возвышенные платонические чувства, как говорится, секс без дивчины — признак дурачины. Когда начинается действительно по-настоящему художественное, то оно ощущается, и непонятно каким образом. Таких у нас было трое, и первое место получил Игорь Сахновский. Он действительно хороший рассказчик, может, есть у него повести, я не знаю, рассказов было много — штук 15. Это довольно трудно представить не одну повесть, а 15 разных вещей, и они все прекрасные. Он получил первое место, он, по-моему, как раз в «Новом мире» время от времени печатается. Второе место получил молодой человек, ну, относительно молодой, 30 лет ему, Фарид Нагимов — на русский манер, либо Фарид Нагим, по-татарски, он татарин. Он написал пьесу, она называется «Крик слона». И я помню, взяла в руки эту пьесу читать и думаю — как-то странно, «Крик слона» мне не очень нравится, как-то это неприятно звучит. А «запала», что называется, на этот текст прямо с первой страницы, потому что тоже происходит необъяснимое: прочитал первые строчки — ты оглох, и ты уже в этом тексте, поразительная вещь, ступил на этот текст — и ты уже попал в другое пространство. Там сюжет трагикомический, я бы сказала. Вообще там ужасная человеческая драма, причем именно драма души. Там центральный герой — молодой человек, он был женат, потом как-то не вышло с женой, распалось-развалилось у них всё. Он хочет полюбить, он очень хочет любви, но любви не случается, в душе у него так происходит, что любви не получается. К нему пристают какие-то бабы и мужики, в него влюблён старый писатель, у которого он временно живет в Переделкино. Он живет в Переделкино, ему негде жить, метель всё время, какие-то электрички, он ездит в Москву, и этот старый писатель, который жил не тужил всю свою жизнь, и вообще, старый советский пень такой, вдруг он полюбил этого молодого человека, который для него стал всё. А ему не хочется этого старого писателя, и вообще как-то не про это, ему хочется, чтоб душа загорелась и случилась любовь. А любви не случается ни между кем в этой пьесе. И вообще всё это сделано совершенно замечательно — там люди плачут, пьют.... Там даже и расчленёнка есть. Зарезали нечаянно одного, ну, переколотся наркоты, пришлось быстро

зарезать. Друзья очень любили его, но так вышло, так вышло... И они его сложили в сумку спортивную, молнию застегнули, отвезли на Казанский вокзал, пусть стоит, может, кто украдёт. Всё разваливается по разным причинам.

А «Крик слона» потому, что этот слон — это такое большое что-то, и ему неловко, и ему как-то всюду тесно, и ему тоже надо чего-то очень большого, и он кричит, кричит этим своим трубным голосом, а без толку, никто его не слышит... Вот как бы душа — как неловкий слон, которая хочет любви, а этой любви не получается — это получилось страшно здорово потому, что все формальные признаки любви — да вот они, навалом, хоть на лопате подавай, а самого главного, что-то чтобы зацепило — его нет. И написать таким образом, чтобы всё тебе было, всё, что угодно, а вот самого главного не было — это, конечно, высший пилотаж.

Если бы у меня было два голоса в жюри, я бы, конечно, дала ему первое место, но так уж вышло, жюри — дело коллективное. Я даже перетянула в какой-то момент всех на свою сторону, там Битов был, а Битова трудно перетянуть, но он даже согласился со мной, а потом в последнюю секунду передумал. Ну, сам-то Битов, конечно, он исключительно большой писатель, редкого, даже ненужного людям ума, в той области, куда не нужно ходить, слишком умный, но в смысле литературном он очень точный. И он согласился, что все остальные вещи, выставленные на конкурс — их понять можно, они в рамках человеческого понимания, а в этой пьесе есть что-то волшебное, есть тайна, и этого объяснить нельзя — почему она такая.

Это я к чему говорю, это я говорю к тому, что такое литературный процесс и какая литература сейчас — всё зависит от того, с какими требованиями ты к ней подойдешь, какие ты сделаешь замеры. Как говорится, если ты меришь свет как волну, получаешь ответ как про волну, если как частицу — получаешь про частицу. Может, есть какие-нибудь другие способы измерять — как замеришь, так и получишь. Дурацкая идея, считать книгу по тому замеру, сколько продано, бестселлер, например, ну это глупо — ну, сколько продано, столько и продано. Больше всего продаются книги по самолечению, «Цветы на вашем подоконнике» и прочие вещи. Это не значит, что это блестящая литература.

Я сама, например, берусь участвовать в литературных курсах, жюри, хотя это тяжело довольно — читать чужой текст.

Ты в него влипаешь, происходит как диффузия, он влезает в твоё сознание, а если текст плохой, это так неприятно, когда тебе что-то залезает в сознание чужое. Но взялся — читай.

И я берусь, потому что как раз хочу понять, а что происходит в литературе, а не написал ли кто-нибудь чего-то такого нового, удивительного, чтобы можно было за это схватиться. Найти нового писателя, которого я-то увижу, если он будет того достоин. Я сижу и жду, пока в дверь постучат, и отзовусь даже на самый лёгкий стук. Но практически не идет, вот в чём дело. Кого нашла — назвала, может быть, где-то ещё какие-то водятся, я просто не знаю, где их взять. Мне же хочется читать в основном, я же с точки зрения того, чтобы была такая книга, чтобы я с ней не расставалась, чтобы она у меня дома была, чтобы на полочке стояла, чтобы потом ещё раз её перечитать. А такого очень мало. С XX века много накопилось, конечно, но не так, чтобы 200 книг. 200 не получится. А из современных — одиночки какие-то проходят. На конкурсах вдруг люди забрасывают, как бутылку в воду, послание, вдруг дойдёт, хочется ведь не упустить, поймать. Но мало.

Сказать, какое направление существует в самом современном процессе, я думаю, что сказать этого нельзя. Одно время сидели разные литературные критики на процессах и ждали, вот общая волна куда повернёт, в какую сторону. Бывает ностальгическая литература, исповедальческая такая литература, мемуары вдруг идут, много-много идет мемуаров, потом всё это иссякает. Потом идут боевики, скажем, пулялки-стрелялки всякие, и бывают совсем неплохие, вот авторам хочется писать про это. Про сиротство какое-то, военная литература, понятно, отошла вместе с этой эпохой, сейчас идут — я не люблю, это не значит, что она плохая, просто я избегаю читать это — по мотивам афганской войны. Те люди, которые прошли Афган, они, соответственно, об этом пишут, это другая волна военной темы. Потом женская, конечно, есть, какая-то специфическая, выученная, по формуле, на тему «женщина — тоже человек», помоему, это настолько не нуждается в доказательствах, что и писать об этом просто смешно.

И вот ждали все, что будет новая искренность, широкий такой поток. Довольно долгое время была популярна чернуха — чернуха, вампиры, такая полуфантастика — что пойдет вместо этого новая искренность. Никакой специальной новой искренно-

сти не появилось, детективы, чернуха и фэнтези разошлись по жанрам. Что такое Лукьяненко с «Ночным дозором» — в чистом виде фэнтези. Но это не настоящая литература, она формульная, что называется хорошо написано, но формульная. Детективы — формульная литература, хотя есть очень хорошие. Дамские романы — абсолютно формульная.

И ожидание новой искренности, которую наши театроведы и критики ждали, оно может относиться только к литературе, не разделенной по ветвям этих жанров, а к литературе вообще. А если это примерять к литературе вообще, то бессмысленно ожидать новой искренности, потому что настоящая литература в принципе не может быть неискренна. Если она специально сделана не искренней, а сделана аналитически холодной, то это тоже будет временное явление и определенный жанр.

Человек в принципе не меняется за последние 2500 лет, нет, больше, в каком-то смысле даже от первой поэмы шумерской «Гильгамеш», потом идет провал в литературе, мы мало знаем. Так вот, шумеры жили за 3000 до н. э., значит, тому уж 5000 лет, потом они исчезли без следа, их место заняли вавилоняне, они перевели шумерские тексты литературные на свой язык, и они известны и в шумерском варианте, и в вавилонском. Так вот, практически самый первый известный текст — это доевропейская, средиземноморская культура — все равно наша — «Мифы Гильгамеша». Когда ты его читаешь — он давно переведён на русский язык и хорошо переведён — то ты думаешь, ну, всё как у нас, всё как вчера, люди тогда думали о том же. Опуская подробности, Гильгамеш хочет бессмертия, потому что он никак не может примириться с тем, что человек смертен. И он отправляется в дальний путь, чтоб привести цветок бессмертия, и вот он достает этот цветок, или растение бессмертия, а когда возвращается, на обратном пути он устал, видит какой-то водоём и хочет в нём искупаться. И он кладет этот цветок на бережок и идет купаться, а когда возвращается, то видит, что его съела змея. Поэтому человек не бессмертен, а змея бессмертна. Они считают, что она бессмертна, потому что меняет кожу. Сбросила — и дальше живет, будто бы вечно.

И вот, как представишь себе, что это 5000 лет назад, и всё, что сохранилось от этого народа практически — литературное произведение, поэма, она всё про то же. Вот дружба, вот любовь, вот он думает — а почему умирать надо, а я молодой,

здоровый, со зверями какими-то расхаживает, я не хочу, а можно что-то с этим сделать, попробовал, не вышло, всё сорвалось.

Ровным счетом то же самое, при чем здесь новая искренность, когда речь идет всё о тех же вещах. Литература — единственное культурное явление, которое избежало распада, которому музыка поддалась и особенно изобразительное искусство. Во что превратилось изобразительное искусство, не надо рассказывать, уже даже пустых рамок не показывают, потому что с этим покончено, уже непонятно что. А литература этого избежала, я не знаю почему, видимо, она держится на слове, а настоящее слово — это настоящая вещь, это вам не фунт изюма.

Когда человек берет раму и думает — всё уже было, что бы ещё закидать в эту раму, то много чего получается. Потом уже нет ни рамы, ни картины, потом скульптуры из сливочного масла делают, оно тухнет и т. д. Все ужасы музея современного искусства, вся эта инсталляция, всё это ерунда, это оттого, что смысл как бы умер. Как только умирает смысл, сразу всё распадается.

А слова смысл не потеряли, несмотря на то, что они смысл поменяли, несмотря на то, что становится очень трудно говорить некие очень простые вещи, потому что человек начинает впадать в пафос, а существует дикая боязнь пафоса. Люди боятся сентиментальности, люди боятся впасть в пафос, потому что люди боятся показаться слабыми, потому что они знают, что стоит тебе чуточку иголки вобрать, бегут другие добрые и забивают тебя палками. Поэтому они очень боятся открыть слабые места, спину, чтобы тебе что-нибудь не воткнули, поэтому никакой сентиментальности, никакого пафоса, отсюда напускная грубость, а под напускной грубостью, если все какие-нибудь будут напускные, то грубость настоящая, опустошение, цинизм, душевная смерть — пива напился и глаза пустые.

Но слово всё время регенерирует, оно всё время ищет какую-то возможность из этого выйти. Оно в принципе неуцемляемо, неубиваемо и превращается во всё, поэтому литература — она как бы новая всегда остается. Ничего для неё не умерло, ничего не использовалось до конца, и все возможности продолжают быть открытыми, язык живёт, слово при этом живёт, слово при этом обновляется. То оно высыхает, как речка — речь

вдруг высыхает, как речка — совсем думаешь, ну, здесь всё пропало, весной дзизнь — полные воды, до наводнения доходит, так что с этим ничего не случится.

Вот, собственно, то, что стоит в двух словах, в общем и целом, сказать про литературный процесс. А все подробности — сколько людей, столько и подробностей, столько и вкусов, и все хотят одного и того же — счастья, и все по-разному это понимают, и все ищут, где могут, и везет тому, кто в какой-то степени это найдёт, только бы не случилось как с Гильгамешем.

Это все было про русскую литературу, написанную на русском языке, но на русском языке написано много иностранной литературы — переводной. Русский язык способен передать все тонкости литературного стиля и нюансы души человека любой национальности. И в связи с этим я хочу прочесть вам свое эссе об иностранной литературе на русском языке.

Я начала читать с трехлетнего возраста, то есть так мне говорили родители, а сама я этого, конечно, не помню¹. Читала все подряд. Иностранным языкам меня начали обучать с пятилетнего возраста, — сначала английскому, потом французскому, а после, безуспешно, — немецкому. Мои родители говорили свободно на трех иностранных языках и считали, что и дети (а нас было семеро) тоже должны. Дети же так не считали.

Но от родительского принуждения деваться было некуда. Зимний вечер, темнота, только мы с сестрой наладились играть в куклы (у нас был двухэтажный кукольный домик, с настоящими крошечными электрическими лампочками, с маленькой ванной и уборной, с балкончиком, — чудное сооружение, привезенное кем-то из Германии после войны и доставшееся нам в поломанном, но все ещё рабочем виде), — как вдруг звонок в дверь; сердце падает; из прихожей тянет холодом: пришла учительница французского, не заболела ни сапом, ни чумой, благополучно добралась. Вечер испорчен. Спряжения французских глаголов — ненавистную языковую алгебру — помню до сих пор. Примеры из Альфонса Доде, а потом чтение самого Альфонса вызывали удушье. Младшая сестра, быстрая на руку, язвительная, писала на француженку эпиграммы-акrostихи:

¹ Журнал «ИЛ» попросил ответить на вопросы анкеты на тему: какая роль играла иностранная литература в вашей жизни.

Шуршит пальто ее в передней.
Вошла, с морщинистым лицом.
Ее эспри, скорее средний,
Для нас считают образцом.
Ее дыханье неприятно,
Рука ее клешне подобна.
Сидеть с ней, право, неудобно:
Как безобразна, как отвратна!
А! Что над рифмами корпеть,—
Я не могу ее терпеть!

Стихи преподносились родителям, родители хохотали и про-
сили еще: они поощряли все науки, все искусства, любое твор-
чество и фантазию. Английский язык давался легче, а может
быть, учительницы были нам милей, но «Алису в стране чудес»,
адаптированное издание, я терпела. «Матушку-гусыню» читали
по-английски, хорошо помню свои чувства: зачем же на ино-
странном языке, когда по-русски можно лучше, ловчее, понят-
нее. Даже сами очертания латиницы мне не нравились: нарочно
придуманно, чтобы мучить человека. Мой отец, видя мое сопро-
тивление и беспросветную лень, придумал заниматься со мной
самостоятельно: час в день, летом ли, зимой ли, я должна была
читать вслух под его руководством английскую либо француз-
скую книжку. Это был замечательный ход: я должна была читать
Агату Кристи (на обоих языках, чередуя их). Он совершенно
справедливо рассудил, что если все остальные стимулы и при-
зывы к общей культуре, образованности и расширению гори-
зонтов не действуют, то должно на нее подействовать прими-
тивное любопытство: кто убил-то? Так я прочитала около 80 ро-
манов Агаты Кристи, к большому маминому неудовольствию, —
она считала, что читать надо Шекспира и всякое такое. Когда я
закончила первую дюжину на «агатников», — к двенадцатилет-
нему возрасту, — отец подарил мне наручные часики. В том
смысле, что на них тоже двенадцать цифр, и так далее. Я через
две недели потеряла их в дачном черничнике и горько рыдала,
ползая в кустах до темноты, но так и не нашла. Часы потеряла,
но время, как выяснилось, нет.

Так меня мучали с пятилетнего возраста и до поступления в
университет. Я читала всегда — за едой, в постели, в автобусе, —
но по-русски — с удовольствием, а на иностранных языках — с
отвращением. В результате для меня зарубежная литература —
это то, что написано латиницей, а русская — то, что написано

кириллицей. Русскими книжками были в разное время: О. Генри, Эдгар По, Дюма (в первую очередь «Граф Монте-Кристо»), Марк Твен, Жюль Верн, Конан Дойль, Уилки Коллинз («Лунный камень»), Герберт Уэллс, Мери Мейп Додж («Серебряные коньки»), «Голубая цапля», «Маленький лорд Фаунтлерой», «Хитопадеша» (индийские легенды), «Приключения Гулливера» (сокращенные, там, где он на обложке тянет за собой корабли на нитках), «Маленький оборвыш»; весь — от и до — Андерсен с лучшими на свете картинками Свешникова (вот помню!), сказки Топелиуса, сказки Кристиана Пино, сказки Шарля Перро, сказки братьев Гримм, сказки Гауфа, туркменские сказки (какие-то три козленка: Алюль, Булюль и Хиштаки Саританур, на обложке — красавица и красавец в обнимку с гранатовым деревом), осетинские мифы («Сослан-богатырь, его друзья и враги», там про какое-то страшное живое колесо, которое отрезало Сослану ноги), японские сказки, написанные на смешном деревенском, нянькином языке («пригорюнился заяц, а делать нечего»; «глядь — а это Момомото явился»)... Самой же любимой книгой были «Мифы Древней Греции» Н. А. Куна: в свои пять лет я знала генеалогию всех олимпийских богов, всех героев и всех достойных упоминания смертных. Я и сейчас думаю, что это лучшая книга на свете, в ней есть все: и ручьи, и моря, и корабли, и битвы, и колесницы, и плющ, и мирт, и лавр, и ласточки, и лабиринт, и зубы дракона, и страсти, и слезы, и коварство, и любовь, и мужество, а главное — весь мир шелестит богами и наполнен их незримым, но несомненным присутствием. Все это — русское, а всякие там «has been doing» и «had had», а уж тем более «nous passames sous un pont, puis sous un autre» — конечно же, нет.

Потом, позже — Бальзак, Золя, Мопассан, Вальтер Скотт, Сигрид Унсет («Кристин, дочь Лавранса»; кого ни спросишь — никто не читал, а ведь нобелевская лауреатка), Ромен Роллан, Диккенс, Хемингуэй, Оскар Уайльд, Сомерсет Моэм, Олдос Хаксли. И опять то же самое: «Евгению Гранде» Бальзака меня заставляли читать по-французски, и эту книгу я не буду перечитывать под ружейными выстрелами, хотя «русского» Бальзака я читала с удовольствием. Правда, ничего не запомнила. Бальзак почему-то стоял на полках каждого дома, куда мы ходили в гости, темнел огромным собранием сочинений; обложка у него была зеленая. Моя подруга в свои пятнадцать-шестнадцать лет

прочитала Бальзака раньше нас (мы с сестрой были на четыре-пять лет ее младше) и пропиталась его сюжетами и реалиями, а также переводным бальзаковским словарем. Она была сочинительница и любила рассказывать нам придуманные ею самой романтические повести из французской жизни, как Шахерезада: понемножку, оставляя самое интересное на завтра. Летом мы забирались в черничник и собирали ягоды с кустов в бидон, ползая на коленках по колкой от сосновых иголок земле, а она рассказывала, вдохновенно завираясь: «Он распечатал надушенное письмо и побледнел. "Я разорен!" — вскричал Гастон. — "Все кончено!"» Назавтра Гастон снова был богат и ездил в кабриолете, смертельно бледный под широкополой шляпой. «Но как же он выкрутился?» — спрашивали мы. — «Очень просто — он перезаложил векселя». Гастоны, гранатовые деревья, кабриолеты, кринолины, лондонский туман, снега Килиманджаро, живое колесо Сослана и колеса чеховских извозчиков были равно экзотическими, равно волнующими, и никакой разницы между русским и иностранным не было. Книги делились на интересные и неинтересные, и прошло много времени, прежде чем теплившаяся на краю сознания мысль о переводной литературе обрела какую-то плоть. Тот же Золя: написал много, но про бордели и кокоток ведь читать интереснее, чем про шахты и закопченных шахтеров, если только вы не Зигмунд Фрейд, которому про шахты должно быть тоже очень интересно. Кстати, о Фрейде (и Юнге, и Вейнингере, и других, чьи имена забылись) — всех их я прочла в 15-летнем возрасте: у отца была прекрасная библиотека, много десятилетий им собиравшаяся. Фрейд и Юнг (ранний) существовали в виде брошюр на желтой бумаге, в виде кожаных, с золотым тиснением томов: какие-то студентки дореволюционных курсов худо-бедно перевели их на русский язык (впрочем, современные переводы хуже и бедней). «Толкование сновидений» было в тысячу раз увлекательнее Виктора Гюго, поэтому Гюго был иностранным, а Фрейд — русским писателем. Когда же навалилась школа, пытаюсь накрыть нас с головой ватным матрасом советской и одобренно-революционной литературы, — белоглазый Фадеев, подслеповатый Чернышевский, слепой железнодорожный Н. Островский и тихо поднятые щукари — к тому времени я уже наловчилась быстро схватывать содержание непрочитанного и ловко излагать незапомнившееся, чтобы скорее отделаться, так что Бог

распахивал ворота; они водили руками в тумане, — а он брал их за руку и выводил на свет. Слово — это смысл, это внутренний луч; но какой же смысл, помилуйте, можно отыскать в иностранном, невнятном, темном слове?..

Как-то раз мне попались в руки две книги Корнея Чуковского: «Живой как жизнь» — о русском языке, и «Высокое искусство» — о переводе. Книги гениальные, — изрытые оспинами цензуры и самоцензуры, уклончивые, хитрые, недоговаривающие, через положенное число страниц расшаркивающиеся перед издателями-идиотами, перед публикой, занесшей гневное перо для доноса, — и, несмотря на все расставленные на пути рогатки, проволоки и прочие тернии — гениальные. Сейчас, «земную жизнь пройдя до половины», я благодарна ему бесконечно за то, что он, как никто, научил меня видеть и слышать слово. Сам он владел им виртуозно, и только по всеобщему несправедливому недосмотру недооценен как мастер, и вспоминается в первую очередь как «любитель детей» и автор «откуда — от верблюда». Впрочем, недаром же он в другой своей ипостаси — пленительный детский писатель, и первым, в компании трагического Колобка и таинственной Курочки Рябы, встречает русского ребенка на пороге здешней речи. Я сильно чувствую, — во всяком случае, по себе, — что дети — это взрослые, лишенные языка, взрослые с полноценной душой и полноценными чувствами, вынужденные вслепую и втемную, как после ранения в голову или приступа амнезии, заново находить, нащупывать, восстанавливать отнятый, недоданный, забытый язык.

Книги Чуковского меня устыдили и поразили. Помимо понятного мне, любимого и пластичного, казалось бы, знакомого русского языка и того, что на нем сочинено и написано, передо мной открылись необозримые пространства других языков, тоже кем-то любимых, тоже гибких и сверкающих — от финского до киргизского, — и на всех этих наречиях люди пели, плакали, думали и объяснялись друг другу в сложных чувствах, писали сложные и прекрасные стихи, стучались в двери с мыслью, родившейся в чужеземном мозгу, на иностранном языке — невероятно! Банальное открытие, но оно меня поразило. Вдруг стало стыдно своего невежества, лени, неуважения к «немцам» — всем тем, кто не разговаривает ясно и красиво. Вдруг стало понятно и то, что прекрасные книги, столь любимые мною, кто-то сочинил на своем невнятном для меня, темно бормочущем

языке, а некто другой приклонил ухо, разобрал, понял и взял на себя тяжкий труд донести это до меня, перевести, переосмыслить, подобрать слова, сравнить, взвесить, чем-то пожертвовать, устроить и организовать, накрыть пиршественный стол, чтобы самому скромно уйти в тень примечания, отойти в сторону, слиться с толпой.

Мне открылась вдруг сполна тяжесть каторжного труда переводчика, подвиг его, ничем практически не вознаграждаемый, мало кем ценимый, потаенный. Подобно Адаму, он вынужден вновь и вновь давать имена вещам, предметам, понятиям чужого, тайно и буйно цветущего за оградой сада. Но сад меняется, отцветает, опадает, зарастает и глохнет, ускользает, превращается, преображается, отплывает кораблем от причала и растворяется в тумане, с нами же остаются лишь смутные очертания парусов да скрип снастей.

А не то, оборванный и исхудалый, переводчик возвращается к нам с мутоватыми отпечатками, — фотографиями чужеземных краев, с чемоданом, полным помятых сувениров. Он извлекает из карманов слипшиеся сухофрукты и клянется, божится, что это и есть плоды райского сада; разглаживает на колене мятые бумажки: вот истинные карты Эдема. Что мне с этим делать? Да и правда ли он был там, верить ли ему? А где же ветер чужих морей, где мокрый снег, облепивший силуэты северных стрельчатых колоколен, где тени от качающихся фонарей, где запах камня? Пошел вон, ты ничего не понял, ничего не привез! Оглядываясь назад, на гору прочитанной и забракованной мною иностранной литературы, я с горечью и сожалением осознаю, сколько прекрасных писателей, сколько чудных голосов загубили для меня гугнивые, косноязычные толмачи, криворукие и торопливые халтурщики. Равнодушные к русскому языку, рабы иностранных синтаксисов, они словно бы никогда не брали в руки ни Тургенева, ни Гоголя, ни Бунина, ни Лескова. Больше всего, кажется, пострадали наиболее востребованные литературы: английская и французская. Жесткий порядок слов в английском, неощутимый, естественно, в оригинале, превращается в переводе на русский в прокрустово ложе, а Прокруст, как известно, не только обрубал ноги слишком долговязым жертвам своего гостеприимства, как о нем обычно думают, но и растягивал низкорослых, соединив в своей острой умной кровати и плаху, и дыбу. Все эти «я положил мою руку

в мой карман» и «раньше я ее видел, но теперь я не вижу ее» в переводах с английского, все эти «что до меня, то я...» и «моя шляпа, я нашел ее тесной» в переводах с французского, и вечное «не так ли?» в переводах с любого иностранного, подхваченное в конце XVIII века у бежавших от Французской революции парикмахеров, выдававших себя за аристократов.

«Голос баронета вибрировал и все его члены дрожали как в лихорадке», «О, мой Бог!— вскричала молодая женщина, дико озираясь и вращая глазами»,— таков образ расхожей зарубежной литературы XIX века, оставшийся с детства в моей памяти, и прошло много лет, прежде чем я осознала, что иностранные писатели ничего подобного не писали, герои их ничем не вращали и не вибрировали, «ландшафты» не расстилались и, вообще, все было совсем не так, как наврали переводчики. Но в детстве мы всеядны, проглотим и «ландшафты», и «ее мраморное лицо статуи в черной рамке кудрей», хотя впечатлительному воображению отделаться от «статуи в рамке» не так-то просто, и все время хочется рамку отодрать.

Зато какое блаженство, когда перо равнодушного переводчика набрасывает для вас пейзажи живые и дышащие, когда герои, избавившись от паркинсонизма и хронического лупоглазия, плачут, смеются и разговаривают, как нормальные люди, и гравий правильно шуршит под колесами, и вьюнок цветет, и какие-то чепчики мелькают в окошке! Из поздних открытий — упоительный перевод Лу Сунлина, сделанный гениальным китайцем Василием Алексеевым («Рассказы Ляо Чжая о чудесах»). Вот где каторжный труд — переводы с китайского! Недопереведешь — ничего не будет понятно читателю; перепереведешь — китайцы превратятся в среднеевропейских иностранцев. Академик Алексеев нашел какой-то особый способ выбора и соединения русских слов, создав особый русский язык, с другой, так сказать, кристаллической решеткой. Состав вещества остался прежним, но приобрел новые свойства. Читаешь — и создается иллюзия, что читаешь по-китайски (не зная ни одного слова), что ты — в Китае, где «все жители — китайцы, и даже сам император — китаец», как писал Андерсен. Более того, еще немного — и сам китайцем станешь. Вообще же, средневековая китайская литература, когда она попадала мне в руки, всегда меня завораживала отсутствием точек пересечения с европейской нашей, привычной словесностью. Мнится, что читаешь про Фому, а

нет — про Ерему. Мне было лет десять, когда мне в руки попался номер «Иностранной литературы» за 1955, кажется, год. (Нам ничего читать не запрещали, единственную книжку, которую родители спрятали в чулан, — непристойные турецкие сказки «для взрослых», с ненормально пристальной фиксацией этого народа на фекально-вагинальном дискурсе, — мы с сестрой все же нашли, и очень веселились, и после уж турецкой литературой никогда не интересовались.) В «ИЛ» была напечатана увлекательная китайская повесть, XIV, что ли, века, с любовной тематикой. Герой, молодой красавец, поллюбил молодую, и тоже прекрасную, гетеру, а страстное чувство вспыхнуло при следующих обстоятельствах: молодые люди, прежде чем приступить к любовным утехам, пьянствовали в публичном доме (выпили несколько чайников теплого вина). Шепот, робкое дыханье, трели Со Ло-вья. И вот красавице стало плохо, и она начала блевать. Молодой человек почтительно подставил девушке свой шелковый рукав, расшитый фениксами, и она наблевала ему в рукав. После чего отключилась, а он сидел до утра и стерег ее сон, — с полным рукавом, естественно. Утром она проснулась и горячо благодарила кавалера за галантность, он же горячо благодарил ее за то, что удостоился, — и так далее. Так вино сближает сердца. Очень понравилось. Еще была замечательная книга — «Троецарствие», любимая, говорят, книга всех китайцев, их «Война и мир». На европейский вкус, прелесть ее в том, что ее можно раскрыть в любом месте, — на любой странице описывается все то же самое. (Тут смутно вспоминается Борхес.) Но есть и подробности: так, некий генерал возвращается домой и сообщает жене, что все кончено: он проиграл битву, и теперь будут казнены он сам, она, вся их многочисленная семья, чада и домочадцы, а также дальняя родня, слуги и однофамильцы. Реакция жены такова: «Так о чем же тут долго рассуждать?!» — с возмущением вскричала она и разбила себе голову о потолочный столб. Так же прекрасна и средневековая японская литература. «Рассказы у изголовья» Сей Сенагон — моя настольная книга. Я отдаю себе отчет, что японец читает ее другими глазами, но тут уж ничего не поделаешь.

Совсем другое дело — помянутый не всуе Борхес, которого мне все равно на каком языке читать. Говорят, что у него прекрасный испанский язык; верю; но испанского не знаю. На русском же и на английском для меня возникает одинаковый

эффект, может быть, потому, что Борхес одинаково хорошо переведен на оба языка, а может быть, по другой причине. Он пишет коротко, сжато и точно, — хочется сказать, эргономично, — а в результате получается изумительно красивая ментальная конструкция, которая трансцендирует слово. Для меня это тот редкий случай, когда содержание и структура текста заставляют едва ли не забыть о тех словах, с помощью которых достигается эффект. Борхес нужен мне постоянно, я все время его перечитываю и таскаю за собой по всем странам и континентам, чтобы море человеческой глупости, прагматичности, сиюминутности, кое-какности и спущярукаваемости не захлестнуло меня. Когда я преподавала в Америке курс литературы (это было что-то вроде «всемирной литературы», то есть столько лучших текстов, сколько можно было вместить в три с половиной месяца, или 26 занятий), Борхес одновременно был для меня и спасательным кругом в волнах американского студенческого менталитета, и пробным камнем. (Можно ли быть и кругом, и камнем одновременно? — вопрос тоже вполне борхесовский. Можно.) Чистое умственное усилие, которое необходимо сделать, чтобы прочесть, усвоить и осмысленно пересказать кратчайший рассказ Борхеса, не смог произвести за шесть лет ни один из 330 студентов, с которыми мне пришлось иметь дело, а ведь среди них были и умные, и способные. В чем тут дело, почему именно Борхес не дается американским молодым людям (возраст — от 18 до 22 лет) — разговор особый. Рассказ «Алеф», такой кристально ясный, такой стройный, такой остроумный и глубокий, подарок для ума, — нет, ни в какую не читается. Про что рассказ? — неделя на размышление. «Ну вот это, ну он ходит в гости к этому, забыл имя». — «Кто ходит?» — «Не знаю. Я не понял». — «От чьего лица написан рассказ?» — «От лица?..» — недоумение. — «Как рассказ написан, от первого лица или от третьего, кто рассказчик?» — «Я не знаю». — «А зачем "он" ходит?» — «Зачем? Я не знаю. Там не сказано... А! Он торт принес!» — «Он приходит, чтобы съесть торт?» — «Нет... Ну да, там эта женщина умерла, забыл имя, и он ходит». — «Может быть, он ходит из-за этой женщины?» — «Но она же умерла, чего ходить...» — «Если умерла, то и ходить незачем?» — «Да!!! — Студента внезапно прорывает. — Мне не понравилось. Не понравился рассказ. Зачем он ходит, когда она умерла? Он должен жить своей жизнью. Должен смотреть вперед.

А он смотрит назад. Это негативно. Ничему меня не учит. Мне это не нравится. Вот. Я поэтому не стал запоминать. Я такое обычно не читаю».

У нас дома была замечательная американская детская энциклопедия двадцатых годов, называлась «Book of Knowledge», томов двадцать. Плотная пожелтевшая бумага, черно-белые картинки, каждая страница в прихотливой рамке: модерн. Картинки там были прелестные: американские хорошенькие детки, в шляпках и кушачках с бантами, сидели на лавочке, разглядывая научные книжки, кормили стерильно-чистых курочек и незасранных овечек, смотрели в микроскоп, помогали мамочке (или прислуге?) накрывать на стол в просторных, чистых кухнях, — небывалое зрелище. В городах ввысь тянулись небоскребы, по улицам бегали деловитые господа в котелках, из автомобилей выглядывали дамы умопомрачительной, сдержанной элегантности. А лучше всего был паровоз, мчавшийся среди высоких елей в таких оглушительно непролазных сугробах, что пришлось приделать к нему особый снегоотбрасыватель, из-под которого снег летел, как две стены, на обе стороны. Техника сама по себе меня никогда не завораживала, но вот эта первозданная природа, сквозь которую не всякий паровоз пропадет, этот снег, эти ели, эти чистые дома и воспитанные детки, — без соплей, матерщины и свинства, — поразили на всю жизнь, создали ложный образ Америки (которую они потеряли), — умненькой, черно-белой, занесенной снегом. Эх, ребята, все не так, все не так, ребята... К тому времени, когда я туда попала, почти все железные дороги уже были разобраны, и только иногда в маленьких пенсильванских городках или же в Новой Англии видишь старые рельсы, заросшие ностальгической травой. А все детки, и все дамы, да и все господа одеты в униформу: штаны мешком, футболка мешком, бейсбольная кепочка задом наперед. Уж не говорю про Микки-Мауса. Может быть, той Америки, которая мне так нравилась в детстве, никогда не существовало, но в американской литературе я ищу ее следы. Слабое дуновение той придуманной первозданности слышится мне в рассказах Юдоры Уэлти (если она сегодня жива, то совсем уже старушка), но это — Юг, а мне бы Севера. Фланнери О'Коннор — гениальная писательница, тоже Юг. Сэлинджер, увы, больше не пишет, заперся в доме и, кажется, сошел с ума, какая жалость. Из старых писателей замечателен Мелвилл, которого сами амери-

канцы долго не ценили, а теперь обнаружили, что проспали гения. «Моби Дик» — одна из вершин мировой литературы. О. Генри тоже гений, но американцы об этом не знают. Им кажется, что слишком простенько. Ну, спите дальше, дорогие товарищи. Читайте своего Апдайка, который хорош только на растопку.

В общем и целом, жизнь моя сложилась так, что знание иностранных языков отбило у меня охоту к чтению иностранной литературы. Это не парадокс, а следствие всего того, о чем я сейчас только что сказала: когда видишь убогие, сляпанные на скорую руку переводы, дощатый забор, сквозь который слишком явственно просвечивает стройное, недоступное здание оригинала, то возмущаешься переводчиком, оскорбляешься и за русский, и за английский-французский, с которого переводили. Думаешь: не буду тратить время на это безобразие, прочту в оригинале. А когда берешь в руки оригинал, то, если он достаточно изысканно написан, часто не хватает знания того же английского-французского. Ведь языки эти бездонны, как и всякий язык, и перед их словесной пучиной чувствуешь себя утлой лодочкой. Я читала в оригинале Сэлинджера, О. Генри, Хемингуэя, Мопассана: на вкус они совсем не таковы, как в переводе, хотя переводы хороши. Читала еще три-четыре десятка писателей. Но много ли прочтешь, глубоко ли проникнешь, если, конечно, не скользить глазами по строчкам, в нетерпении узнать, что будет дальше; я и так знаю, что будет дальше. Не «про что», а «как», а точнее, «как про то, что» — все же было и остается основным удовольствием и смыслом словесного искусства. Американский английский полегче, если не считать обильного, модного, все время обновляющегося сленга, совершенно для меня недоступного, а вот британский английский, с его емкими кратчайшими словами, труден. Мне сейчас жаль, что я, ленивая и нелюбопытная, бессмысленная и беспощадная, упустила время в юности, поздно спохватилась и не усвоила того, что мне так щедро, четырьмя руками преподносилось, того, что казалось неисчерпаемым. Рог изобилия пуст, деда нет, отца нет, и некому стоять укоризненным Командором за моей спиной, некому смотреть на меня поверх очков с комическим гневом по поводу невыученного урока. Я только дышло этой фуры, я только тень его фигуры... Дай Бог успеть хоть русский освоить.

Оттого что я долго делила литературу не на русскую и иностранную, а на интересную и неинтересную, мне нужно и

сейчас делать некоторое усилие, чтобы сообразить, какие авторы — иностранные. Ведь когда — как в детстве — читаешь все подряд, то в голову не приходит поинтересоваться национальной принадлежностью автора. Так, я читала в свое время англичанина А. Кронина, уверенная в том, что это — русский писатель, какой-нибудь Анатолий Иванович. Его герои носят иностранные имена, но это еще ни о чем не говорит. «Война и мир» тоже ведь начинается с нескольких страниц французского текста, а у нас дома стояло издание дореволюционное, с ятями, набранное каким-то волосатым неудобочитаемым шрифтом, и я долго избегала Льва Николаича, держа его за иностранца и зануду. С другой же стороны, если иностранное — это другое, это экзотика, это то, чего здесь нет, то иностранным можно было считать все несоветское, все непривычное, несегодняшнее. Был ли русским писателем Набоков, которого привозил, а вернее, провозил из-за границы мой отец — спрятав провозимое на животе, под брючным ремнем? «Брючная» литература стояла на особой полке, во втором ряду. Напечатан Набоков был, как и все «брючники», на очень белой бумаге, так что читать его в метро или в дачном поезде не рекомендовалось; ветераны труда любили заглянуть через плечо: что читаешь, сволочь очкастая? — а этого нам не надо. (Как вспомнишь все эти правила поведения, Боже правый! Белое в транспорте не читай, ксероксы не читай, иностранный журнал не читай, а иностранную книгу почему-то — пожалуйста, только газеткой оберни.) Этот надменный холодок, витающий над каждой набиковской строчкой, эта интонация полной неподотчетности никому и ничему, этот привкус внутренней свободы, так естественно, природно ему давшейся, этот явственный коварный огонек во взгляде: ах, ты думал, что прочитал мою книгу и все понял? — подумай-ка еще раз... где спрятан зайчик? — а зайчик, как положено, висит вниз головой в кривоватой листе развесистого дерева над головами двух ни о чем не подозревающих удильщиков, и пока они выуживают никому, и им в том числе, ненужную рыбу из бумажной речки, над их панамками, в зените, сошедшая с ума фауна в сговоре с уступчивой флорой застыли в странном симбиозе... и фокус в том, что читатели, отвлекшиеся на поиски зайчика, радостно догадавшиеся о его местонахождении, не задаются вопросом: а как он, собственно, там оказался? а возможно ли зайчику быть в ветвях-то? — и проваливаются, к удовольствию писателя, в очеред-

ную расставленную им ловушку; таков Набоков; пятясь назад из этой далеко забравшейся фразы, кинем взгляд окрест: на вечерние берлинские огни, на тюльпаны обоев, опрокидывающие кирпичную стену в прозрачную степную даль, — та улица кончается в Китае, а та звезда над Волгою висит, — и спросим себя, какая это литература: русская, эмигрантская, иностранная? А то, что он писал на трех языках, а то, что «Лолита» написана сначала не для нас, а уж потом для нас, а то, что поздние его романы надо, чертыхаясь, переводить назад на русский! Причем и тут рассованы зайчики: в одном из этих романов, как говорила мне американская славистка (передаю с чужих слов, так что не помню, в каком именно), есть, например, фраза, имеющая мало смысла по-английски. Машинально, задумчиво славистка перевела ее на русский и увидела, что все слова в ней начинаются на букву «к»... (Так в одном старом английском фильме умирает дядюшка-шутник, всю жизнь развлекавшийся тем, что устраивал родственникам pranks и practical jokes; в последний миг перед смертью он успевает поджечь зажигалкой уголок газеты, которую читает у его одра ни о чем не подозревающая сиделка. Через три секунды газета вспыхивает ярким пламенем, визг!!! — но дядюшка уже умер, довольный.) То, что Набоков не получил Нобелевскую премию, только лишний раз говорит о человеческой тупости и политической трусости Нобелевского комитета, хоть это и не новость; на Страшном литературном суде то-то мук будет для них приготовлено! то-то скрежета зубовного! до скончания веков будут они читать бухгалтерские отчеты и передовицы провинциальных газет.

По существу, мне все равно что читать: художественную литературу, мемуары, книги о путешествиях или труды по психиатрии и психологии: там тоже есть свои пригорки и ручейки. Одной из любимых книг в детстве были «Рассказы о врачах» (книжка потерялась, и автора я не помню). Там были чудные старинные гравюры: Амбруаз Паре в шекспировском гофрированном воротнике, ручной пилой отпиливает ногу страдальцу в камзоле; слуга подносит больному кубок с вином, чтобы тот «забылся». Изобретатель хлороформа испытывает новое средство на себе и, впад в бесчувствие, чуть не умирает под марлевой маской; его спасает вбежавшая квартирная хозяйка, толстая, в чепцах и лентах, вся вихрь и тревога. Средневековые врачи, в плащах, со шпагами, ночью несут покойника, снятого

с виселицы, в анатомический театр, чтобы вскрыть его во славу науки... Глава Британского королевского научного общества категорически отрицает кровообращение... Лежа в постели со свинкой или корью, я читала обо всем этом с понятным сердцебиеением и мечтала стать медсестрой, — не врачом, а именно медсестрой, не чтобы самой, ужас какой, что-нибудь отпиливать, а, в лентах и чепцах, сострадательно склоняться над болящим, поднося ему двуручную чашу церковного кагора, или же позаимствованной из других книг мальвазии. Про медицину читать так же волнующе, как и про путешествия, да, собственно, это одно и то же. В том же детстве я было радостно схватила книгу под многообещающим названием «Чума», предвкушая верблюдов, пыльные и опустевшие азиатские города, ковры, чинары, воронье, белые чалмы, минареты и героических врачей, смело вступающих на ступеньки глинобитных домов, где притаилась невидимая зараза; но это оказался всего лишь зануда Камю.

А медицинские энциклопедии с медально-звучными тройчатками имен, прицепленными к каждому синдрому! А приложения на пластинках: «Голоса сумасшедших»! А «Учебник по психиатрии для средних медицинских заведений» с фотографиями, с подписями: «Больной З. прислушивается к голосам, требующим, чтобы он выпил бутылку портвейна»! Требующим! Кафка, где ты?.. Последние несколько лет я читаю книги Оливера Сакса, американского (а прежде английского) нейропсихолога (или психоневролога?), совершенно замечательного писателя и нестандартно мыслящего врача. Одна из первых книг — «Человек, который принял свою жену за шляпу» («The Man who Mistook his Wife for a Hat»). Другие его книги — «Seeing Voices», «A Leg to Stand on», «Anthropologist on Mars». Жанр — документальные медицинские новеллы и романы, повествующие о невероятных свойствах человеческого мозга, его фантастических (во всех смыслах) возможностях и способностях, которые проявляются не тогда, когда человек здоров, или, лучше сказать, находится в норме, но тогда, когда его психика отклоняется от нормы из-за ранения или болезни. Один из примеров, наверно, всем знаком по фильму «The Rainman» («Человек дождя»), где Дастин Хофман играет аутистического шизофреника с ненормальной памятью и странными математическими способностями: когда на пол падает коробок спичек, он может сразу же назвать их число. Это действительно случай, и Сакс описы-

вает близнецов, обладавших теми же способностями. Другие странности напоминают рассказы фантастов: например, случай с итальянским художником, который, живя в Калифорнии, видит перед собой (глазами видит, а не воображает) родную деревню, из которой он уехал десятилетия назад, и воспроизводит ее в мельчайших деталях десятки раз подряд, «при этом ничего другого он нарисовать не может». Похожий рассказ о видении на расстоянии есть у Уэллса. Некоторые случаи невозможно и вообразить: музыкант, художник (!) и педагог, пытающийся, уходя из гостей, надеть на голову вместо шляпы собственную жену, так как он не видит, не понимает разницы... Человек, испугавшийся собственной ноги и пытающийся оторвать ее от себя, как чужеродный предмет. Женщина, страдающая аутизмом, и поэтому не способная испытать никаких эмоций: она ищет в словаре определение слова «любовь», но все равно это чувство для нее загадочно; женщина эта строит для себя машину-обнималку: ложишься в нее, и машина стискивает тебя со всех сторон. Лишь тогда что-то слабо брезжит на горизонте ее чувств... А люди с синдромом Туретта, живущие с невыносимой скоростью: они пляшут, дергаются, высовывают язык со скоростью хамелеона, ловащего муху, будто передразнивают окружающих, — десятки тиков в секунду! — тараторят, матерятся, и не могут ни на миг остановиться! А те, наоборот, кому надо несколько часов, чтобы донести руку с колен до носа, чтобы почестать его, а для них, в их сознании, проходит лишь одно мгновение! А кататоники с болезнью Паркинсона, которые не способны пошевелить ни ногой, ни рукой, так что если их поставить на гладкий пол, они могут простоять так сутками, в нелепой, искаженной позе, молча: язык их тоже скован. Но если подвести их к лестнице, или горке, и подтолкнуть, то они побегут как молодые, болтая и радостно смеясь. Все это — про людей, все это — правда. А последняя его книга, которую я прочитала, счастливо соединяет в себе медицину с путешествиями: Сакс описывает свою поездку на крошечный, как крупичка соли, остров Понпей в Тихом океане: не на каждой карте он и обозначен. Там, в силу исторических обстоятельств, большая часть населения цветослепые (это не то же, что дальтоники). Когда-то, несколько веков назад, из-за страшных ураганов погибло почти все население острова, а вождь племени, от которого родилось новое многочисленное потомство, передал несчастным свой мутировавший

ген цветослепоты. Люди эти не только не различают цвета, они плохо видят, не выносят солнечных лучей, днем вынуждены прятаться в хижинах. Из-за сильной близорукости дети не могут читать, плохо учатся в школе и считаются глуповатыми, хотя это и не так: обычные дети. Зато ночью наступает их час: в темноте они видят как кошки, плавают в море с открытыми глазами и ловят рыбу голыми руками. Сакс приехал на Понпей не только как любопытный исследователь. Изучив проблему, подготовившись, он привез простое лекарство: солнечные очки, сотни солнечных очков, но не обычных, а плотно прилегающих к лицу, не пропускающих ни лучика тропического солнца. Вообразите эту картину: сотни мгновенно прозревших детей, с радостными воплями разбежавшихся по всему острову! Но прекращаю дозволенные речи; книги эти надо переводить и печатать, а не пересказывать.

Из европейских писателей я люблю Исаак Динезен (она же Карин Бликсен), знаменитую датчанку, баронессу, половину жизни прожившую в Африке, начавшую писать лет в пятьдесят, причем по-английски. Прекрасный писатель — англичанин Малькольм Бредбери. На короткое время понравился Пол Теру, а потом быстро-быстро разонравился: самодовольство и эгоизм перешибают любые достоинства этой прозы. Он пишет романы о путешествиях, это особый жанр, вроде «что я видел», но видел он в основном себя любимого, а остальной мир вызывает у него брезгливую скуку. Любит писать про то, как любая женщина, неважно где, — в Европе, в Африке, в Азии, — едва завидев его, кидается к нему в объятия и страстно его домогается: подай ей его вот прямо тут и сейчас. Ну какое-то время он снисходит к обезумевшей менаде, а потом смотрит: нет, чего-то не то: и сама не тянет, и семья у нее скучная: папа там, дядя. Пшла вон. А тут уж новая бежит, торопится, все с себя срывает. А па-а-азвольте вам не поверить. Wishful thinking. Отличный писатель — Исигуро, японец, пишет по-английски, потому что американец. Чудная американская негритянка — Зора Нил Херстон, ее переводить, должно быть, очень трудно, потому что она воспроизводит «negro talk» — особый говор, особые интонации, а у нас соответствия этому нет и быть не может. Кундера, на мой вкус, перехвален. Но вообще, как я уже говорила, иностранную литературу я знаю плохо: ведь это океан. Кроме того, есть писатели очень неровные: так, у Джойс Кэрол

Оутс есть великолепные рассказы, но она пишет со скоростью пулемета, и написала массу плохих романов. Она, как говорят, рассчитывала получить Нобелевскую премию, но — «не числом, а умением», и премию дали ее чернокожей сопернице Тони Моррисон, которую я не стала читать, послушавшись Бродского, называвшего ее «уёбищем», и, может быть, напрасно: Бродский был на редкость прихотлив и несправедлив в оценках. Впрочем, претензии к ней у меня идеологические: она преподает литературу в Принстонском университете и учит студентов, что все белые писатели, а также носители белого английского языка, находятся в заговоре против черной расы: нарочно вводят в свой поганый язык выражения вроде: «черная овца», «мрак» и так далее, намекая сами понимаете на что. Это может не помешать ей быть хорошей писательницей. Мои американские коллеги, профессора и писатели, чьим вкусам я доверяю, называют имена многих хороших современных писателей, которые мне ничего не говорят, писателей, которые, возможно, не пользуются большим массовым спросом как раз потому, что хорошие. При этом, говорят они, первый и, скажем, третий романы Такого-то — великолепны, неплох и восьмой, а остальные ужасны. Надо сказать, мне это непривычно: у нас если писатель хороший и мы его полюбили, то мы склонны хвалить все, что он ни напишет (любовь, она такая), а уж если не полюбили — держись. У американской же интеллигенции есть хорошая привычка быть честными во вкусах и оценках, даже если это порой приводит к личной ссоре. А не всегда и приводит: там умеют отделять личность от плодов творчества. Это то, чему мне хотелось бы научиться.

О классиках XX века стоит ли говорить всеу? Кафку я обожаю, Пруста осилила, но перечитывать скучно, Джойса знаю плохо. Фолкнера — тоже. Сартр — не сошлись характерами. Гессе очень любила. Генриха Манна дома у нас не водилось, брала дважды в библиотеке, один раз — была в восторге, второй раз — не могла прочитать двух страниц. Думала, что сошла с ума, ан нет, оказалось — переводы разные. Отсюда все та же мораль. Остальных пропустим, все не расскажешь.

Из древней литературы я люблю «Гильгамеша» (и вообще эпосы мне не скучны, даже «Калевала», правда, прочитанная в детстве, адаптированная до полной обструганности, мне нравилась), волнует меня и древнеегипетская литература, о качестве перевода которой, естественно, не смею иметь своего мнения, но на всю жизнь запомнился мрачный юмор, с которым древ-

ний египтянин описывал тяготы какой-то паршивой и опасной профессии: «и спокойно ему так, как спокойно кому-нибудь под крокодилом»; думаю, что и в наше время так сказать о себе может каждый, от парламентария до ларешника. Да и вообще, на мой вкус, чем древнее, тем интереснее: там, под густой пылью зонов, все такие же живые люди! Когда расшифровали кносские таблички (около XV века до Р. Х.), то прочли хозяйственную запись, образчик бухучета: «Плотник Тириэй не вышел на работу». Ох, знакомо. Потом, конечно, Геродот (самый любимый), Аристофан, Платон, Тацит, Теофраст (этот особенно), Диоген Лаэртий, Марциал, Катулл, Ювенал, Овидий, Гораций; но поэты, опять-таки, сильно зависят от переводчика, хотя на русском им повезло. Вообще, о поэзии я не хочу говорить по той же причине. Знаю ли я Байрона? Я знаю Щепкину-Куперник. Шота Руставели? Знаю Заболоцкого. Хороший поэт. Из Ветхого Завета я больше всего люблю Книгу Экклезиаста, из Нового — Апокалипсис (очевидное предпочтение).

А вопрос о том, что делать, «если завтра война, если завтра в потоп», — традиционный, но нечестный. Во-первых, «если подходить к упаковке багажа с оглядкой на традицию, придется брать с собой семь пар нечистых, а это в условия задачи, кажется, не входит». Во-вторых, вопрос не учитывает на какой срок рассчитан потоп — на сорок дней, что ли? Тогда разумно было бы взять отрывной календарь, сборник кроссвордов и колоду пасьянсных карт. В-третьих и самых простых, когда безвылазно сидишь в ковчеге, хочется прочитать что-то новое, а не перечитывать известное. В-четвертых, вопрос жесток: значит, эти книги я спасу, а остальные пусть потонут? У кого же рука поднимется? Кого сбрасывать с «корабля современности»? Вот есть у меня книга на языке коми, называется «Вояс пыр — би пыр». Чудесная. Вот строки из стихотворения «Порысь мам»:

Эз нештыв мовпсо письмо выльысь.
Од письмо воис ыльысь-ыльысь,
Кон Красной Армияын пи,
Кон выльон мунлис война би...

и далее:

Японской звермом самурай,
Кыт порок тшыпыс ветліс гьон,
Сэн Петыр воклысь шуйга сой
Ён косьын бытшйодлома шьон...

(Примечание: «Шы — пурт сяма японской штык»). Так как же: брать или не брать эту книгу с собой в ковчег? Да я ее первую, прижав к груди, внесу по трапу! В-пятых: ох, не сгладить бы, в наших нищих библиотеках и так то пожар, то потоп, то «тати подкопываются и крадут». В-шестых и последующих, и брошу счет, а то я сейчас запутаюсь, — неподъемный ужас этой задачи я уже переживала в том же колледже, где 330 здоровых американских коблов не могли осилить маленького, слепенького аргентинского старичка. Колледж там у нас, что называется, liberal arts — держите меня, liberal — и вот встала задача, каким образом, лавируя между Сциллой и Харибдой (Харибда в данном случае — политкорректность, и такая прожорливая, господа, что спутникам Одиссея и не снилось) — как вместить в четыре семестра «канон» западной литературы, который, ясное дело, и в десять семестров не вмещается. Нам-то тут в России хорошо, живем пока что без Харибды и не ценим, твари неблагодарные; берем Шекспира и читаем. А там проблема: «Отелло» включать или нет? Вроде бы он негр, так что реверанс сделан, но ведь убивец же? Дальше: «Илиаду» и «Одиссею» обязательно надо включить, но они такие длинные, займут весь семестр! Надо резать. «Я список кораблей прочел до середины...» Мандельштам прочел, а наши студенты не прочтут и о существовании списка не узнают. Немножко из первой песни, потом в серединочке почитают, потом в конце — узнать, чем дело кончилось, пала ли Троя, или доплыл ли, скажем, Одиссей до дома, или съел его Полифем. Кусочек Еврипида в суп кинули. Новый Завет тоже нарезали на кусочки: основу взяли от Матфея, пунктиром — получилось, что Христос быстренько зачался, родился, распялся и воскрес, с бешеной скоростью, мультфильм «Том и Джерри» — и еще немножечко от Иоанна добавили для стилистического контраста и идеологической полноты. На Евангелиях я не выдержала и возопила: побойтесь сами знаете кого, книжечка-то тоненькая, можно за вечер осилить, хоть одно целиком оставьте, а лучше бы все четыре! «Что ты, — говорят печальные профессора, — не знаешь ты наших студентов? Не будут они четыре раза подряд читать одну и ту же историю». — «Но, может, они лучше запомнят, а то они не опознают ни одного евангельского сюжета, а вся европейская литература так или иначе ими пропитана». — «Да не то слово, это страшная проблема, мы сами мучаемся». — «А нельзя ли, —

говорю, — сделать Новый Завет обязательным чтением, потом все остальное быстрее усвоится?» — «Ха-ха, — говорят они, — в том-то и фокус, что это будет считаться религиозным принуждением, а это запрещено! Студенты имеют право отказываться от чтения любого текста под тем предлогом, что это оскорбляет их нравственность или навязывает чуждые взгляды, или пропагандирует чужую веру». Так, по крошке, был составлен весь двухлетний канон. Печален был этот ковчег, но — «пригорюнился заяц, а делать нечего», таковы все ковчегии. Нет, не в моих силах выбирать и отсеивать: все в литературе, как ни поглядишь, цепляется одно за другое, и какую книгу ни возьми — и без нее канон не полный. А вот страстно хочется, чтобы появилась книга совершенно новая, бесконечно интересная, замечательно написанная, странная, ни на что не похожая, но для этого надо угадать, распознать, забрать с собой в ковчег и благополучно провезти через пенные пучины Писателя.

А теперь я с удовольствием отвечу на ваши вопросы.

СОХРАНИТЬ ПРЕКРАСНЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК — НАША ЗАДАЧА

Сегодня, в первые годы нового столетия и тысячелетия, мы чаще задумываемся над тем, что ожидает нас впереди. Становится все очевиднее ограниченность дельнейшего развития общества только посредством технического прогресса и экономического роста.

Будущее развитие определяется прежде всего уровнем культуры, уровнем понимания проблем, которые необходимо решать, и, безусловно, мудростью человека. В связи с этим и возрастает роль образования как главного фактора формирования и развития личности, как источника идей для мышления и политических решений.

Мне кажется совершенно очевидным, что будущее России в значительной мере зависит от того, удастся ли нам сохранить национальную культуру, нормативный русский язык и образование. Культура и язык, язык и история народа, язык и общество — эти темы всегда волновали умы не только гуманитариев, но и многих представителей так называемых точных наук. Эти коренные общественные феномены всегда являлись и являются объектом внимания политических и государственных деятелей, крупных исторических фигур. В живом языке народа отражается вся его жизнь, история его материальной и духовной культуры.

По языковой картине можно изучать национальную. Воздействие культуры на язык очевидно, но и язык в свою очередь оказывает влияние на культуру, что дает возможность изучения культуры народов через язык и речь. И язык, и культура как творения человека являются в первую очередь духовным, мыслительным процессом и лишь затем объективируются в знаки и предметы.

Литературный язык как язык интеллектуального действия в современных условиях претерпевает социальные, психологические и структурные изменения, приводящие к серьезным изменениям в области семантики. Важно при этом иметь в виду, что каждое общество создает слово, яркую и самобытную культуру.

туру, которую в условиях бурного развития компьютерных технологий и межнациональных контактов все труднее сохранить.

Задача университета сегодня — подготовка и воспитание человека, не просто высококвалифицированного специалиста, как принято обычно говорить, а именно человека. При этом очень важно подчеркнуть, что уровень культуры, образования всего народа определяют университеты. Университеты классические, подлинные, своей сутью, структурой и организацией отвечающие значению слова — университет.

Одним из высочайших проявлений человеческого духа является наука, наука вообще и вузовская наука в частности. Духовность без научности столь же ущербна, как и научность без духовности, действительная духовность немыслима без понимания науки, ее места в жизни и культуре, в развитии современной цивилизации. Это прекрасно понимал Петр I, который в своде Законов писал (БСЭ, 3 изд., М., 1969, т. 1, с. 312, 317–322 и др.): «К расположению художеств и наук употребляется обычно 2 образа здания: первый образ называется университет, второй — Академия или Социетет художеств и наук». Именно в этом указе был впервые в России воплощен принцип единения науки и образования. В этом синтезе оба направления — равноприоритетны. И далее: «Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, ако филология и юриспруденция, медицина и философия, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают». Выбор первых наук тоже кажется неслучайным: без медицины — не сохранить жизнь и здоровье, без юриспруденции — законы, по которым должно жить общество, а без филологии и философии невозможно образование. Это основа, важные и необходимые истоки любого образования.

Размышления о духовности — это прежде всего размышления о тех ценностях, на которые ориентируется человек, размышления о внутренней свободе человека, его нравственных принципах, нравственном выборе. Все эти проблемы в наши дни вдруг стали особенно актуальными, так как рост бездуховности в современном нашем, российском обществе нельзя уже не замечать. Закон об образовании провозгласил приоритетность сферы образования. Закон установил и принципы государственной политики в сфере образования. И первый — гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценно-

стей. Гуманизм — это ведь тоже идеология и гуманизация современного образования, науки, признание приоритетного характера общечеловеческих интересов и гуманистических ценностей придают процессу обучения и вузовской науке определенную идеологическую направленность.

Все университетское образование в связи с этим должно привести к сочетанию, во-первых, большой общей культуры, высоких моральных и нравственных человеческих качеств и, во-вторых, высокого профессионализма. Мне кажется эта последовательность принципиальной. Может ли выпускник любого факультета сегодня не открывать книг Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, С. М. Соловьева, не знать об истоках нашей государственности, нашей культуры. Ведь полагаться здесь на школьное образование просто невозможно. Вот только один пример: история России X—XIV веков изучается в 6—7 классах, и в это время поход князя Игоря против половцев или Куликовская битва — не более чем забавная история про войну, ведь «социализация» детей происходит, по данным психологов, гораздо позже. Очень важно, по-видимому, чтобы студент, независимо от факультета, почувствовал свою принадлежность к изучению великой истории своего народа, а значит, к сохранению его историко-культурного наследия, ответственности за него. Это обеспечивает впоследствии обдуманность любых решений, которые придется принимать вчерашним студентам.

Анализируя итоги XX века, мы видим то, что, несомненно, вошло в «коллективный интеллект человечества» — его культуры, и гордимся многими выпускниками Петербургского университета. Вот лишь несколько имен: Михаил Александрович Врубель, блестяще закончивший юридический факультет, Владимир Иванович Вернадский — выпускник физического факультета, Виктор Максимович Жирмунский и Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Всем им и многим другим универснтам обязаны мы высоким гуманизмом нашей науки. Знаменательная история гуманитарных наук в XX веке: складывается их научное лицо, вырабатываются исследовательские методы, определяются позиции в общей системе науки. Ученые-филологи университета делают здесь свои первые определяющие шаги: В. Я. Пропп закладывает основы научного изучения текста, Л. В. Щерба обращается к изучению звучащей речи, исследованию речевой деятельности, анализу «озвучания» художественного текста. Принципы

типологии в литературоведении разрабатывает Б. В. Томашевский. В одной из рецензий 20-х годов на «Теорию литературы» Томашевского эта книга была названа «Первым на русском языке опытом изложения основных элементов науки художественного слова в свете ее новейших достижений». Основы филологического анализа художественного текста с прочным лингвистическим обеспечением закладывались в трудах В. М. Жирмунского, В. В. Виноградова, Б. А. Ларина.

С конца 50-х годов начинаются серьезные экспериментально-фонетические исследования звучащей речи, разрабатываются в лаборатории им. Л. В. Щербы основные принципы синтеза речи, решаются проблемы автоматического распознавания речи, машинного перевода. Естественные науки пришли на помощь гуманитарным, т. к. только их сочетание способно было справиться с решением проблем, на первый взгляд, чисто лингвистических.

Сейчас, мне представляется, именно широкий спектр наук гуманитарных должен лечь в основу подготовки естественников, и широкий общекультурный фон, а лучше сказать, глубокая гуманитарная основа должна стать основанием надежного естественнонаучного здания. И в первую очередь, это — язык, так как для любого выпускника университета владение литературным нормативным языком, умение внешне оформить мысль, довести ее до собеседника — важнейшее условие успеха в своем профессиональном деле.

Никто сегодня не будет спорить о том, что изучение правильного, литературного произношения так же важно, как изучение правильного написания, грамматических норм. Вместе с тем овладение литературным произношением может оказаться процессом более сложным, чем овладение орфографическими правилами.

Развитие средств массовой информации, особенно радио и телевидения, привело к распространению звучащего слова, в последние годы — речи спонтанной, не чтения заранее подготовленного текста, а свободного изложения мыслей, почти импровизации. Это избавило нас от неэмоционального, монотонного чтения. И сколько интересных ораторов слышим мы вокруг! Нельзя, однако, не обратить внимание на то, что за последние почти 20 лет в русский язык вошло огромное количество заимствованных слов (с 1960 по 1985 год всего 9 тысяч новых слов,

а с 1984 — более 30 тысяч), проникли в литературную речь сниженные пласты лексики. Полная свобода в способах выражения мысли приводит язык к замедлению его естественного развития, т. к. языку все время приходится обороняться от вторжения «инородных тел». Кроме того, с одной стороны, усилилась бюрократизация языка, а с другой — в письменную речь включаются элементы устной. Утрачивается высокий стиль (напомним, что Владимир Соловьев считал, что словом высокого стиля мы обращаемся к Богу, среднего — к другому собеседнику, низкого — к себе самому). Исчезновение высокого стиля привело к тому, что вульгарный, низкий занял место среднего, традиционно являющегося источником поступления в нормативный язык элементов системы.

Безусловно, совсем еще недавно язык был задушен штампами, жесткой идеологизированностью. Именно поэтому речь, звучащая с высоких трибун, заполнявшая газетные страницы, была справедливо названа деревянной.

Потребность общества в нравственном преображении связывается в первую очередь с религиозным началом. Возвращение религиозных праздников, появление специальных программ для взрослых и детей возродили набор лексических единиц. Это и названия праздников, связанных с церковным календарем (Рождество, Крещение, Пасха), и титулы духовных лиц (патриарх, митрополит, экзарх, архиерей и др.), и номинации, связанные с текущим процессом церковной жизни (панихида, анафема, отпевание, крещение, крестный ход, молитва, литургия, алтарь, кадило, риза, крест, псалтырь), и лексика, связанная с выполнением обрядов (говеть, поститься, святить и т. п.).

Вместе с тем перестройка принесла вседозволенность, языковая культура резко упала. Средства массовой информации буквально захлестнул поток просторечных, жаргонных, а нередко просто непристойных слов. Лексика первой откликается на все перемены в жизни языка, причем иногда откликается немедленно. Эти процессы мы все можем наблюдать в последние 10—12 лет на примере русской лексики.

Изменения в политической, экономической и общественной жизни нашей страны, как лавина, вклинились в речь.

Каждая эпоха, как правило, имеет свои ключевые слова, в которых отражаются устремления общества этого исторического периода. Искусственное увеличение частотности таких слов

приводит к тому, что они становятся своеобразным символом своего времени.

Слово «перестройка», появившееся в начале XVIII века, было таким символом приблизительно в течение 5 лет (с 1985 по 1990). Это слово, как в свое время «спутник», вошло во многие языки мира.

Регулярное использование слова «перестройка» привело к существенному изменению его положения в системе языка. Оно довольно быстро перешло из категории нейтральных в социально-оценочные, переместилось в иное семантическое поле, общее со словами «демократия», «гласность», «свобода».

Сравнительно быстро изменилась и сочетаемость слова. Если раньше это слово использовалось в сочетаниях с существительными конкретной семантики (перестройка дома, хозяйства, органа), то постепенно оно стало лексической единицей терминологического характера (революционная, радикальная перестройка, перестройка в сознании, в политике, в экономике)¹. Слово «перестройка» стало как бы первой точкой в общей линии слов. За ним последовало слово «гласность». Оно также было принято другими языками в русской транскрипции. И, наконец, к словам-символам примкнуло и словосочетание «новое политическое мышление», по существу означающее стремление использовать научные методы и подходы в политической деятельности. Все эти слова в силу высокой частотности употребления изменили семантику, сочетаемость и приобрели определенные позитивные коннотации.

Постепенно общество начало обращаться к человеку. Уникальность человеческой личности, ее суверенность стали противопоставляться бездуховности и стандартизации сталинского «винтика». На страницах газет, по радио и в телепередачах появились уже забытые — «я думаю», «по-моему», «я считаю», «на мой взгляд», вытеснив: «Мы, советские люди», «Весь советский народ», «Вся молодежь» и т. п.

Вылившаяся на слушателей спонтанная, не подготовленная заранее речь неминуемо привела к проникновению просторечных, сниженных форм. Они проникли и в высокие, официальные стили речи, в поэзию, в язык государственных и культур-

¹ Г. М. Постелова. Социальные ориентации общества в зеркале прессы. Вестник Московского университета, сер. 10, «Журналистика», 1991, № 5 и 6.

ных деятелей, в информацию на международные темы, в хронику официальных событий. Так, например, слово «вычислить» в значении отыскать, обнаружить, найти кого-нибудь, «прикинуть» в значении приблизительно определить, «тусовка» в значении собрание, встреча, «оттянуться», что значит отдохнуть, хорошо провести время, «стрелка» (место встречи и т. п.), «крутой» (строгий, хороший, сильный, влиятельный) и т. п.

Некоторые слова ушли из обихода (невыездной, партгруппа, диссидент, подпольная культура, колхоз). Стали часто употребляться новые растабуированные (наркомания, проституция, которых как бы не было в советской жизни), выброс, грязь (радиоактивная), рэкет. Новые экономические отношения ввели целый пласт слов, еще 8—10 лет неизвестных рядовым носителям языка (брокер, дилер, консалтинг и др.). Принятие огромного количества заимствованных слов привело к созданию сложной сети неопределенных терминов, которые постепенно вытесняют традиционные слова, отражающие национальные особенности речемысли.

Вместе с тем, пожалуй, только Петровское время может сравниться с интенсивностью внедрения в русский язык лексики заимствований. Ряд слов — результат широких международных контактов в научно-экономической и научно-технической областях. Это слова типа (консорциум, продюсер, ноу-хау, офис, билдинг, технополис). Это и весь широкий пласт лексики, связанный с компьютерными технологиями (компьютер, принтер, WWW-провайдер, диск и т. п.). Вместе с тем большую тревогу вызывает частота употребления иностранных слов, имеющих синонимы в русском (рейтинг, истэблишмент, ротация, плюрализм, брифинг, пресс-релиз, хит-парад, видео-клип, андерграунд, шоу-бизнес, поп-арт и даже выставка-шоу). И уже совершенно невозможно мириться со словами типа юзеры (пользователи), шузы (ботинки), шоп (магазин). Но особенно настораживает какой-то особый шик так называемых интеллигентов, употребляющих бранные слова, а часто отборный мат.

Страницы газет и журналов заполнили слова: мужик и баба, тусовка и разборка, рехнуться и зарубить (в значении прекратить), дурить и ерепениться, накропать и нахапать, чернуха и крутой, торгаш и сделки. Часто слышим неправильные формы слов: прибыля и площадь (вместо прибыли и площади), ехай (вместо поезжай), помидор, апельсин (вместо помидоров, апель-

синов); инцидент (вместо инцидент), компетентность (вместо компетентность), подскользнуться (вместо поскользнуться). Нарушаются нормы ударения, например: жалюзи (вместо жалюзи́), кварта́л (вместо кварта́л), ката́лог (вместо ката́лог), обеспече́ние (вместо обеспече́ние) и т. п. В ряде случаев нарушается согласование слов: там будут (вместо будет) масса подробностей, нехватка с продуктами (продуктов), поясню о важности (важность), около триста (трёхсот) рублей, получил около восьмиста (восьмисот) звонков.

Искажение, а зачастую и разрушение русского языка неминуемо ведет к разрушению культуры, общественного сознания, нравственности и морали. Безусловно, со временем русский язык избавится от всего случайного, всего коммуникативно неоправданного, как это уже не раз бывало, но сегодня кажется, что возникла угроза самобытности нашего прекрасного языка.

Именно поэтому сегодня особый смысл приобретает тот факт, что профессор петербургского университета М. В. Ломоносов первым в России в 1747 году прочитал курс лекций по физике на русском языке.

Особого внимания требует и интонация речи. Все может соответствовать норме в определенном высказывании: нормативная лексика, правильное произношение слов, — но общее впечатление неинтеллигентности, резкости и даже грубости может создать интонация. Резкое повышение частоты основного тона, скачки интенсивности, отсутствие пауз — настораживает и приводит к нежеланию общаться с таким человеком. А если общаться приходится!

Приезжие до сих пор отличают особую мягкость петербургской речи, отсутствие резких скачков тона, рубленности речи — всего того, что так отталкивает. Создается впечатление дружелюбности, внимания к собеседнику, интеллигентности. Плюс к этому улыбочивость встречных, стремление объяснить, посоветовать — и в результате — «Петербургский стиль», может быть, понемногу утрачиваемый, но, к счастью, сохранившийся и выгодно отличающий наш город от других городов России.

Культура ученого, культура преподавателя должна быть особой: нужно не только донести до студента все то, что знаешь сам, но и увлечь, заразить любовью к предмету, к избранной специальности, к своему университету.

Без яркой образной речи, наверное, это сделать трудно.

Что же происходит с языком, почему он так изменяется?

Отсутствие четкого и ясного определения нормы, споры лингвистов относительно ее статуса связаны, по-видимому, со сложностью и противоречивостью самих языковых явлений.

При изучении языка лингвист неминуемо сталкивается с двумя видами явлений, имеющих одинаково важное значение.

Это, во-первых, свойства данного языка как системы (внутренние свойства); во-вторых, социолингвистические и психолингвистические факторы, связанные с функционированием данного языка в определенном языковом коллективе в определенный период времени (внешние факторы). Однако строгое и последовательное противопоставление внутренних и внешних факторов едва ли осуществимо ввиду тесной связи и взаимообусловленности их в жизни языка.

Любой национальный язык (т. е. язык всей нации) представляет собой совокупность разнообразных явлений, таких как литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты, жаргоны.

Уже при классификации этих явлений мы сталкиваемся с переплетением собственно лингвистических, внутренних свойств языка и социолингвистических, внешних его свойств.

Представление о литературности—нелитературности (нормативности—ненормативности) со временем изменяется, и это связано, в первую очередь, с процессами развития и изменения литературного языка.

Противоречивость подходов к рассмотрению языковых явлений создавалась вследствие неразграниченности языка и речи. Однако и после того, как Ф. де Соссюр сформулировал общелингвистическую теорию, отграничившую социальное от индивидуального, потенциальное от реального, язык как систему условных средств от речи как формы существования этой системы, как последовательности конкретных языковых проявлений, споры относительно сущности одной из важнейших лингвистических категорий нормы не прекратились.

Причина, вероятно, кроется в неразличении нормы как внутриязыковой категории, связанной с наличием разных потенциальных возможностей обозначения одного и того же явления, предоставляемых языком как системой и нормы как выбора одной из возможностей в качестве образцовой, правильной и предписывание ее употребления (кодификация).

Противопоставляя язык и речь, Соссюр вообще не упоминает норму; однако, рассматривая явления аналогии, говорит о двух системах: системе для того, чтобы делать нечто, и готовой системе. Первая и есть система языка, не реализованная полностью, а вторая, по-видимому, — норма.

Соссюр употребил термины язык, речь и речевая деятельность, но охарактеризовал язык и речь, понятие речевая деятельность осталось не определенным.

Л. В. Щерба, воспользовавшись термином Соссюра, открыл понятие речевой деятельности.

Принимая теорию Л. В. Щербы, следует считать, что выбор нормы происходит именно в процессе речевой деятельности. Язык — система потенциальных средств, определяющая все многообразие ее реализации, а речь — форма существования системы. Такое понимание языка и речи и привело к противопоставлению системы и нормы. Следует при этом заметить, что между речью и нормой нет прямого совпадения.

Л. В. Щерба справедливо представлял себе язык находящимся все время в состоянии лишь более или менее устойчивого, а сплошь и рядом и вовсе неустойчивого равновесия¹.

Это постоянное изменение развития языка и создает определенные трудности при его описании. Можно сказать, что норма — категория самостоятельная, связывающая язык и речь в процессе речевой деятельности.

Таким образом, система дает ряд возможностей обозначения одной и той же языковой сущности, не отдавая предпочтение ни одному из них, а норма выбирает один из реально используемых или потенциально допустимых.

Иначе говоря, норма конкретизирует возможности системы и их ограничивает.

При рассмотрении произносительной нормы различают два ее аспекта: орфоэпию и орфофонию. Если исходить из понимания фонемы Л. В. Щербой, то орфоэпия — это правила, определяющие нормативный фонемный состав слов, а орфофония — правила произношения оттенков (аллофонов) фонем. Так, вопрос о том, следует ли употреблять в слове моюсь, например, твердый /s/ или мягкий /s'/, регулируется правилами орфо-

¹ Л. В. Щерба. Очередные проблемы языкознания. В сб. 6. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, сноска, стр. 50.

эпии, а требование произносить /j/ в конце слов как сонорный, звонкий, мой, например, а не глухой щелевой — относится к правилам орфофонии.

Варианты языковых единиц, обнаруженные в синхроническом срезе, соотносятся не только синхронически, но и диахронически как архетипы с неотипами. Языковая система не может изменяться, минуя вариантность, так как любому переходу от архетипа к неотипу обязательно предшествует период сосуществования архетипа с неотипом. Таков механизм изменчивости языка, и, следовательно, совокупность варьирующих единиц составляет «диахронический лимит» языковой системы [Цукерман, 1969], позволяя судить о действующих процессах в языке и возможных направлениях его структурных изменений.

Проиллюстрируем это несколькими примерами.

Так, в фонологической системе русского языка твердые согласные противопоставлены мягким. В позиции абсолютного конца слова возможно употребление и твердых, и мягких согласных, за исключением заднеязычных. Например, трус /trus/ и трусъ (не трусъ!) /trus'/. Система, таким образом, дает возможность в возвратных частицах глаголов (учусь) произносить и твердый /uĉus/ и мягкий /uĉus'/ согласный.

Ведущим вариантом нормы еще 50 лет был вариант с твердым. В течение ряда лет оба варианта были равноправными. Сегодня вариант с твердым /s/ оценивается как устаревший, архаичный.

В некоторых случаях изменение нормы происходит в результате расширения реализации особенностей, заложенных в системе, т. е. в каком-то смысле в результате изменения системы. Возможность сочетания твердого согласного с гласным переднего ряда /e/ потенциально была заложена, так как в фонологической системе русского языка согласные ш, ж, ц всегда твердые и могут сочетаться с /e/: шест /sest/, жест /žest/, цель /cel' /.

Еще Л. В. Щерба говорил, что никого не затруднит произношение слогов тэ, дэ, нэ на стыке слов — от этого, с этим, над этим; на стыке префикса и корня — разэдакий [Щерба, 1974]. Таких слов немного, но сам факт их существования тоже говорит о заложенной в системе возможности произнесения твердого согласного перед /e/, тогда как в системе других согласных в позиции перед /e/ представлены только мягкие: вера /v'era/, день /d'en' /, пень /p'en' /.

Таким образом, произношение твердых согласных перед /е/ в заимствованных словах — новая черта в русской фонетике, но связанная с системными факторами.

Процент твердых согласных убывает с удалением от ударения. Так, в большом количестве слов, например, шедевр, декорше, кашне, термос, протез, деградация, терапевт, экстерн, сонет, фонема, сервис, шоссе, эстетика, штепсель, антенна, модель, анексия, стресс, сейф, демпинг, компьютер, мотель, тезис, коктейль, стенд, тандем, агрессор, бизнес, рейд, конгресс перед гласным /е/ — твердые; в словах фено, эффект, графема, марашет, зуммер, пропеллер, конвейер, аргумент, дефект — мягкие, в словах — апогей, лакей, трахея, схема, юнкерс, фоккер — тоже мягкие.

Экспериментально доказано, что чаще всего твердый согласный встречается в словах незнакомых и малознакомых, а вероятность появления мягких в хорошо известных словах в 2—3 раза больше, чем в малоизвестных и неизвестных.

Наконец, произношение согласного перед /е/ в заимствованных словах может зависеть и от индивидуальных особенностей носителя языка: образование, возраст, место проживания. Определяющую роль при этом все-таки будет играть языковая система, о чем неоднократно писал Л. В. Щерба: «Все подлинно индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально безвозвратно гибнет» [Щерба, 1974: 29].

Экспериментально-фонетическое исследование полного списка слов с орфографическим е в корне на основе машинной версии «Словообразовательного словаря русского языка» Д. Уорта с помощью ЭВМ (25214 слов) и исследование выбранных из этого списка заимствованных (2293 корня, 8273 слова) с учетом слов, не вошедших в словарь, описано в монографии «Давайте говорить правильно!» [Вербицкая, 2003: 81—84].

Здесь же мне хотелось бы подчеркнуть два важных с точки зрения общей теории нормы момента: безусловное влияние фонологической системы не только на сам факт появления вариантов, из которых надо выбирать (это, по-видимому, очевидно, т. к. сама проблема нормы возникла потому, что система дает не одну, а две или несколько возможностей реализации одной и той же языковой сущности), а и сам выбор одного из возможных вариантов. Так, инновации в орфофонических особенностях

нормы также появляются в тех случаях, когда они допускаются или вызываются системой.

Изменение качественных признаков звуков происходит в тех случаях, когда тот или иной признак не является дифференциальным.

Противопоставление твердых и мягких согласных является, как широко известно, основным противопоставлением в системе русских согласных, однако для фонем /š/, /ž/, /c/, /č'/ признак твердости-мягкости не является дифференциальным. Это и определило появление орфофонических вариантов: наряду с твердыми — некоторое смягчение /š/, /ž/ перед /l'/, /n'/, смягчение /c/ перед /i/ в заимствованных словах, слабая палатализация /č'/ в старом петербургском произношении наряду с полнотью мягким.

Отсутствие противопоставления заднеязычного звонкого смычного /g/ — щелевому привело к очень распространенному /ɣ/ на месте /g/, несмотря на активную борьбу с этим явлением кодифицированной нормы.

Опираясь на основные теоретические предпосылки понимания нормы, изложенные выше, и ее взаимоотношения с системой, с одной стороны, и необходимость учета сложных социолингвистических и психоллингвистических факторов, с другой — важно рассмотреть связь нормы с двумя основными сторонами речевой деятельности — речепроизводством и речевосприятием.

Если считать, что языковая норма — это совокупность явлений, разрешенных системой языка, отраженных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени, то для говорящего, если он этой нормой владеет, она как бы устанавливает границы, за которые он не должен выходить. Из этого следует, что в рамках этих границ варьирование возможно. Так, при сравнительно небогатой системе русских гласных, варьирование реализации ударных /e/, /o/, например, может быть достаточно широким. Используя терминологию А. Мартине, можно сказать, что теоретически варьирование возможно в области «зоны безопасности», т. е. может быть реализован разный с точки зрения ряда и подъема гласный /e/ и /o/ [Мартине, 1960].

Однако норма ограничивает это широкое варьирование, выбирая в качестве образцового /e/ — закрытый гласный средне-

го подъема (а не средневерхнего), /о/ — закрытый дифтонгоидный гласный с /и/-образным началом.

Что же произойдет в том случае, когда говорящий выйдет за пределы установленных границ? Он может оказаться непонятым или во всяком случае коммуникация будет затруднена. При этом важно подчеркнуть, что может пострадать его престиж. Кстати сказать, к сожалению, часто, слыша спонтанную, неподготовленную заранее речь, приходится отвлекаться от смысла, содержания высказывания именно из-за того, что говорящие, по-видимому, границ, очерченных нормой, не знают.

Вот тут-то и сказывается несколько иная связь между нормой и восприятием речи. Что же такое норма для слушающего?

В первую очередь это отсутствие помех любого рода. Если говорить о норме произносительной, нет никаких диалектных, просторечных особенностей, каких-то черт, указывающих на принадлежность к определенной социальной группе, нет, наконец, индивидуальных черт. Ничто не отвлекает от сути, содержания высказывания.

Именно поэтому норму иногда считают категорией отрицательной.

Наверное, отклонения от нормы лексические, синтаксические, грамматические особенно неприятны, так как могут полностью нарушить коммуникацию. Однако и фонетические очень ее затрудняют.

Считается при этом, что орфоэпические отклонения от нормы самые опасные: в результате может быть произнесено другое по смыслу или бессмысленное слово /полка вместо полька, если реализован твердый вместо мягкого/. Но таких случаев может быть немного. Регулярные же орфофонические отклонения могут очень затруднить восприятие всего сообщения текста.

Так, например, регулярное произнесение гласного /eⁱ/ средневерхнего подъема или открытого /ε/ вместо /е/ ударного (лес как /l'eⁱs/ или /l'εs/ вместо /l'es/) или открытого /ɔ/ вместо /у₃/ (нос как /nɔs/ вместо /n^oɔs/) может привести к непониманию смысла текста, так как внимание следующего будет отвлечено.

Безусловно, разные орфофонические ошибки имеют разный эффект, но коммуникацию затрудняют любые.

Определенную роль при восприятии речи играет владение слушающим произносительной нормой или определенным вариантом этой нормы.

Совершенно очевидно, что, например, жителю Горького, слушающему своего соседа с так называемым «оканьем» /произнесением на месте орфофонического о в безударной позиции /о/, а не /а/ соответствующей степени редукции/, это не помешает адекватно оценить смысл получаемой информации, а жителя Петербурга с «аканьем» эта ненормативная особенность отвлечет.

Из этого следует относительно большая связь нормы с речепроизводством, чем с речевосприятием.

Основные черты современной произносительной нормы, полученные в результате экспериментально-фонетического анализа речи жителей Москвы и Петербурга, описаны в уже указанной ранее монографии [Вербицкая, 2003]. Я представляю здесь короткий перечень основных черт современного русского произношения.

Произнесение гласных

Одним из спорных вопросов русской орфоэпии (произношения) является вопрос о том, произносится ли в безударной позиции /е/, т. е. как произносить слова леса, пятак, часы и т. п.¹

Анализ безударных гласных, сравнение их с ударными дают основание утверждать, что на месте орфографических е, а, я в положении после мягких в предударных и заударных слогах произносится и, в положении после твердых ы, т. е. современная произносительная норма — икающая /ыкающая/ (например, часы /чисы/, пятак /питак/, память /памить/, весна /висна/, желать /жылать/). Различия между гласными 1-го предударного, 2-го предударного и заударного слогов — в длительности.

Особого рассмотрения требуют гласные на месте орфографических е и я в начале слова (т. е. в положении после /й/). Здесь произносится /йи/ или /и/ (например, Япония, язык, как /йипония/, /йизык/ или /ипония/, /изык/).

В словах, начинающихся с э произносится /ы/ или /е/, отличающиеся от соответствующих ударных длительностью (например, этаж как /ытаж/, экономика как /ыканомика/). Произнесение /ы/ может быть связано с рядом фактов: во-пер-

¹ Здесь дается для простоты транскрипция на русской основе.

вых, с частотой употребления слов в речи (чем чаще употребляется слово, тем вероятнее произнесение начального безударного /ы/); так, в словах типа этаж, этуд, экономика, электричество /ы/ произносится чаще, чем в словах типа эмболия, экосез, более редких, специальных терминах. Вторым фактором, влияющим на произнесение начального гласного, является место по отношению к ударению: во 2-м предударном начальном слоге произношение /ы/ встречается чаще, чем в 1-м предударном.

Начальное /ы/ чаще произносится в спонтанной речи.

Во флексиях существительных женского, мужского и среднего родов единственного числа дательного и предложного падежей произносится /и/ (например, отправились в поле /в поли/) или /ы/ (в Польше /в Польшы/).

В глаголах единственного и множественного числа 3-го лица с твердой основой произносится редуцированное /ы/, т. е. держит /держит/ и держат /держит/, с мягкой основой — редуцированное /и/ (видит /видит/ и видят /видит/).

Произношение /вид'ут/ должно быть признано устаревшим.

Формы прилагательных единственного числа женского и среднего рода реализуются одинаково: например, добрая и доброе как /добраи/.

Формы прилагательных множественного числа с твердой основой фонетически реализуются как /добрьи/, с мягкой — как /синии/.

Исследования произношения /а/ после шипящих дает основание считать нормативным произношение в указанной позиции /а/ во всех случаях (например, жара как /жара/), за исключением слов ржаной, лошадь, жасмин, жакет, жалеть, где должно произноситься /ы/.

В небольшом числе иностранных по происхождению слов сохраняется безударное /о/.

Это связано в первую очередь с частотой употребления слова в речи и с позицией гласного о в слове. Так, в словах типа шоссе, бордо, тоннель, позт возможно только /а/, в словах типа досье допустимо /о/. В словах какао, радио, адажио произносится /о/, т. к. гласный находится в позиции абсолютного конца слова. Иногда безударный /о/ может сохраняться в некоторых союзах, предлогах, безударных местоимениях.

Произнесение согласных

Произнесение твердых заднеязычных согласных в словах типа великий, громкий перестает быть равноправным вариантом нормы, становится отживающим, архаичным, т. е. нужно произносить /велик'ий, громк'ий/.

Аналогично обстоит дело и с согласными в возвратных частях: предпочтительно сейчас произнесение мягкого /с'/: учусь /учус'/, боролся /боролс'а/.

Особого рассмотрения требует произнесение согласных перед ударным /е/ в иностранных словах.

Заемствованные слова составляют 10–20% лексики русского языка. Многие из них органично входят в ее состав и являются иноязычными только по своему происхождению: метр, культура, газета. Большая часть их по произношению не отличается от слов исконно русских, но некоторые имеют особенности, нарушающие основные орфоэпические нормы русского языка.

Как уже говорилось, в исконно русских словах в позиции перед «Е» представлены только мягкие парные согласные: /вера/, /ден'/ и т. д. Поэтому произношение твердых согласных перед «Е» в заимствованных словах является новой чертой в русской фонетике, но связанной с системными факторами. Само сочетание твердый согласный + «Е» не является чертой, чуждой для русского языка. Это потенциальная черта, возможность которой заложена в системе. Мы произносим твердый согласный перед «Е» в таких русских словах, как жесть – /жест'/, шесть – /шест'/, цель /цел'/ и т. п.

Произнесение мягкого или твердого согласного в заимствованных словах в первую очередь зависит от качества согласного. Орфографическим щ, сч, зч соответствует в произношении /щ'/:/. Произнесение в этих случаях /щч/ вряд ли можно сейчас считать равноправным вариантом нормы.

Сочетания согласных

Исследование произношения сочетания чн показывает, что в большей части слов произносится /чн/, а не /шн/: например, булочная произносится как /булочная/, а не /булашная/, яблочный как /яблочный/, а не /яблошный/ и т. п.

В небольшом числе случаев ведущим вариантом является вариант с /шн/: конечно, скучно, нарочно, пустячный, яичница, горчичник, скворечник.

Исследование произношения сочетания чт показывает, что в слове что и его производных произносится /шт/.

В сочетаниях стн, здн, стл, стк, стск /т/ и /д/ не произносятся; в сочетании вств не произносится /ф/. Особого рассмотрения требуют сочетания двух согласных, второй из которых является мягким.

Уже было сказано, что согласно старой московской произносительной норме необходимо было во всех случаях при втором мягком согласном произносить и первый согласный как мягкий (т. е. кап'л'ит/, д'в'ер'/ и т. п.); при этом ленинградский вариант нормы требовал произнесения мягких только в случаях сочетания двух переднеязычных согласных, что и стало нормативным сегодня. Например, степь /с'т'еп/; здесь /з'д'ес'/; венчик /вен'ч'ик/; винтик /вин'т'ик/; Индия /Ин'д'ия/; пенсия /пен'с'ия/; бензин /бин'з'ин/.

Перед /й/ все губные, как правило, произносятся твердо: пьют, объем, семья как /п'йут/, /аб'йом/, /сем'йа/, а переднеязычные — мягко (на стыках корня и суффикса): судья, жилье как /суд'йа/, /жил'йо/; на стыках приставки и корня — и переднеязычные произносятся твердо; отъезд, съезд как /от'йест/, /с'йест/.

Таким образом, мы можем наблюдать процесс образования единой произносительной нормы, лишенной местных черт.

Об устранении различий между вариантами нормы писал еще Л. В. Щерба, в работе которого «О нормах образцового русского произношения» мы читаем: «...в произношении будущего будет отмечено все чересчур местное, московское или ленинградское, орловское или новгородское, не говоря уже о разных отличительных чертах других языков, вроде кавказского или среднеазиатского "гортанного" х, украинского г, татарского ы и т. д.» (Щерба¹). Какое место в этом выравнивании территориальных вариантов русского литературного языка занимает сознательная нормирующая деятельность, а какое — живые миграционные процессы — предстоит еще выяснить при исследовании различных аспектов развития литературного языка.

Специальные экспериментально-фонетические исследования сделали возможным описание основных черт современной про-

¹ Л. В. Щерба. О нормах образцового русского произношения; Л. В. Щерба. Избранные труды по русскому языку, М., 1957, С. 111.

износительной нормы (см. Л. А. Вербицкая. Давайте говорить правильно. «Высшая школа», М., 2003).

Существенным фактором, способствующим установлению единой произносительной нормы, заимствовавшей часть черт старого Петербургского и часть черт старого Московского произношения, является распространение образования, рост культуры, интенсификация контактов. С этим связано и расширение сферы применения устной речи, речи спонтанной. Публичные выступления заставляют ораторов задумываться над своим произношением, стремиться к правильному оформлению речи, нормативному ударению.

Благодаря развитию средств массовой информации и особенно речи дикторов, ориентированной, как правило, на принятую кодифицированную норму, исчезают из речи горожан, живущих в зоне действия говоров, яркие диалектные черты. При этом важно еще раз подчеркнуть, что побеждают и становятся нормативными те варианты, которые не противоречат системе.

Говоря о зависимости развития нормы от системы, следует сказать, что в фонологической системе русского языка наметился ряд закономерностей, определенных внутренних перестроек, которые могут привести к некоторым изменениям в норме. Так, за счет расширения противопоставления твердых мягким согласным перед гласным переднего ряда /e/ может увеличиться число позиций, в которых твердые и мягкие дифференцируются. В сочетаниях $C_1 C'_2$ идет процесс замены первого мягкого согласного твердым, так как все позиции ассимилятивного смягчения были позициями, где твердые согласные не противопоставлены мягким. Намечается дальнейшее ограничение в употреблении гласных в безударной позиции: наблюдается тенденция к ослаблению функциональной нагрузки /u/ разума как /razʏma/, челюсть как /č'el'is't'/'.

Происшедшие изменения нормы при речепроизводстве приводят к ее изменению и при речевосприятии. Норма — это идеал, к которому должны стремиться все говорящие. От успешной реализации этого стремления зависит не только чистота русской речи, но и будущее развитие звуковой системы языка.

ЛИТЕРАТУРА

Цукерман И. И. Вариантность как диахронический лимит системы // Палестинский сборник. 1969. Вып. 19 (82).

Щерба Л. В. Теория русского письма // Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.

Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Сб.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно! М., 2003.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.

РОССИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

В 1948 году Организация Объединённых Наций приняла «Всеобщую декларацию прав человека» «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению путем национальных и международных прогрессивных мероприятий всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств — членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией».

Принятие этой Декларации явилось следствием:

— осознания того факта, что тоталитарные режимы, такие как фашистский и коммунистический, представляют собой угрозу для существования не только отдельных людей или наций, но и всего человечества;

— понимания важности соблюдения прав человека не только для торжества идей гуманизма, для которого существует приоритет личности перед надличностными образованиями типа государств и организаций, но и для свободного развития людей и увеличения их вклада в общую копилку достижений человечества.

Историю борьбы за права человека в России можно разделить на три этапа:

- период так называемого «культы личности»;
- период от смерти Сталина до перестройки;
- период после перестройки.

Всех, интересующихся периодом массовых репрессий, начавшихся при Ленине, и доведённых до апогея при Сталине, я отсылаю к книге «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. В этом поистине великом произведении подробно описаны советские концентрационные лагеря, тюрьмы, пытки, уничтожение крестьянства, уничтожение интеллигенции, геноцид целых народов — от крымских татар до чеченцев, уничтожение,

наконец, собственного партийного контингента, последовательных слоёв чекистов, военачальников, советских военнопленных...

Довоенные процессы «вредителей» и «контрреволюционеров», убийство Кирова и выселение дворян, преследование «служителей культа» и расстрелы священников, разоблачение «врагов народа», в число которых попали эсперантисты, генетики, востоковеды, физики, писатели и поэты...

Послевоенное «ленинградское дело», посадки «изменников Родины» и членов их семей, бессудные расстрелы по приговорам «тройки», уничтожение голодом, побоями, холодом, непосильным трудом... Как написала Лидия Чуковская в своей знаменитой телеграмме Солженицыну: «...Обыск, арест, допрос, тюрьма, пересылка, этап, лагерь. Голод, побои, труд, труп. "Архипелаг ГУЛАГ"».

Потери России от этих репрессий оцениваются различными исследователями по-разному, но в среднем цифра в 40 млн человек, пострадавших от репрессий, представляется близкой к истине.

Однако ещё более страшным результатом репрессий стала атмосфера страха, воцарившаяся в России. Доносчики («стукачи») и провокаторы, выживающие на чужой крови. Недоверие всем и вся, даже в собственных семьях. Избиение наиболее умных, инициативных и самостоятельных. Лакейская литература, лакейское искусство. Генофонд России оказался сдвинут в сторону трусости и приспособленчества. Последствия этого сдвига ощущаются до сих пор.

Права человека в этот период — пустой звук. Можно было только бежать из Советского Союза, что удавалось немногим. Да ещё отчаянные попытки сопротивления в концлагерях, наподобие Кенгирского восстания, также описанного в «Архипелаге». Для иллюстрации душевного состояния людей приведу пример из жизни моей собственной семьи:

В 1938 году, когда всюю шли ночные обыски и аресты, люди плохо спали по ночам, прислушиваясь к ночным звукам. И вот, в нашу дверь ночью кто-то громко застучал. Мама села на кровати, прижав к себе нас с сестрой, годовалых близнецов. Дедушка, известный академик, в ночной рубаше и шлёпанцах, побрёл к двери. От волнения его руки ходили ходуном. Через три минуты он вернулся, сияя. «Успокойтесь! — крикнул он, — всё в порядке! Это просто пожар! Мы горим!»

После смерти Сталина, когда к власти пришёл Никита Хрущёв, началась так называемая «оттепель». Закрытый доклад Хрущёва на XX съезде партии, ставший, конечно, широко известным, объявил об осуждении практики «культы личности Сталина», описал некоторые преступления режима, назначил пересмотр дел осуждённых по политическим мотивам. Начался великий исход из лагерей, правда, мучительно долгий, со сложными процедурами реабилитации живых и погибших.

Россия, наконец, узнала правду об «истребительно-трудовых лагерях» — из устных рассказов. Литература, однако, по-прежнему находилась под запретом. Тем не менее призраки свободы уже замаячили, и началась эра «самиздата» и «тамиздата».

Политическое сопротивление и правозащитное движение

Для России, как для страны, где чтение (может быть, в силу невозможности проявлять частную инициативу в разных областях, и поэтому наличия у людей достаточно большого свободного времени) составляло одно из любимейших занятий (не только для интеллигенции); громадную роль играло распространение «запрещенной» литературы — от философских текстов немарксистского толка (Бердяев, Франк, Лосский, Розанов, Шестов), воспоминаний о революции, написанных эмигрантами (Бунин, Берберова, Авторханов), до книг, описывающих современную жизнь глазами бывших политзаключенных (Солженицын, Аксенова-Гинзбург, Буковский, Делоне, Вознесенская и множество других).

Газеты и журналы, такие как «Русская мысль», «Посев», «Грани», вместе с издаваемыми в России подпольно «Хроникой текущих событий», женским журналом «Мария» и другими, во многом способствовали становлению движения протеста, демократического правозащитного движения.

Огромную роль сыграли радиопередачи «Свободы», «Голоса Америки», «Немецкой волны» — для тех регионов, где трудно было достать «запрещенку» для чтения; для тех людей, у кого не было нужных контактов. К сожалению, спутниковое телевидение, равно как и компьютерные контакты, были тогда доступны для очень ограниченного числа людей. Распространение «магнит'издата» — магнитофонных пленок с записями песен

всенародно любимых «бардов» (Окуджава, Галич, Высоцкий, Ким), в которых в той или иной мере содержалось обличение режима, также внесло существенный вклад в осознание российской ситуации.

Можно сказать, что правозащитное движение было результатом ЧТЕНИЯ КНИГ, или в более широком смысле — обработки в умах интеллигенции правдивой информации о состоянии российского общества. Правозащитное движение (большую роль сыграл в этом математик и поэт Александр Есенин-Вольпин) выбрало в качестве формы протеста требование к властям соблюдать их же собственные законы. В этом процессе очень важным вкладом стало распространение международных документов по правам человека, таких как «Декларация прав человека», «Международный пакт о гражданских и политических правах», «Конвенция против пыток...». На них можно было ссылаться на судебных процессах, в письмах протеста и т. п.

Во всеобщей Декларации прав человека был описан ряд фундаментальных прав человека, т. е. таких прав, которые должны быть у человека просто в силу его факта человеческого существования:

Статья 1

Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.

Статья 2

Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо ограниченной в своем суверенитете.

Статья 3

Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.

Статья 4

Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех видах.

Статья 5

Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию.

Статья 6

Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности.

Статья 7

Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации.

Статья 8

Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом.

Статья 9

Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию.

Статья 10

Каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением

всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом.

Статья 11

1. Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты.

2. Никто не может быть осужден за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено.

Статья 12

Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств.

Статья 13

1. Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства.

2. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну.

Статья 14

1. Каждый человек имеет право искать убежище от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем.

2. Это право не может быть использовано в случае преследования, в действительности основанного на совершении неполитического преступления, или деяния, противоречащего целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Статья 15

1. Каждый человек имеет право на гражданство.
2. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство.

Статья 16

1. Мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать свою семью. Они пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения.

2. Брак может быть заключен только при свободном и полном согласии обеих вступающих в брак сторон.

3. Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства.

Статья 17

1. Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими.

2. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества.

Статья 18

Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.

Статья 19

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Статья 20

1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций.

2. Никто не может быть принуждаем вступать в какую-либо ассоциацию.

Статья 21

Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей.

Несмотря на то что Советский Союз ратифицировал эту Декларацию, многие её положения на практике не выполнялись. Например, статья 5 о запрете пыток — на практике положение людей в тюрьмах, применение особых методов следствия на допросах, явно противоречило этой статье.

Статья 11 — презумпция невиновности — сколько угодно можно было встретить в прессе сообщений о преступной деятельности того или другого лица ещё до вынесения решения судом. Особенно это касалось участников демократического правозащитного движения, которых стали именовать диссидентами.

Статья 12 запрещает перлюстрацию частной переписки, прослушивание телефонных переговоров без решения суда — это положение совершенно спокойно игнорировалось органами безопасности.

Статья 13 — в части свободы выбора местожительства. В СССР существовало понятие прописки и уголовное преследование за проживание без прописки. То же самое с правом людей покидать и возвращаться в свою страну — в Уголовном кодексе СССР это каралось как измена Родине.

В статье 15 говорится, что никто не может быть лишён гражданства. Советское правительство широко пользовалось этим приёмом — за так называемую «антисоветскую деятельность» людей выслали из страны и лишали гражданства. Наиболее яркий пример — случай с генералом Григоренко.

Статья 16 декларирует свободу вступать в брак по обоюдному согласию вне зависимости от национальности, но советские власти чинили все возможные препятствия для людей, которые собирались сочетаться браком с иностранцами.

Статья 18 говорит о праве свободно исповедовать религию, но советские власти преследовали, арестовывали, отбирали имущество у баптистов, пятидесятников, евангелистов седьмого дня...

И наконец, статья 19, прямо указывающая на возможность получать и распространять информацию в соответствии со своими убеждениями вне зависимости от государственных границ имела свои карающие статьи в Уголовном кодексе РФ — статьи 190-1 и 70, где говорилось, что за распространение анти-советской литературы гражданин подлежит аресту и тюремному заключению.

Право выбирать своих представителей для управления страной, описанное в статье 21, вызывало усмешку у людей, которые приходили на советские избирательные участки, читали в бюллетене — «оставьте в списке одну кандидатуру» и находили в нём только одну фамилию.

Из всего вышесказанного отчётливо видно, что большинство фундаментальных прав человека нарушалось и теорией (советским законодательством) и ежедневной практикой органов государственной безопасности, где было организовано специальное подразделение («5 управление») по борьбе с инакомыслящими. К тому же Хрущёв заявил, что только умалишённые могут протестовать против такого гуманного строя, каким является социализм, и их надо сажать в психиатрические лечебницы. Начался позорный период использования «психушек» для подавления демократического движения.

Однако факты репрессий — аресты, заключение в лагерь, помещение в психиатрические лечебницы (но все-таки не расстрелы без суда и следствия, как в сталинское время) становились широко известными (благодаря западным корреспондентам и местному самиздату) и вызывали новую волну писем в защиту преследуемых. Международное общественное мнение создавало некоторые гарантии защиты, по крайней мере, для наиболее известных противников режима, таких как Сахаров, Солженицын, Буковский, Григоренко, — и власти уже не могли быть абсолютно свободными в своих действиях. Так появилось новое средство воздействия на диссидентов — высылка в другие страны через лишение гражданства (но уже не убийство, хотя и это оставалось в инструментарии властей).

Развернутая президентом Дж. Картером программа поддержки правозащитных движений во всем мире, программа

борьбы за соблюдение прав человека, привлекла внимание мировой общественности к фактам нарушения прав человека в наиболее одиозных коммунистических режимах.

Международные общественные организации типа «Пен-клуба» защищали писателей (Даниэль, Синявский, Эткинд); официальные власти напрямую обращались к коммунистическим лидерам России с ходатайствами о прекращении преследований отдельных жертв режима.

Для России возможность получения кредитов, доступа к современным технологиям была достаточно важна в связи с экономическим кризисом, и для этого приходилось «скрепя сердце» прислушиваться к мировому общественному мнению.

Политическое сопротивление режиму дало целый ряд замечательных примеров — от Организации ВСХСОН (руководитель Игорь Огурцов), ставящей своей целью борьбу (в том числе и вооружённую) против советской власти до «великолепной семёрки», организовавшей демонстрацию на Красной площади против оккупации Чехословакии. Сотни, если не тысячи людей по всей стране размножали и печатали «самиздат», посылали письма властям, предпринимали индивидуальные акции протеста. Такие письма, как «Открытое письмо» Лидии Чуковской писателю Шолохову знал каждый свободомыслящий человек. Рабочее сопротивление стало принимать организованные формы — наиболее известна демонстрация рабочих в Новочеркасске в 1962 году, безжалостно подавленная войсками. Знаменем движения борьбы за права человека стало Хельсинкское движение — организация советских групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений (положений гуманитарных статей Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе). Основные цели — содействие воссоединению семей, что означало реализацию права на эмиграцию; содействие сотрудничеству и обмену в области информации, образования и культуры, что означало легализацию самиздата и тамиздата.

Первая хельсинкская группа была организована в Москве 12 мая 1976 года Юрием Орловым, потом появились Украинская, Литовская, Армянская и Грузинская группы содействия. В 1977 году была образована Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР.

Усиление польской «солидарности» приводило коммунистические власти в сильное беспокойство. Пришедший к власти Ан-

дропов начал «подмораживать» Россию. Был скорректирован Уголовный кодекс РФ, и многие ранее дозволенные действия стали квалифицироваться как уголовные преступления. (В качестве примера, в статью 190 было добавлено расширение — теперь не только литература, но и «иные антисоветские» произведения были объявлены вне закона — это положение явно имело своей целью преследование «магнит'издата».)

Был проведён ряд обысков и арестов, многие правозащитники были вынуждены перед угрозой ареста уехать из страны. Были арестованы Юрий Орлов, Анатолий Марченко, Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский, Виктор Некипелов, сосланы академик Андрей Сахаров и Мальва Ланда, выслан из страны генерал Григоренко, обменен на Луиса Корвалана советский политзаключённый, один из наиболее мужественных людей России Владимир Буковский.

Культурное сопротивление

Однако существовало не только политическое, но и культурное сопротивление режиму. Иногда их нельзя разделить, что понятно, ибо культура по своей природе антиномична тоталитаризму.

Я разделил бы послесталинскую культуру на три этапа:

— «послешоковая» культура эпохи оттепели и немного позже, примерно 1960—1975 гг.;

— «вторая», или «параллельная» неофициальная культура, называемая иногда «андерграундом», примерно 1975—1990 гг.;

— послеперестроечная культура, культура финансового выживания, с 1990 и по сей день.

«Послешоковые» культура и искусство представляли собой, во-первых, сильнейший и ярчайший протест против апокалиптического ужаса сталинской эпохи, эпохи ГУЛАГА, а во-вторых, стилистическое, живое человеческое отрицание казенной и мертвой формы произведений так называемого «социалистического реализма». Назову только несколько хорошо известных примеров — Солженицын, Шаламов, Чичибабин, Юлий Ким, Шемякин, Любимов, Тарковский... Это было в основе своей «ангажированное» искусство, лейтмотивом которого было отторжение от сталинщины, от коммунизма. Может быть, поэтому успех был столь велик, что слушать поэтов собирались целые стадионы.

ны, а на выставки художников «нон-конформистов» люди зимой стояли часами в очереди.

Для успеха тогда было достаточно заговорить в искусстве простым нормальным человеческим голосом, описывать реальную человеческую жизнь вместо казенного вранья о любви на производстве в процессе перевыполнения плана. В Москве поэты собирались у памятника Маяковскому и читали стихи, Александр Гинзбург издавал самиздатский сборник стихов «Синтаксис».

Однако власти скоро опомнились и решили придавить казавшийся им опасным хрупкий цветок относительно свободных культуры и искусства. Эти попытки особенно усилились после отставки Хрущёва. Были использованы два направления выдавливания — на Запад, в эмиграцию, и на Восток, в сибирские лагеря. Вот несколько примеров: вынуждены были покинуть Россию Солженицын, Аксенов, Бродский, Целков, Рабин, Нуреев, Ростропович; в лагеря загнали Синявского, Даниэля, Юлия Рыбакова, Вознесенскую, Губермана. Примерно к 75-му году «культурная оппозиция» с ее ярко выраженным социальным потенциалом была рассеяна и затравлена.

Однако не так просто истребить в человеческой личности тягу к независимому творчеству, к самовыражению. С середины 70-х годов наметилось четкое разделение на два пути:

— «официальная культура», достаточно хорошо поддерживаемая и оплачиваемая государством в обмен на лояльность к власти и послушное следование ее предписаниям;

— «вторая» или «параллельная» культура.

Творческие люди «второй» культуры нашли для себя (может быть, неосознанно) два основополагающих принципа:

— абсолютный отказ от делания карьеры, выход из «системы», некоторая «асоциальность», минимизация служебных обязанностей и, естественно, минимизация доходов. Так появилось «поколение дворников и сторожей», как написал в песне Б. Гребенщиков. Их идеалом была служба «сутки через трое», любимым напитком (если не хватало на портвейн) — чашка кофе, местом встреч в Петербурге — кафе на углу Литейного и Невского т. н. «Сайгон», где эта чашка в те времена стоила 8 копеек;

— выбор творческого пути не в прямой инвективе власти, не в лобовом противостоянии коммунистической системе мето-

дом ее адекватного отображения средствами искусства, а скорее путь эстетического протеста против засилья социалистического реализма, поверхностности, прилаженности. Возможно, это отчасти диктовалось инстинктом самосохранения.

Издатель самиздатского журнала Дмитрий Волчек произнес, на мой взгляд, ключевую в этом смысле фразу: «Со сталинских времен принято было, что <...> стихи должны быть с рифмой, метрически организованы, проза — сюжетной и т. п.» От себя добавлю, что живописи предписывалось быть фигуративной, музыке — жизнеутверждающей и оптимистичной... Поэтому их отличало пристальное внимание к западной философии и восточным мистическим учениям, к истории и религии, стремление к освоению закрытого российского и труднодоступного западного духовного и художественного наследия.

Очень много внимания уделялось пластике фразы, точности и выразительности словесных конструкций; вновь осваиваемым живописным новациям от перформансов, хеппенингов и инсталляций до поп- и соц-арта, современным течениям в музыке. Их работы зачастую носили усложненный, герметический, зашифрованный характер. Искусство для них стало формой эскапизма, формой социального и духовного убежища. Место стадионов занял сквер около Малой Садовой улицы, место социальной литературы — «метаметафора», концептуализм, пост-модернизм.

Надо отметить, что в какой-то степени продолжался и пласт литературы сопротивления — в это же время вышли в самиздате книга Буковского «И возвращается ветер», книги Вадима Делоне «Портреты в колючей раме», Юлии Вознесенской «Цвет надежды — серый» — записки о тюрьмах и лагерях брежневско-андроповской эпохи.

Однако теперь в самиздат переключалась литература «семидесятиников». Хороший обзор петербургского самиздата сделан в работе Бориса Констриктора «Дышала ночь восторгом самиздата» (журнал «Лабиринт — Экспоцентр», 1, 1991 г.). Однако я все-таки коротко перечислю петербургские литературно-художественные журналы той эпохи:

- 1976—81, журнал «37», издатели Т. Горичева, В. Кривулин, Л. Рудкевич;
- 1979—81, «Северная почта», В. Кривулин, С. Дедюлин;
- 1976, «Часы», один из самых «живучих» и читаемых

журналов. Издавали его Б. Иванов и Б. Останин. Вышло более 80 номеров. Печатались — Богданов, Гройс, Драгомощенко, Дышленко, Кривулин, Кудряков, Охапкин, Седакова...

В литературных приложениях к журналу вышли стихи Аронсона, Игнатовой, Шварц, переводы Карлоса Кастанеды и др.

— 1981, «Обводный канал», Бутырин и Стратановский;

— 1985, «Митин журнал», Дм. Волчек (30 номеров);

— 1988, «Сумерки», Гурьянов и Новаковский.

Стоит упомянуть и об организации в 1981 г. клуба литераторов «81» (как мне кажется, не без участия КГБ) для объединения поэтов и писателей второй культуры — в результате был издан сборник «Круг». Боюсь, что результат был не адекватен жертвам и усилиям. Весь этот период не прекращалась деятельность художников, очень тесно связанных в Питере с пишущей братией.

Надо сказать, что деятели «второй культуры» составляли уникальное дружеское единство в культурной сфере. Молодые писатели, поэты, художники, музыканты часто и активно общались друг с другом в жизни, например, выпивая портвейн, что, возможно, было необходимым условием для выживания (общение, а не портвейн!).

В 1974 году состоялись две выставки в Невском доме культуры и во Дворце культуры имени Газа, на которых впервые были широко представлены работы художников «второй культуры». Однако под усиливающимся давлением госбезопасности (пиковая точка — разгром так называемой «бульдозерной» выставки в Москве) массовые выставки пришлось прекратить. Наступил черед «квартирных экспозиций» — выставок на частных квартирах, открытых для всеобщего посещения. Но даже такая форма оказалась опасной для социализма по мнению властей. За организацию «квартирной галереи современного искусства» в Ленинграде был арестован коллекционер Георгий Михайлов. Причём судья вынес приговор об уничтожении конфискованных картин!

Апокриф, который я слышал в те годы: Виктора Кривулина вызывают в Большой дом, где следователь жалуется ему, что очень трудно понимать тексты, напечатанные в журнале «Часы»; что в ГБ не хватает специалистов, достаточно эрудированных, чтобы понять — это написано «за» или «против» советской власти. Если «за» — то, ничего, живите, если «против» — посадим... И умоляет Виктора писать попроще».

Яркое выражение находит вторая культура в жанре рок-музыки — начиная от знаменитой московской «Машины времени» и кончая не менее знаменитым ленинградским «Аквариумом» Бориса Гребенщикова. Давление ГБ имело печальные последствия. Уехали из страны Кузьминский, Гройс, Горичева, Хвостенко, Рудкевич, Дедулин, Шарымова, Игнатова... Погибли художник Рухин, поэт Морев, культуролог Богданов...

Но приближалась перестройка, приход которой был в значительной степени подготовлен интеллектуальным и нравственным сопротивлением интеллигенции.

Положение с правами человека в России после перестройки

Можно констатировать следующие вещи:

1) в основном, нет преследований со стороны ГБ (теперь ФСБ) по чисто политическим мотивам;

2) однако появились процессы по так называемым «экологическим шпионам» (дела Александра Никитина и Григория Пасько) явно надуманные и призванные оправдать никчёмное существование некоторых подразделений силовых структур. Есть также целый ряд по всей видимости сфальсифицированных дел, связанных с учёными, сотрудничающими с зарубежными научными организациями (пример — дело Сутягина, дело профессора Сойфера).

Следует отметить, что общественное мнение как внутри России, так и за её пределами, помогло отстоять хотя бы Александра Никитина.

3) Проблемы защиты прав человека сместились в следующих направлениях:

- жестокость милиции, пытки на допросах в милиции;
- издевательства над новобранцами в армии («дедовщина»);
- положение в тюрьмах, скученность, болезни; издевательства охраняющего персонала;
- предвзятое отношение со стороны милиции к лицам кавказской национальности, к иностранцам;
- предвзятое отношение властей к альтернативным верованиям (так называемым «нетрадиционным»);
- тяжёлое положение беженцев из других регионов.

Кроме этого, постоянной защиты и внимания требуют непрекращающиеся попытки исполнительной власти:

– монополизировать СМИ, вытесняя независимые негосударственные и оппозиционные (примеры — НТВ, канал ТВ-6), нарушая право человека на получение объективной информации, особенно в экологической области;

– оказывать давление на суды; используя административный ресурс в процессе выборов в органы власти (пример — дело Клементьева), нарушая право человека на участие в выборном процессе;

– оказывать внесудебное давление на возможную оппозицию со стороны бизнес-сообщества, в частности, через суды и налоговые органы (пример — дело Ходорковского).

Достаточно плохо обстоят дела с правами инвалидов, с правами ребёнка. Хотя некоторые действия имеют место (выделение бюджетных средств под целевые программы), но их явно недостаточно.

В принципе, власти инициировали создание государственных органов, занимающихся проблемами прав человека. Это так называемые «Комиссии по правам человека» при органах исполнительной власти, созданные в соответствии с Указом Президента РФ «О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации» (июнь 1996 года). Однако в состав этих комиссий входят, как правило, чиновники. Комиссии не пользуются авторитетом и не имеют необходимых полномочий (см. статью Александра Нездюрова «Комиссии по правам человека в ряде регионов России» в сборнике центра «Стратегия» «Участие власти в защите прав человека: комиссии и уполномоченные», СПб., 2001).

Появившийся в последние годы институт омбудсмана (Уполномоченного по правам человека) как в России (где эту должность в настоящее время занимает Владимир Лукин), так и в регионах, в которых такие омбудсмены избраны, позволяет привлечь внимание общественности и властей к проблеме защиты прав человека. Институт омбудсмана, или Уполномоченного по правам человека, учреждён в соответствии с российским законодательством. Результаты деятельности Уполномоченных описаны также в сборнике центра «Стратегия» «Комиссии и уполномоченные по правам человека: опыт российских регионов». Опыт их работы показывает, что от личности Уполномоченного и его позиции по отношению к исполнительной власти (полное послушание или более или менее самостоятельная позиция) зави-

сит успешность его деятельности в сфере защиты прав человека. Ясно, что если Уполномоченный назначается губернатором, а не выбирается народом или парламентом, то он вряд ли пойдёт далеко в своей критике неправомочных действий администрации.

С другой стороны, зачатки гражданского общества, начинающего формироваться в России, привели к созданию целого ряда правозащитных организаций. Хорошо известны московский (всероссийский) «Мемориал», Московская хельсинкская группа, Центр развития демократии и прав человека, межрегиональная группа «Правозащитная сеть», Информационно-аналитический центр «Сова», фонд «Общественный вердикт».

В Петербурге к числу наиболее, если так можно выразиться, влиятельных организаций принадлежат: «Гражданский контроль»; «Солдатские матери»; «Стратегия»; «Мемориал» и др. Ряд негосударственных общественных организаций защищает права женщин, инвалидов, детей. Издаются правозащитные журналы, такие как «Посев», «Альтернатива», «Пчела», «Перспектива», газета «Русский инвалид». К сожалению, отечественное финансирование этих изданий весьма ограничено, и если бы не поддержка грантами от фондов развитых стран, их существование могло бы немедленно прекратиться.

В Интернете есть достаточно большое количество сайтов, посвящённых проблеме прав человека и поддерживаемых общественными организациями. Последняя по времени электронная акция в Интернете — сбор подписей под обращением к Президенту по поводу убийства нацистами в Петербурге известного учёного, правозащитника, этнографа Николая Михайловича Гиренко (www.hro.org).

Конечно, ситуация в больших городах, особенно в таких мегаполисах, как Москва и Санкт-Петербург, отличается от положения дел на периферии. По традиции, вдали от центра возрастает власть местного начальства, которая диктует свою волю судам и правоохранительным органам; крайним выражением такого положения дел служат бывшие азиатские республики Советского Союза с их культом личности какого-нибудь «туркмен-баши».

Одним из крайне важных средств отстаивания прав человека должно служить правовое просвещение. Годы репрессий и бесправия начисто отбили у людей решимость отстаивать свои

права в судах. Только в последнее время начали появляться прецеденты обращения в суд (вплоть до Страсбургского!) за защитой своих прав. Необходимо, чтобы начиная со школы подростки знали суть основных правовых документов и понимали бы, что судебная защита своих прав — это не экзотика, а нормальный факт человеческой жизни.

Защита прав человека имеет колоссальное значение для России не только ради поддержания человеческого достоинства и защиты человека от административного произвола. Дело в том, что только свободный человек может реализовать свой творческий потенциал и внести свой вклад в развитие своей страны и всего человечества. Наиболее экономически развиты те страны, где соблюдаются права человека. Да это и понятно — в атмосфере гражданской войны, репрессий, произвола — люди озабочены выживанием, а не творчеством.

Защита прав человека в России требует тщательного анализа как существующего законодательства, так и обсуждаемого к принятию в законодательных органах России и регионов.

Слишком часто, в угоду чиновникам или правящей церкви, или с подачи силовых структур, принимались законы, явно нарушающие права человека. Это и закон о свободе совести, где практически дискриминируются «нетрадиционные» религии, и расширение прав следственных органов под предлогом борьбы с терроризмом, в том числе попытка введения контроля за Интернетом, и закон о проведении митингов и демонстраций, где была сделана попытка придать разрешительный (а не заявительный) характер уведомлениям о проведении митингов и демонстраций...

Датский учёный Халь Кок писал, что демократия — это не состояние, а процесс, так как всё время идёт непрерывная борьба за свободу, за соблюдение прав человека.

Нельзя оставаться в стороне от этой борьбы — себе будет дороже!

РАСКОПКИ СТАРОЛАДОЖСКОГО «ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА» В 2003 Г.

В июле—первой половине августа 2003 г. Староладожская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Российской Академии Наук при участии исторического факультета Ленинградского государственного областного университета продолжала начатые в 1999 г. исследования раскопа 3 размером 11 × 12 м (рис. 1), заложенного в южной части «Земляного городища» Старой Ладogi Волховского района Ленинградской области. В этом месте располагалась значительно снивелированная куртина, если употреблять терминологию средневековой поры, «Земляного города». Выбор места раскопа обусловлен необходимостью определить характер культурного слоя на южной окраине городища, выявить элементы древней планировки, определить микротопографию данной территории, прилегавшей, возможно, к ручью и небольшому внутреннему водоему, подпитывавшемуся подземными ключами. Здесь можно ожидать следы концентрации ремесленных производств и части плотной деревянной застройки эпохи средневековья. По соседству с избранным для раскопок участком имели место изыскания археологов Н. И. Репникова и В. И. Равдоникаса, и при этом был обнаружен древнейший слой ладожского поселения VIII в. Зафиксировать продолжение этого слоя, возможно, удастся в раскопе 3. Далее является существенным определить, в какой мере находящаяся здесь земляная крепость и существовавший в этом месте посад соотносились с планировкой средневекового города Ладogi и прилегающими окрестностями. Постоянной задачей экспедиции является также выявление и изучение жилищ, хозяйственных построек, их окружения, может быть, находившихся здесь изначально, т. е. в VIII—IX в., крепостных сооружений, всех находящихся в непотревоженном культурном слое под насыпным валом «Земляного города» XVI в. Особого внимания заслуживают и археологические находки, включая такие массовые, как керамика.

Работы 2003 г. в целом были направлены на углубление наших знаний об истории и материальной культуре древнерусского города, на пополнение археологическими находками местного Староладожского музея-заповедника (этому музею передаются все обнаруженные предметы¹), на сохранение памятников истории и культуры, находящихся в Старой Ладогe — древней столице Руси, которой в 2003 г. исполнилось 1250 лет.

В составе экспедиции участвовали сотрудники ИИМК РАН А. Н. Кирпичников (начальник экспедиции), О. И. Богуславский (заместитель начальника экспедиции), В. И. Кильдюшевский (заместитель начальника экспедиции), студенты-практиканты (52 человека двумя группами по 4 недели) и преподаватели Ленинградского государственного областного университета, научные сотрудники Староладожского музея-заповедника и Государственного Эрмитажа, 2 студента Казанского государственного университета, а также студент Университета в Тронхейме (Норвегия).

Раскопки велись на средства Администрации Ленинградской области, ОАО «Нева-ленд», ОАО «Лиговка», Санкт-Петербургского общественного фонда «Реформы и политика», Муниципального образования «Волховский район».

Основные задачи, поставленные экспедицией в сезоне 2003 г., удалось реализовать полностью.

Избранный для исследования участок «Земляного городища» расположен, как упоминалось, в его юго-восточной части (рис. 1). В этом месте находилась куртина, являющаяся частью укреплений «Земляного города», воздвигнутого между 1584—1586 гг. на территории существовавшего здесь ладожского посада. Упомянутая крепость, включая ее земляное основание, была реконструирована в эпоху Петра I. Подсыпана наружная сторона укреплений, по-видимому, повышена высота земляной насыпи. Раскоп 3 оказался заложеным на южной куртине «Земляного города», если говорить точнее, он прорезал ее северную половину и захватил слои, примыкающие к куртине со стороны крепостного двора.

¹ Все находки, обнаруженные в сезоне раскопок 2003 г., передаются Староладожскому музею-заповеднику. Они с добавлением других, найденных в более ранние годы, демонстрировались в Гос. Эрмитаже, Гос. Историческом музее в Москве, в новооткрытом в Старой Ладогe Музее археологии, а также в музее «700 лет — Ланскрона, Невское Устье, Ниеншанц». Находки из раскопок 2002—2004 гг. были показаны Президенту РФ В. В. Путину во время его двукратного посещения Старой Ладогe 17 июля 2003 г. и 17 июля 2004 г.

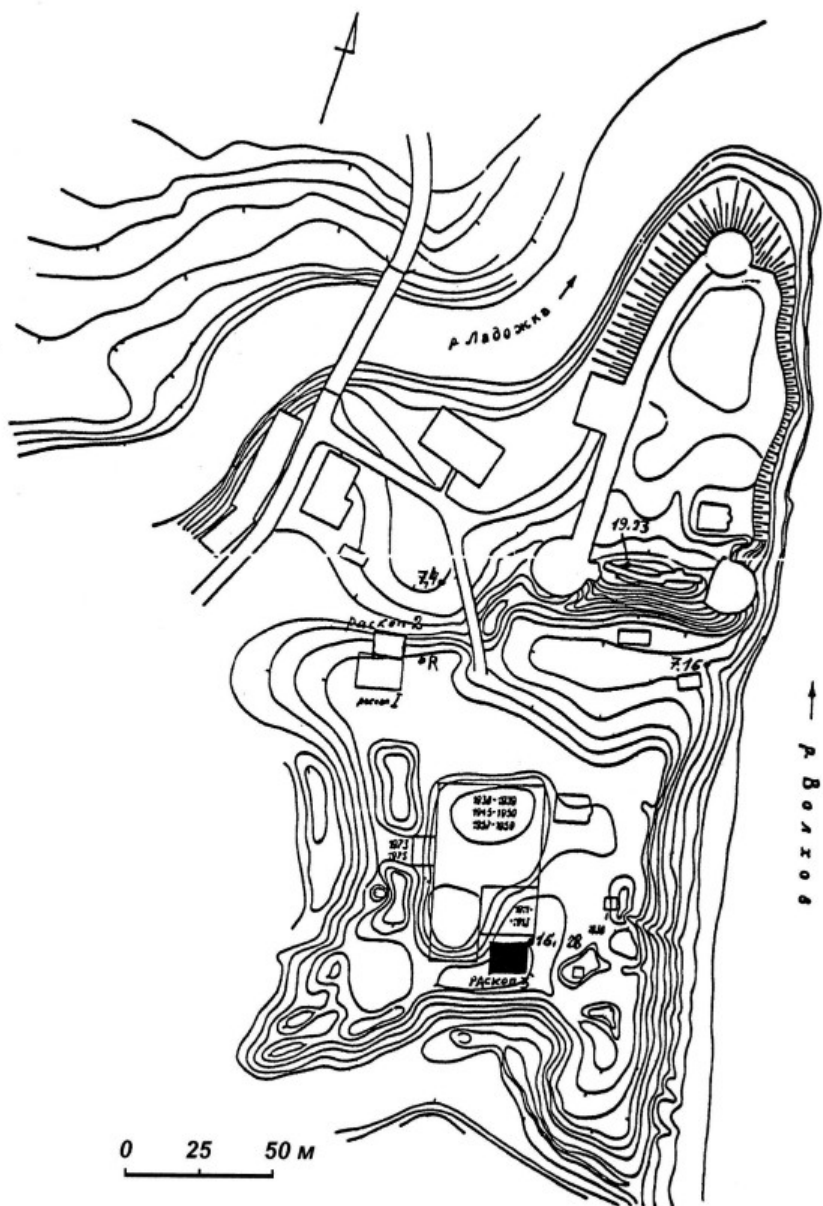


Рис. 1. Старая Ладога, «Земляное городище»: план раскопов. Черным цветом обозначен раскоп 3. Сечение горизонталей — через 1 м

В интересах сохранности исторического памятника, южная наружная половина куртины оставлена в целости. Площадка, где расположен раскоп 3, имела плавный уклон к северу и практически сливалась по своему уровню с прилегающей дневной поверхностью крепостного двора. Дневная поверхность на месте раскопа 3 по сравнению с прилегающим с юга рвом высится на 6–7 м. В древности эти цифры составляли не меньше 10 м. Как показали раскопки, верхняя часть куртины с бруствером была полностью скрыта, а поверхность снелирована примерно под уровень крепостного двора. В 1999–2000 г. куртина и находящиеся со стороны крепостного двора слои земли были исследованы, при этом открылся нижележащий культурный слой эпохи средневековья.

В 2003 г. произведено изучение культурного слоя эпохи раннего средневековья, относящегося суммарно к IX–началу X вв. Слой этого периода в Старой Ладогe оказался непоколеблен. Исследование этого культурного слоя велось методом послойного вскрытия площади раскопа по квадратам с тщательным размельчением грунта. Все встреченные объекты: находки, части построек, отдельные плахи и камни, скопления глины и золы – расчищались и фиксировались на чертежах и фотографиях. С помощью нивелира определялась глубина залегания объектов². Данные о месте и глубине нахождения объектов заносились в журнал и использовались при лабораторной шифровке вещей.

Изученная в 2003 г. толща культурного слоя составила от 30 до 65 см (различие измерений связано с некоторым наклоном древней почвы в месте раскопа с юга к северу). При этом глубина раскопа, считая от дневной поверхности, была доведена до 2,4 м в его северной части и до 4,2 м в южной. Именно на всю эту толщу культурного слоя, отложившегося в период средневековья (который изучается с 1999 г.), и была в 1584–1586 гг. насыпана куртина «Земляного города».

Исследованный в 2003 г. культурный слой представлял собой массу гумуса преимущественно бурого цвета, насыщенного остатками дерева, угольками, щепой и навозом. С учетом расчищенных в нем залежавших послойно деревянных сооружений и отдельных плах он подразделялся на три горизонта (В₁, А и Б) (рис. 2–6). В этой толще не встречено переходных отложений и

² Измерения производились от единого репера, установленного археологической экспедицией под руководством В. И. Равдоникаса.

каких-либо прослоек, свидетельствовавших о перерывах в его накоплении. Разграничение ладожских строительных горизонтов поэтому достаточно условно, так как одни и те же постройки могли относительно длительно существовать, ремонтироваться, иногда как бы «прорастая» в вышележащие слои. Трудности изучения ладожской стратиграфии увеличиваются еще и тем, что городские дома периодически горели, а затем пожарища

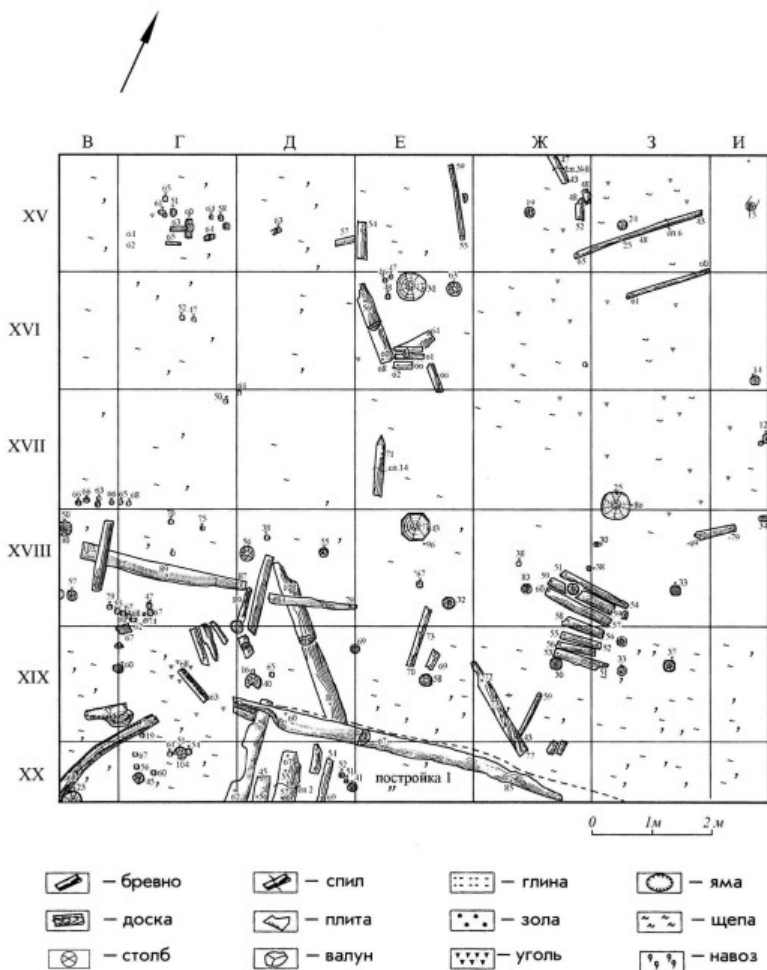


Рис. 2. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3. План горизонта В₁.

разгребались, нивелировались, и жизнь на старых местах вновь возобновлялась. На прежних участках в самое короткое время вновь возникали постройки. В сезоне 2003 года это обстоятельство проявилось очень заметно.

Во время раскопок удалось собрать 37 спилов для дендро-хронологического анализа, 15 из них дали определенную дату (анализ выполнен научным сотрудником Отдела археологии Псковского музея-заповедника М. И. Кулаковой). Датировка горизонтов получилась достаточно компактной, она охватила 880–890 годы и начало 900 годов.

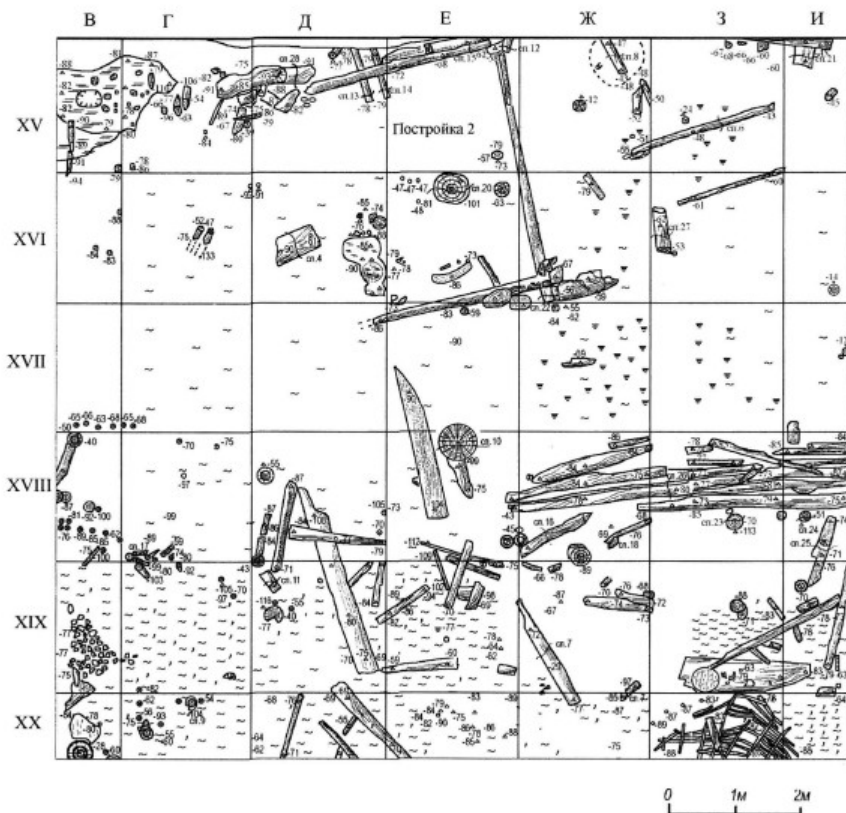


Рис. 3. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3. План горизонта А.

Горизонт В₁ изучался в продолжении исследования этого же горизонта, начатого в 2002 г. В зависимости от расположения различных квадратов он при средней толщине 15 см залегал на отметках 0,43–1,16 м, считая от условной полевой линии, показанной на профилях раскопа 3 (рис. 5–6). Исследуемый горизонт состоял из бурого гумуса со щепой и навозом. В пятне раскопанного в 2002 г. большого дома в кв. ЕИ XV–XVI оказалось много угольков и золистая прослойка. На остальной площади раскопа в буром гумусе встречены щепы и навоз, местами с признаками горелости. В раскопе открыты нижние части вертикально расположенных столбов, наиболее крупные из которых диаметром до 0,5 м относились к устоям-колоннам большого дома (кв. ЕЗ XVI, XVII–XVIII). В квадратах ВЗ XVII–XIX основания столбов расположены в плане по одной не вполне прямой линии. Возможно, речь идет о частоколе. В кв. ЖЗ XVIII–XIX расчищена часть вымостки из бревен длиной до 1,2 м и диаметром около 15 см. В южной части раскопа обнаружена угловая часть сруба, северное бревно которого прослеживается в длину около 6 м (постройка 1; рис. 2). Внутри сруба зафиксированы несколько плахов пола. Окладные бревна сруба достигают в диаметре 25 см. Большая часть постройки оказалась за пределами раскопа.

В раскопе найдены в беспорядке лежащие обломки бревен и плахов, что свидетельствует, очевидно, о разборке данного горизонта в связи со строительством вышележащего. Об этом же свидетельствуют и находки, на большинстве квадратов не составляющие закрытых комплексов. Перечислю вещи, которые найдены при разборке напластований данного горизонта³ (рис. 7–12, 14–19). Среди них оказались бисер желтого, синего

³ Все найденные вещи перечислены в описи индивидуальных находок (в дальнейшем «опись»), прилагаемой к полному тексту отчета, находящемуся в архивах Института истории материальной культуры РАН и Институте археологии РАН в Санкт-Петербурге и Москве. Номера описи находок проставлены также на рисунках найденных предметов. К строительному горизонту В₁ относятся №№ 4–32, 35–84, 86–89, 92–101, 103, 105, 107–108, 110, 117, 119–123, 126–137, 143, 145, 150–151, 156, 159, 161–165, 168–169, 174–176, 183–185, 187, 189, 192–193, 195–196, 198–199, 209–212, 214–215, 218, 226–228, 230–233, 237–244, 248–253, 268, 272, 274, 318, 319, 329, 411, 413, 446, 508–510, 520, 522, 626, 631, 637, 638, 641, 644, 651, 652, 653, 662, 375, 679, 686, 690, 696, 697, 701, 702.

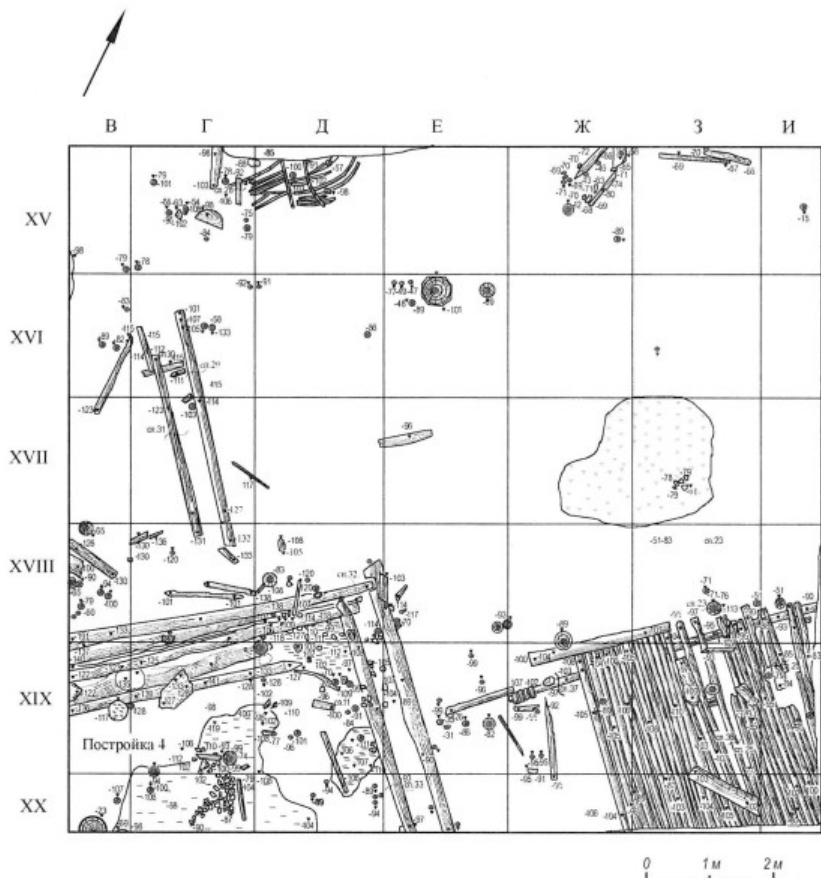


Рис. 4. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3. План горизонта Б

и белого цветов (101 экз., некоторые со следами брака), многочастные пронизки (8 экз.), бусы из разноцветного стекла, сердолика, янтаря, горного хрусталя (12 экз.); фрагменты односторонних костяных гребней (2 экз.), костяные проколка, пластины, пряслице, конек, рукоять и навершие из кости; изделия из дерева⁴ и бересты, бронзовое кольцо, шиферное пряслице,

⁴ Все обнаруженные в 2003 г. изделия из дерева в интересах их немедленной консервации были переданы в Староладожский музей-заповедник сразу после раскопок. Остальные предметы передаются в музей-заповедник после их изучения.

оселок, две железные заклепки, фрагмент ножа, глиняное грузило, металлическая ложка, возможно, для литья металла в форму. О местном ювелирном ремесле свидетельствуют 12 обломков янтаря, 4 куска стекловидного шлака, 4 фрагмента тиглей, несколько упомянутых выше бракованных бисерин. Самих ремесленных мастерских не найдено, но находки, связанные с производственным циклом, указывают на их существование в данном месте или по соседству.

Из приведенных выше итоговых подсчетов следует отдельно выделить вещи, найденные при расчистке пятна большого дома ⁵, раскопанного в 2002 г. Возможно, что некоторая часть находок с этим домом связана, но большая часть находилась в изученном в 2002 г. напластовании. В этой зоне в кв. Ж, 3, И XV—XVIII оказались 47 экз. бисера желтого, зеленого, синего и молочного цветов, 4 стеклянных пронизки, 7 стеклянных, янтарных, горного хрусталя бус, 7 кусков янтаря (включая целую поделку), фрагмент костяного гребня, тигель, стекловидный шлак, железная заклепка. В трех случаях экземпляры бисера обнаружены спекшимися между собой по две и по три.

В пятне постройки 1 в кв. Д XIX—XX, Е XX, Ж XX найдены несколько экземпляров бисера, рукоять из кости, кусок стекловидного ⁶ шлака. Малочисленность находок объясняется тем, что только северный край этой постройки попал в зону раскопа.

Дендроанализ трех спилов горизонта В₁, к сожалению, не дал результата. Исходя из хронологии нижележащих напластований, предположительная дата горизонта В₁, скорее всего, конец IX—начало X в.

Горизонт А выявлен на отметках 0,45/0,60—1,10 м от ноля в зависимости от расположения различных квадратов, считая от условной нулевой линии. Этот горизонт представлял толщу бурого гумуса с многочисленными включениями глины, навоза, щепы и горелости (рис. 3 и 5—6). От вышележащего горизонта В₁ рассматриваемый отделен тонкой прослойкой пожара,

⁵ Опись №№ 20—21, 24, 26—32, 35—37, 42, 44—46, 48, 50, 53, 55—56, 58—61, 66, 68, 69, 70—71, 74—76, 78—80, 84, 88, 92, 101, 103, 107, 126, 128, 183, 187, 189, 195, 198, 212, 248, 250, 253, 268, 274, 319, 411, 413, 508—510, 626, 631, 637, 638, 675, 679, 686, 690, 701—702.

⁶ Опись №№ 22, 47, 67 (?), 72, 82, 95, 237.

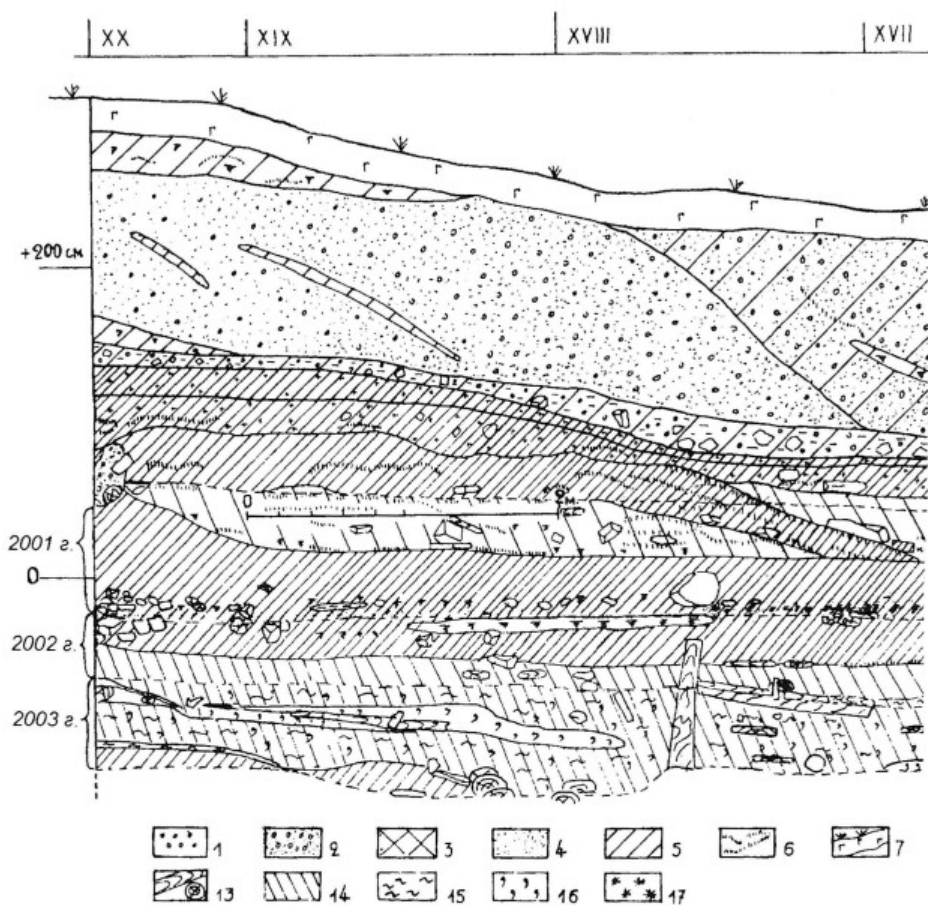
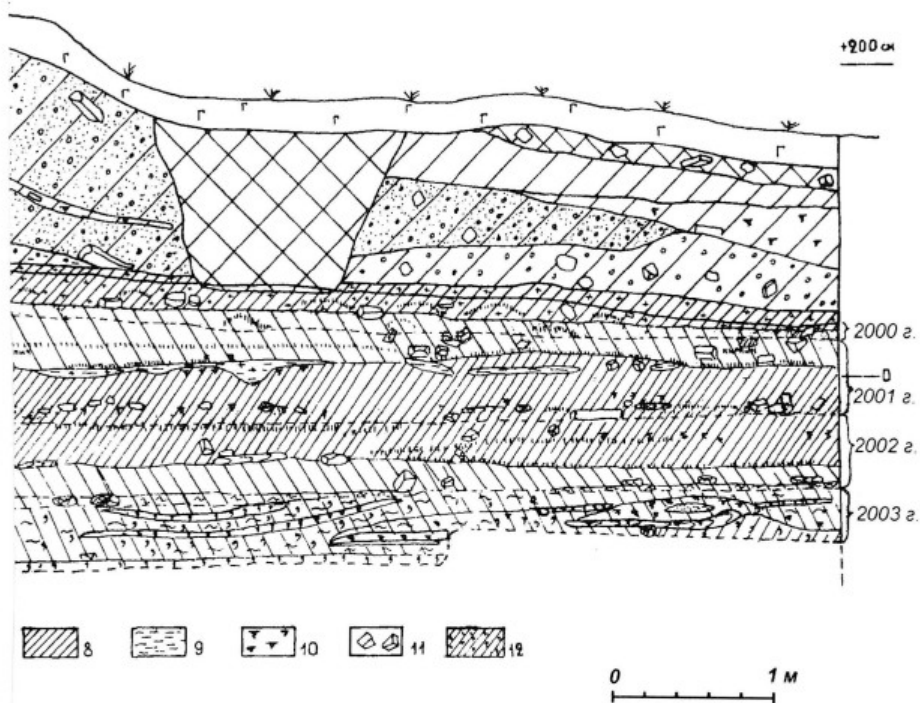


Рис. 5. Старая Ладога, «Земляное городище»

Условные обозначения

- 1 — щебень; 2 — песок с глиной и известняковой крошкой; 3 — перекоп
 4 — глина; 5 — горелость, угли; 6 — камень; 7 — коричневый гумус; 8 —
 9 — глина; 10 — горелость, угли; 11 — камень; 12 — коричневый гумус; 13 —



раскоп 3: профиль западной стенки.

(то же относится к рис. 6):

— песок; 5 — серый гумус; 6 — древесный тлен; 7 — дерн; 8 — черный гумус; ерехо, бревна, плахи; 14 — бурый гумус; 15 — щепя; 16 — навоз; 17 — зола

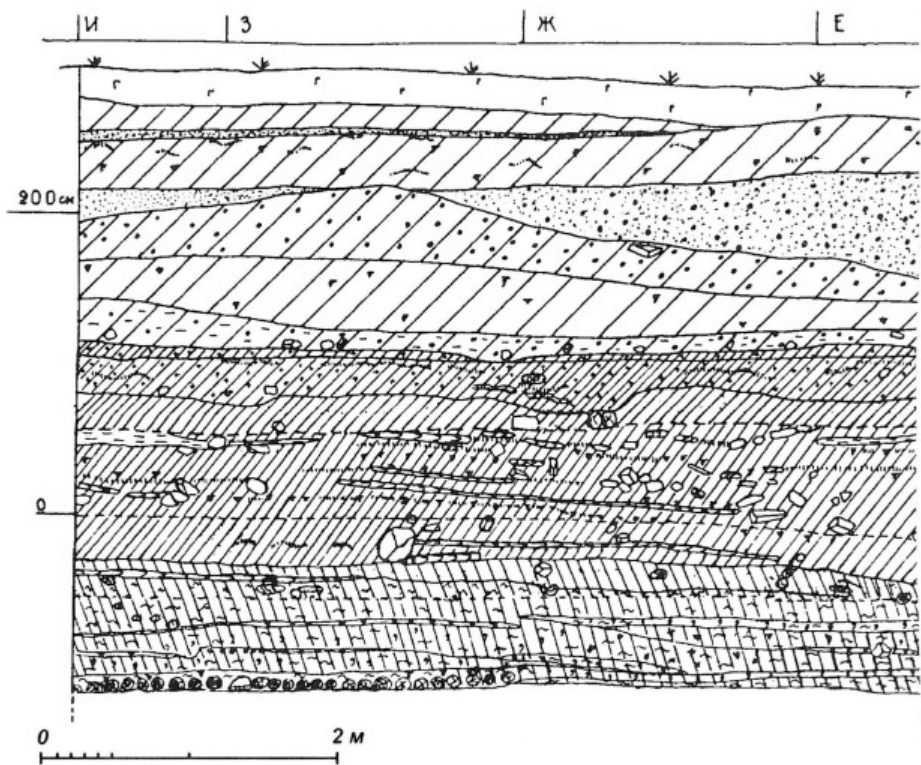
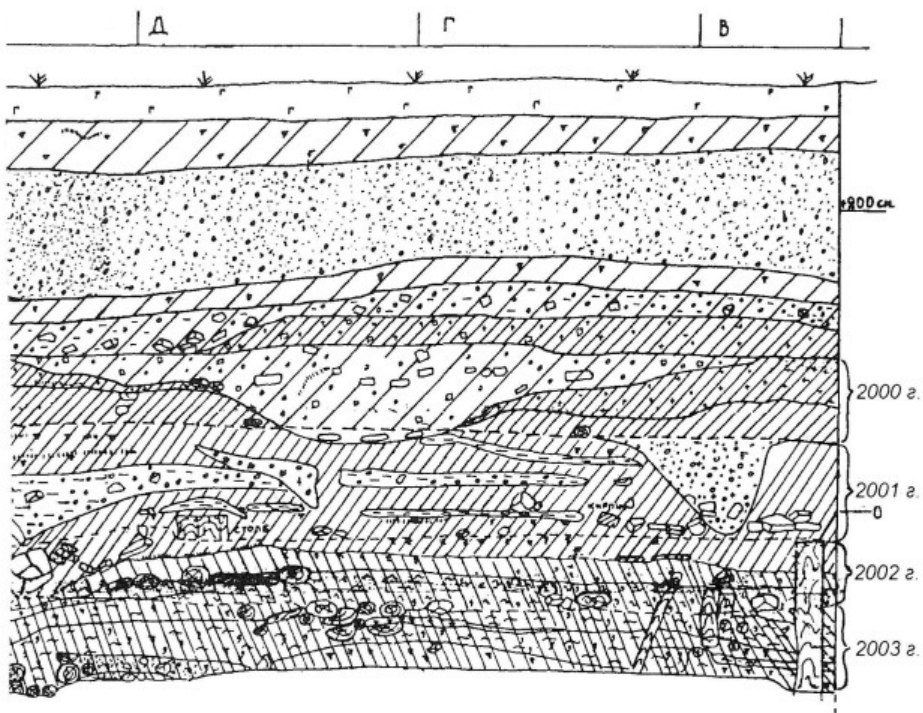


Рис. 6. Старая Ладога, «Земляное городище». Профиг



южной стенки раскопа 3. Условные обозначения см. рис. 5

которая отдельными пятнами прослеживалась по всей площади раскопа.

В северо-восточном углу раскопа (кв. И XV) на отметке 0,45—0,50 м от ноля зафиксирован угол сруба с рубкой в обло (постройка 3). Остальная часть постройки находилась за пределами раскопа.

В кв. ДЖ XV—XVII на отметках 0,55—0,86 м от ноля выявлены окладные бревна сруба из бревен диаметром 12—14 см (постройка 2). Западная стенка сруба не сохранилась. Примерные размеры сооружения 3,5 × 3,8 м. В его юго-западном углу расчищено аморфное в своих границах пятно глины, золы, угля, мелких камней размером 0,8 × 1,2 м — вероятно, под отопительного устройства. Внутри постройки остатков пола не прослежено.

В кв. ВГ XV на отметках 0,8—1,2 м обнаружено пятно золы, глины, мелких камней и угля толщиной 5—7 см. Там же были остатки небольших колышков. Возможно, речь идет об остатках печи со сводом каркасной конструкции.

В кв. ЖЗИ XVIII на отметках 0,76—0,87 м встречен настил из плах и бревен диаметром около 15 см, длиной до 1 м. Его продолжение к востоку находилось за пределами раскопа. Настил был частично перекрыт прослойкой пожара. К западу и югу от него оказались разбросанные в беспорядке части бревен и плах, а также основание столбов диаметром до 20 см. Находившаяся некогда здесь постройка не поддается распознаванию.

В юго-восточном углу раскопа в кв. ЗИ XIX на глубине 0,75—0,85 м среди обломков бревен и досок найдена часть корабельной палубной доски с отверстиями для нагелей (рис. 20). Ее длина около 2 м, ширина 0,45 м. Южнее от этой корабельной детали были части упавшего плетня из жердей и переплетенных прутьев. Все описанное было перекрыто слоем интенсивного пожара. В юго-западной части раскопа в кв. В XIX на отметках 0,75—0,77 м выявлена не полностью сохранившаяся вымостка, состоящая из мелкого камня на глине — возможно, место очага. Длина вымостки 1,4 м, ширина 0,7 м.

В целом рассматриваемый горизонт производит впечатление разбиравшегося после пожара в целях сооружения на старом месте новых построек.

При разборке горизонта А найдены многочисленные находки, за небольшим исключением (пятно жилища 2) не составлявшие



Рис. 7. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3. Бусы из стекла (№№ 63, 599, 720, 103, 220, 363, 30, 476), сердолика (№№ 262, 158), пронизки (№№ 3, 6, 659), трубочка (№ 52)



Рис. 8. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3. Бусы из стекла (№№ 34, 275), горного хрусталя (№№ 486, 53), янтаря (№№ 183, 252), поделка из янтаря (№ 128)

определенных комплексов⁷ (рис. 7, 9–12, 14–20). К ним относятся 154 экз. бисера (91 желтого стекла, 30 синего, 14 зеленого, 19 бесцветных или молочного цвета), 18 различных бус, включая глазчатые, янтарные, сердоликовые, из горного хрусталя, цветного стекла, 7 пронизок, в том числе серебро и золотостеклянных, 4 стекловидных слитка светлого и желтого цветов, 11 кусков янтаря. Среди металлических изделий оказались 4 железные ладейные заклепки, фрагмент ножа, бронзовые стержень, обрывок проволоки, гирька с бронзовой обтяжкой, височное кольцо со спиральным завитком. Отметим далее костяные: навершие, проколку, 2 фрагмента одно-сторонних гребней, пиленный рог лося, 4 грузила от ткацкого станка, пряслице из обожженной глины, 2 оселка, донце из бересты. К деревянным вещам относились фишка, поплавки, крюк, нагели (8 экз.), донце бочки, названная выше корабельная доска с отверстиями для нагелей, ряд обломков. О ремесленной деятельности свидетельствуют спекшиеся с непроделанными отверстиями экземпляры бисера и оплавленных бус, куски янтаря, 4 фрагмента тиглей, пиленный рог — заготовка, 4 обломка криц, неоконченные производством ладейные заклепки. В целом, перечень находок напоминает сходные, обнаруженные при разборке горизонта В₁. Остатки ремесленного производства позволяют предположить, что мастера, жившие на месте раскопа 3 или поблизости от него, занимались изготовлением стеклянных бисера и бус, изделий из кости, янтаря, бронзы и железа. В целом, перечень находок горизонта А напоминает сходные, обнаруженные при изучении горизонта В₁.

При раскопках горизонта А на дендрохронологический анализ был взят 21 спил, три из них удалось датировать 883 (?), 886 (?) и 887–889 годами. Таким образом, общая дата охватывает 880-е годы. К этому же времени относится постройка 2, спилы

⁷ Опись №№ 33, 87, 91, 102, 104, 106, 109, 111–116, 118, 124–125, 134, 137–142, 144–145, 147–149, 152–155, 157–158, 160, 166–167, 170–171, 173, 177–182, 186, 188, 190–191, 194, 197, 200–201, 204–208, 213, 216–217, 219–225, 229, 234–236, 246–247, 254–258, 260–263, 266–267, 269–271, 276, 278–282, 284–293, 296–317, 320–358, 361–404, 406–410, 414–416, 436, 438–441, 443–444, 448–449, 454–457, 459–461, 463, 468, 482, 491–494, 499, 501, 506–507, 521, 529, 531, 560, 562–564, 568, 570, 572, 578–580, 582–583, 588, 615, 639, 689, 691, 699–700, 706, 708–709, 718, 722–723, 726, 755, 757, 759–762, 773.

которой, как показал анализ, относились к 883 (?) и 887—890 годам. Предложенной датировке не противоречат найденные при расчистке постройки 233 экземпляра бисера желтого, синего и молочного цветов, а также пронизка желтого стекла, 2 глазчатых стеклянных бусы, обломок янтаря, 2 фрагмента костяных гребней⁸.

Горизонт Б выявлен на отметках 0,48—1,36 м и состоит из бурого гумуса с включением навоза, угля, щепы, черных гумусных прослоек (рис. 4, 5—6). Его средняя толщина около 20 см. В кв. ГД XV зачищена часть упавшего плетня высотой не менее 0,7 м, состоящего из вертикальных стоек и поперечных жердей. В кв. Г XVI—XVIII на отметках 1,15—1,3 м обнаружены два параллельно лежащих бревна, вероятно, от разобранный постройки. Одно длиной 3,9 м с чашечными врубками явно относилось к стене сруба. В юго-западном углу раскопа в кв. В—Е XVIII—XX на отметках 1—1,2 м обнаружены части постройки 4, состоявшей из основного сруба, окруженного дополнительной обноской, укрепленной по внешнему краю кольшками (рис. 21). Основной сруб сохранился на 2—3 венца. Диаметр бревен 18—20 см, восточное бревно обноска в диаметре составляло 30—32 см. Расстояние между срубом и обноской 30—40 см. Бревна основного сруба соединялись рубкой в обло. Внешняя обкладка укрепляла основание несколько приподнятых стен дома и в значительной мере предотвращала доступ внутрь его воды. В заполнении сооружения песок, щепа, уголь, бурая земля, местами линзы глины. Внутри сооружения открыты остатки очага. Расчищены два столба опечка — остатки деревянного ограждения очага и выкладка камней пода, уложенных на глину. Очаг, судя по его деталям, в плане был прямоугольным и помещался в центре покоя. Часть данного жилого комплекса не могла быть изучена, так как простиралась за пределы раскопа.

От описанной постройки к востоку в кв. ЖИ XVIII—XX располагался настил из тонких бревен диаметром 8—12 см (рис. 21). Он обнаружен на отметках 0,87—1,06 м от ноля. Прослеженная длина бревен настила 3,8 м. Он был уложен на

⁸ Опись №№ 87, 102, 104, 179, 200, 246, 280, 284—287, 289, 290—291, 293, 297—298, 301—308, 312—313, 316, 321, 560, 563, 568, 570, 578—580, 582—583, 588, 722—723.

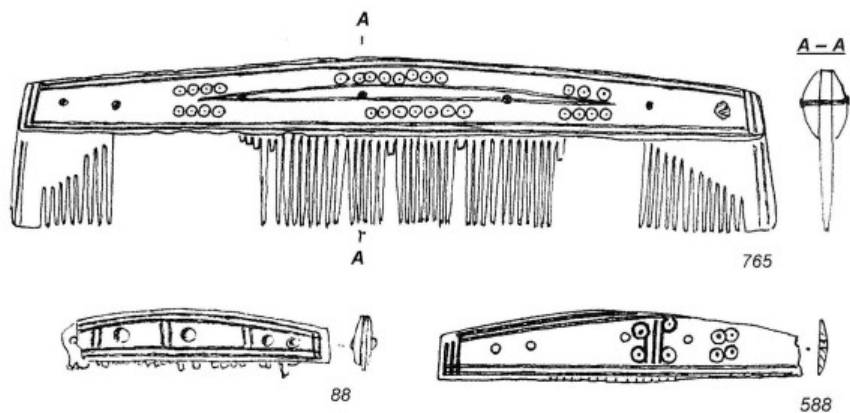


Рис. 9. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3. Гребень (№ 765), спинки гребней (№№ 88, 588)

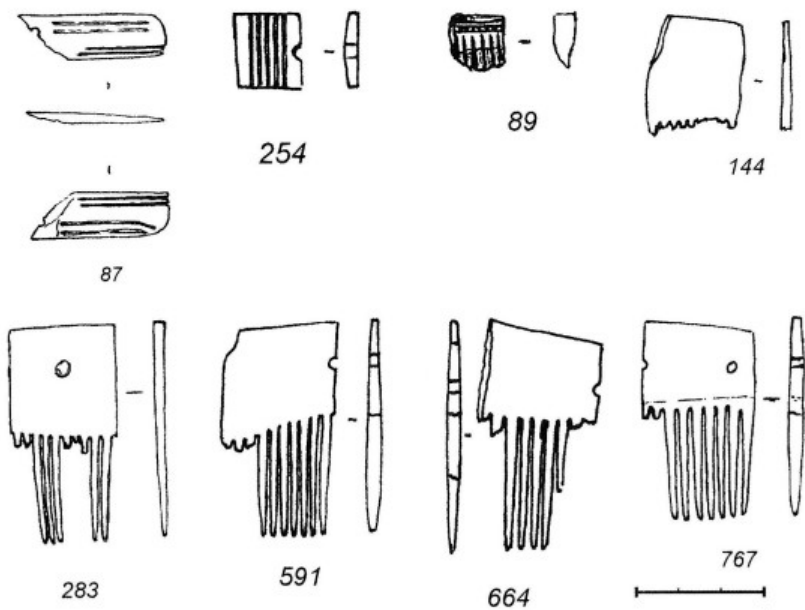


Рис. 10. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3. Детали составных гребней: обломки накладок (№№ 87, 254), пластины с зубьями (№№ 283, 591, 664, 767, 89, 144)

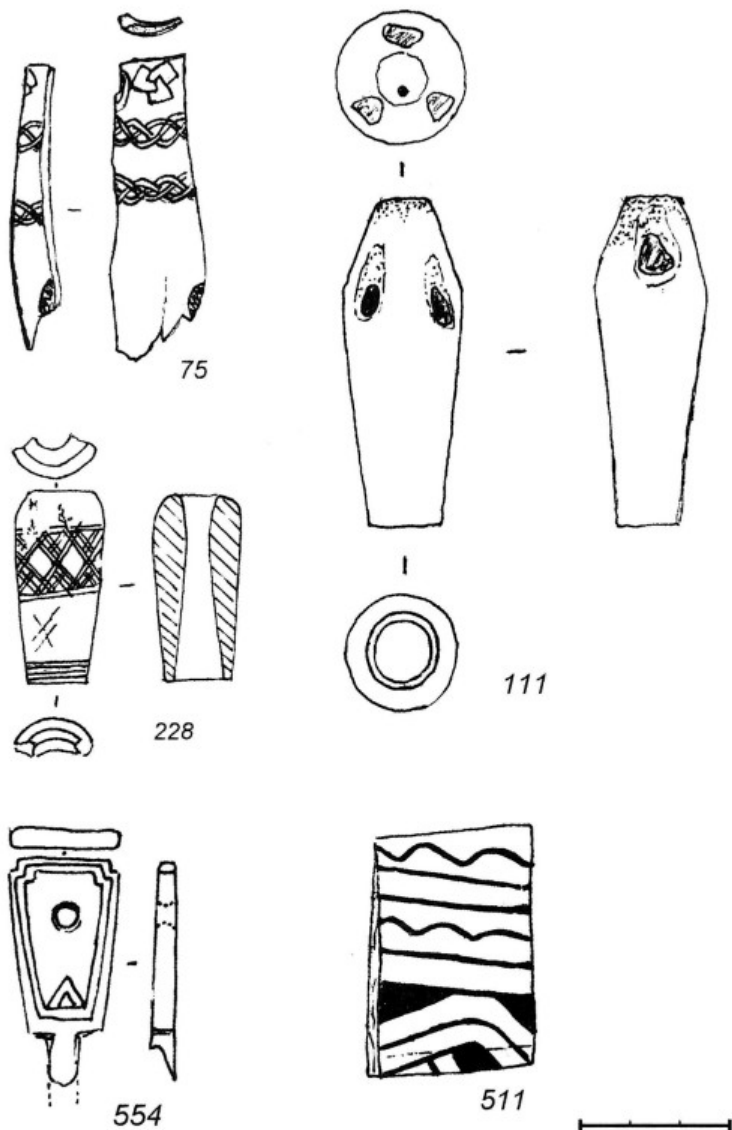


Рис. 11. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
 Предметы из кости: рукояти (№№ 75, 228), наконечник с тремя
 отверстиями (№ 111), верхняя часть булавки (№ 554).
 Фрагмент бересты от короба (№ 511)

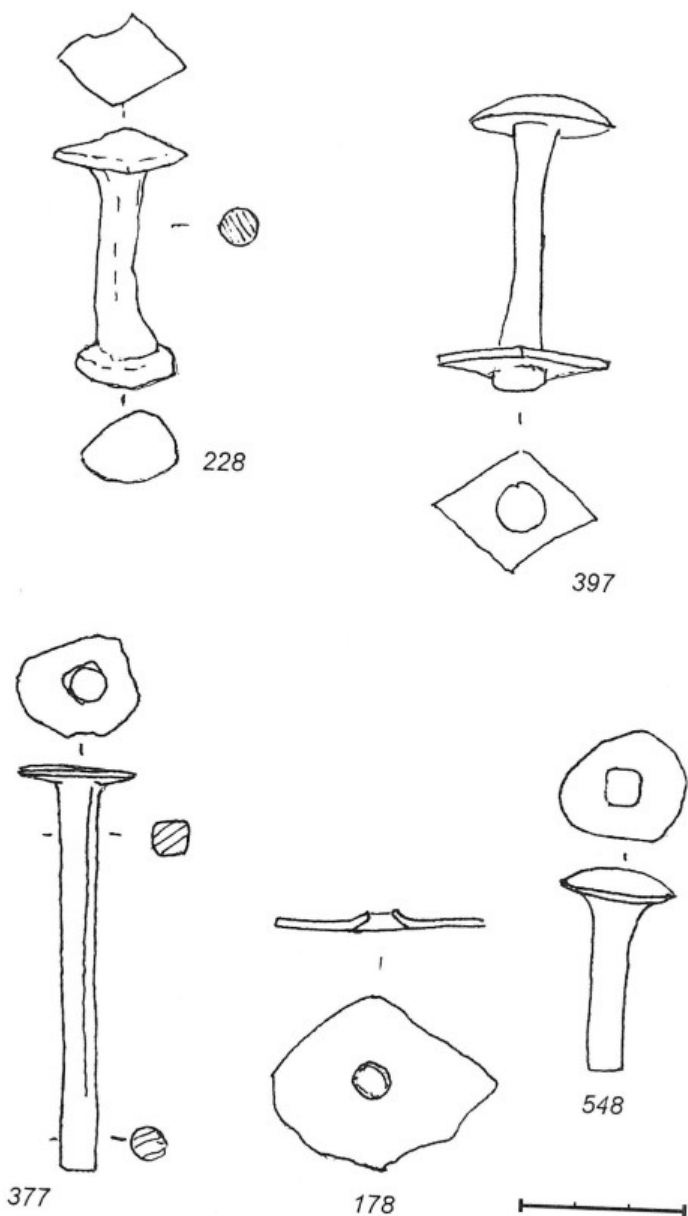


Рис. 12. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
 Заклепки ладейные (№№ 228, 397, 377, 548), пластина заклепки (№ 178)

лаги и окаймлен столбами. Возможно, что настил примыкал к постройке 4 (их ориентация совпадает), но еще в древности его примыкающая часть была разобрана. Настил залегал в слое щепы и навоза и был перекрыт линзой горелости. Предназначался ли настил для скотного загона определенно судить, однако, затруднительно. Части этого сооружения с восточной и западной

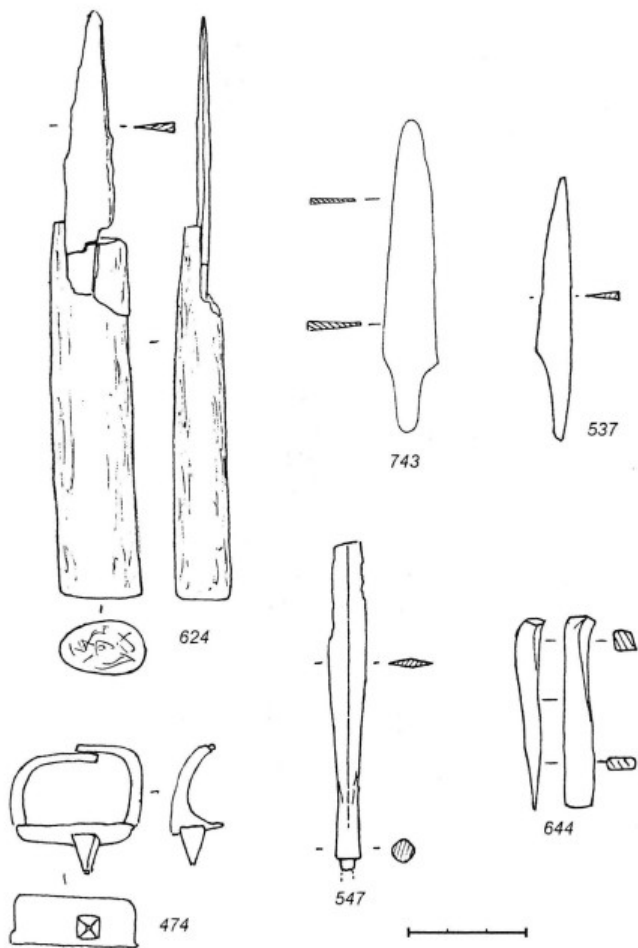


Рис. 13. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
 Ножи (№№ 624, 473, 537), ледоходный шип (№ 474),
 наконечник стрелы (№ 547), зубило (№ 644)

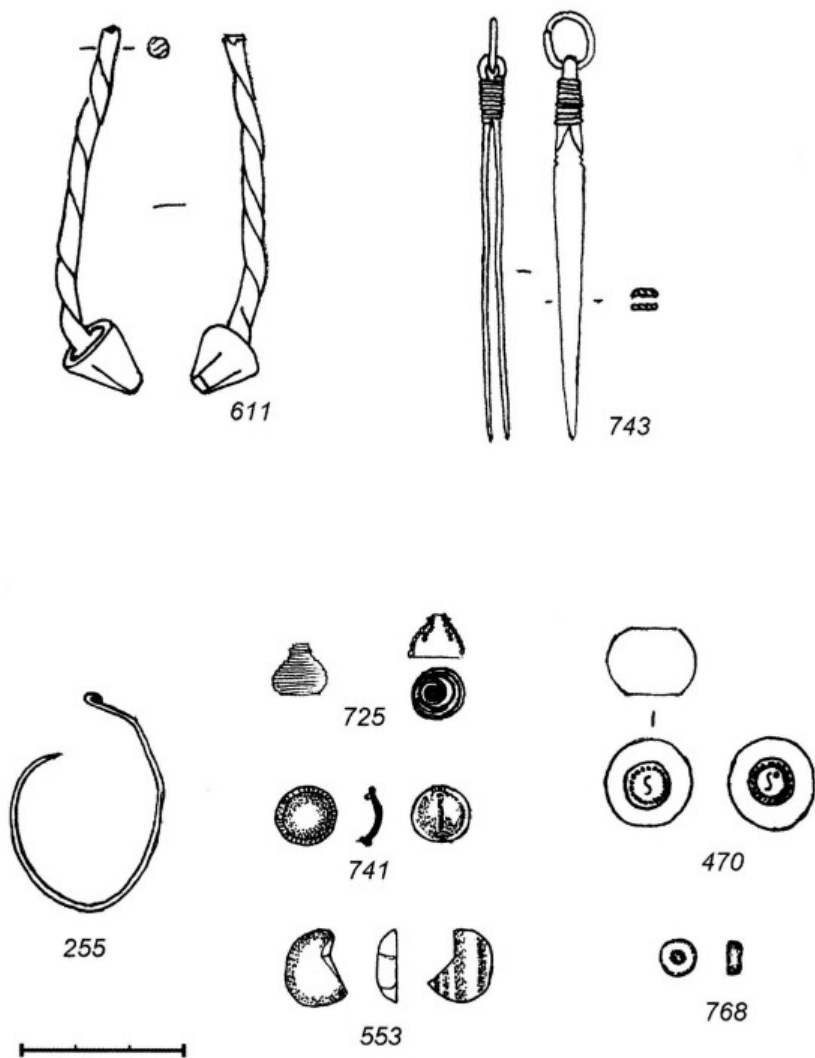


Рис. 14. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
 Оконечность латунной гривны (№ 611), бронзовый пинцет (№ 743),
 бронзовое височное кольцо (№ 255) и гирица (№ 470). Свинцово-оловянные:
 буса (№ 725), бляшка (№ 741), слиток (№ 553), гирица (№ 768)

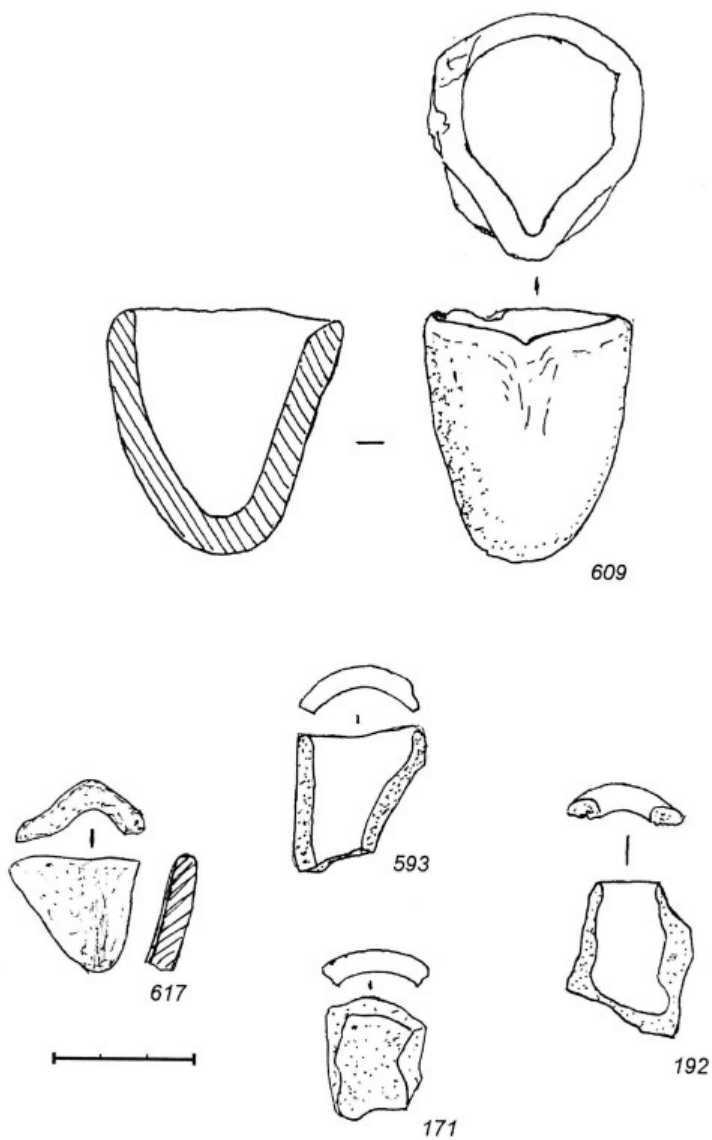


Рис. 15. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
Тигель (№ 609) и обломки тиглей (№№ 617, 36, 192, 171)

сторон не раскапывались, так как находились за пределами раскопа. Севернее настала в кв. ЖЗ XVII открыто зольное пятно в поперечнике 2 м.

При разборке напластования горизонта Б встречены разнообразные предметы⁹ (рис. 7—16), а именно: бисер желтого (81 экз.), синего (21 экз.), молочного или бесцветного (17 экз.), зеленого (5 экз.) цветов; 14 различных бус, включая глазчатые, мозаичные, золотостеклянные, сердоликовые, янтарные; 2 стеклянные трубочки, 6 многочастных пронизок. Далее отметим изделия из кости, включая 3 фрагмента односторонних гребней, целый гребень, 2 пряслица, навершие булавы, конек; предметы из металла, такие как 7 ладейных заклепок, 5 целых и обломков ножей, ледоходный шип, оконечность гривны из перекрученного стержня из латуни, железные накладка, оковка, дужка от ведра, ключ, наконечник ланцетовидной стрелы, зубило, обтянутую бронзой гирику, отрезок бронзовой проволоки, 3 подвески из свинцово-оловянного сплава. Назовем изделия из глины и камня: 6 целых и обломков тиглей, 4 оселка, 1 керамическое пряслице, 3 глиняные грузика для ткацкого станка. Были нередки предметы из дерева: 2 ложечки-лопаточки, 1 фишка, фрагмент миски, клепка сосуда, 4 нагеля, донце берестяного туеса, ряд деревянных деталей, назначение которых не ясно. В составе находок примечательны вещи, свидетельствующие о ремесленном производстве: это бракованные — оплавленные, с непроделанными отверстиями бисер и бусы, обломки янтаря, зубчатые пластины составных наборных гребней, тигли, слиток цветного металла, фрагмент крицы, неоконченная производством заклепка, зубило. Все отмеченные выше находки распределялись по всей площади раскопа, не составляя определенных комплексов, за исключением одного случая обнаружения в одном месте скопления 13 экз. бисера светлого прозрачного стекла (кв. Д XVII) и участка постройки 4, находившейся в кв. В—Е XVIII—XX на глубине 0,87—1,41 м, считая от нолевой отметки.

⁹ Опись №№ 202, 259, 262, 264—265, 277, 283, 294, 417—421, 423—435, 437, 442, 445, 447, 450—453, 458, 464, 469—481, 483—484, 488—490, 495—498, 500, 502—503, 512—513, 516—519, 523—528, 530, 532—558, 561, 565—567, 569, 571, 573—577, 581, 584—587, 589—601, 603, 605—614, 616—621, 624—625, 627—630, 632—636, 640, 642—643, 645—646, 648—650, 654—661, 663—674, 676—678, 681—689, 692—695, 698, 703—704, 707, 710—717, 719—721, 724—725, 727—739, 741—742, 745, 754, 756, 758, 763—766, 769—770.

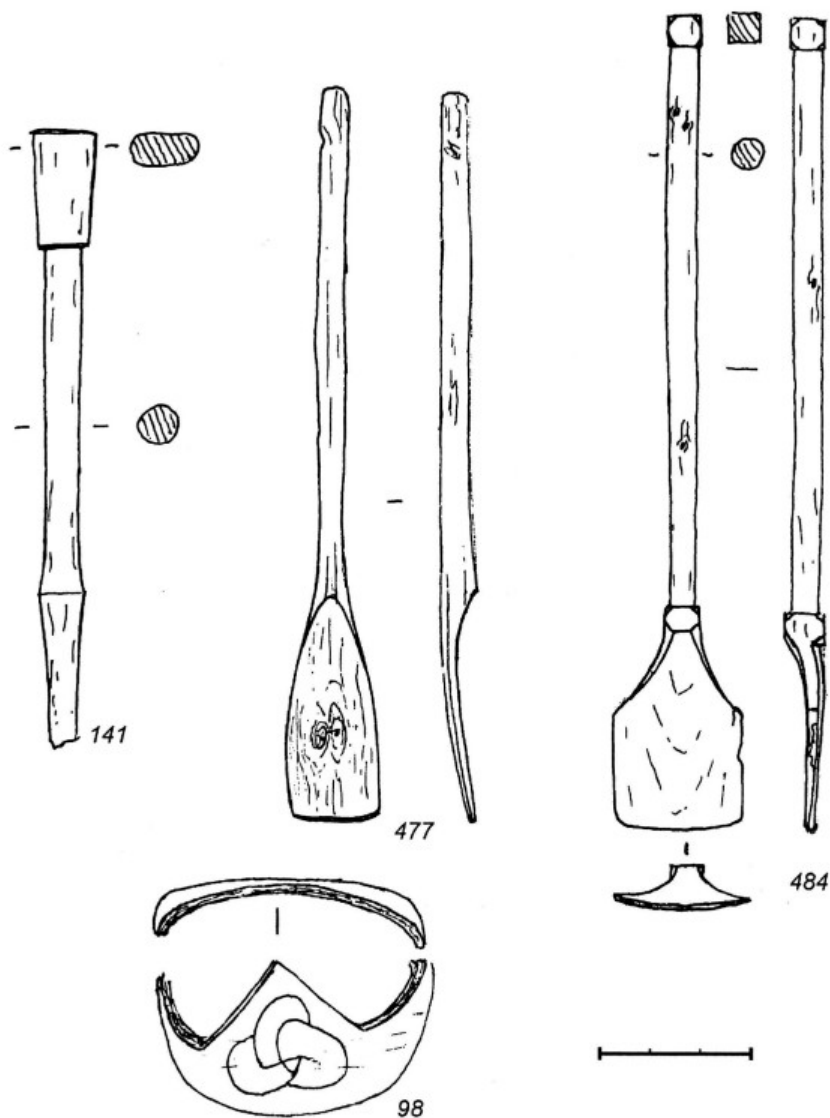
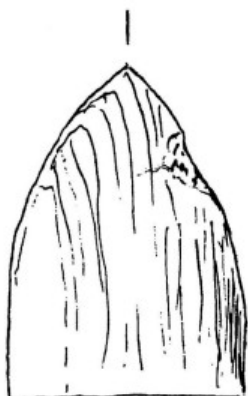


Рис. 16. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
 Деревянные: стержень (№ 141), лопаточки (№№ 477, 484).
 Изделие из бересты (№ 98)



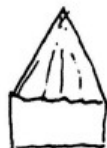
77



273



93



181



196



Рис. 17. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
Деревянные фишки (№№ 77, 273, 93, 181, 196)

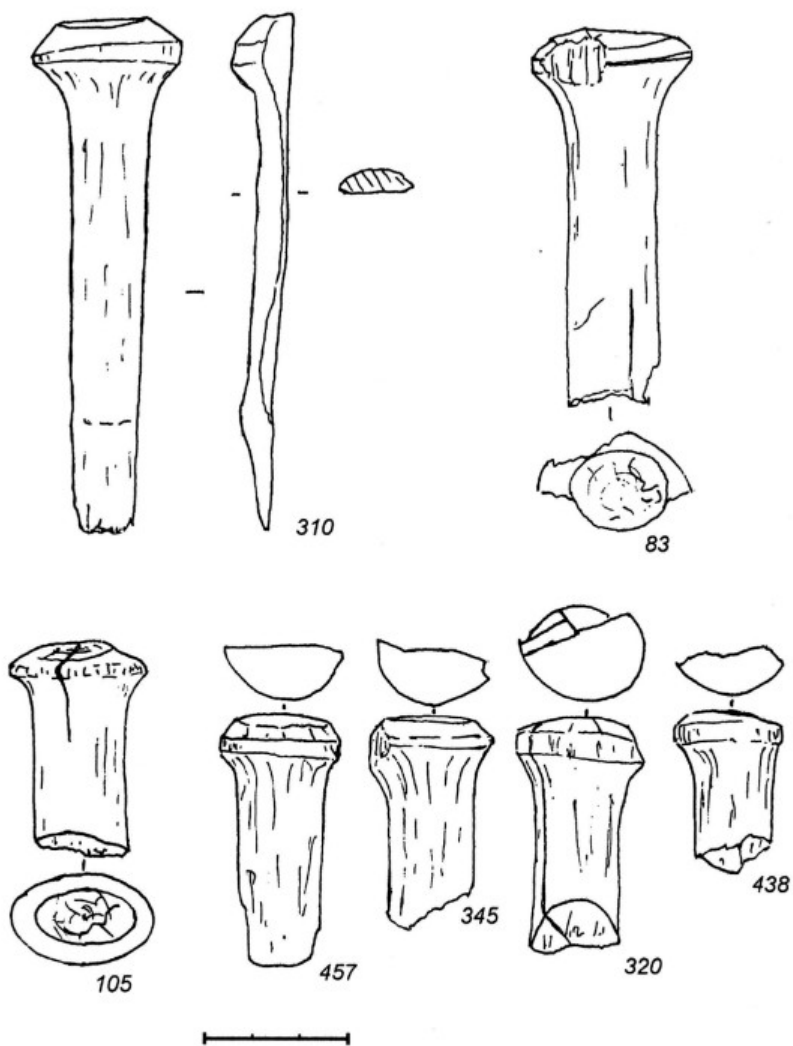


Рис. 18. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
 Навели (№№ 310, 83, 105, 457, 345, 320, 438)

При расчистке постройки 4 обнаружены ¹⁰ 41 экз. бисера желтого цвета, 8 экз. синего, 2 экз. молочного, 1 экз. зеленого, 3 пронизки (одна без продольного канала), 2 стеклянных трубочки, 8 разноцветных бус (одна в виде скола), капля желтого стекла, стеклянная масса мозаичной бусы, 16 обломков янтаря, тигли — целый и 4 фрагмента, 3 оселка. Отметим железные оковку, накладку, скобу, костыль, ключ, рукоять ножа, зубило, пробойник, две ладейные заклепки, оконечность упоминавшейся гривны из латуни, свинцово-оловянные бляшку и подвески. Также назовем керамический грузик от ткацкого станка, дно берестяного туеска, пряслице из кости, деревянную деталь корабельной оснастки. В этом перечне обращают на себя внимание предметы, явно связанные с ремеслом и его отходами. Это бракованные буса (735) и пронизка (659), капля желтого стекла (587), масса мозаичного стекла (694), фрагменты янтаря (500, 506, 540, 546, 550, 557, 600, 610, 648, 655, 657, 661, 665, 712, 714, 716), тигли (605, 609, 616—617), зубило (654). Это дает право предположить, что рассматриваемая постройка является мастерской-жилищем ремесленника-универсала, изготовлявшего украшения из стекла, янтаря, может быть, другие изделия.

По данным дендроанализа из 13 взятых спилов горизонта Б удалось определить 6. Речь идет о разрушенной постройке в квадратах Г XVI—XVIII с датами спилов 889, 890, 895 гг. — общая 889—895 годы, настил со спилом 894 года и постройка 4, имеющая дату спила 896 г. Общую дату горизонта можно определить 890-ми годами, скорее всего, его первой половиной. Столб с датой 904 г. явно установлен позже периода основного строительства в данном месте ¹¹.

Во время раскопок обнаружены свыше 3000 обломков керамики. По горизонтам эти предметы распределяются примерно поровну (рис. 22—23). Среди находок 64 кружальных образца и три чернопощеных, из которых один, вероятно, от

¹⁰ Опись №№ 500, 512—513, 517, 519, 523—528, 532—536, 539—542, 544—546, 549—551, 557, 577, 584, 586—587, 590—591, 596—600, 603, 605—606, 608—614, 616—621, 624—625, 627—630, 632—636, 640, 642—643, 645—646, 648, 649, 654—661, 663, 665—673, 677, 681—685, 687—688, 692—694, 704, 707, 710—717, 719—720, 725, 728, 734—736, 738—739, 741—742.

¹¹ Спилы № 10 и 20 с датами 928 и 924 относятся к большой постройке, раскопанной в 2002 г.

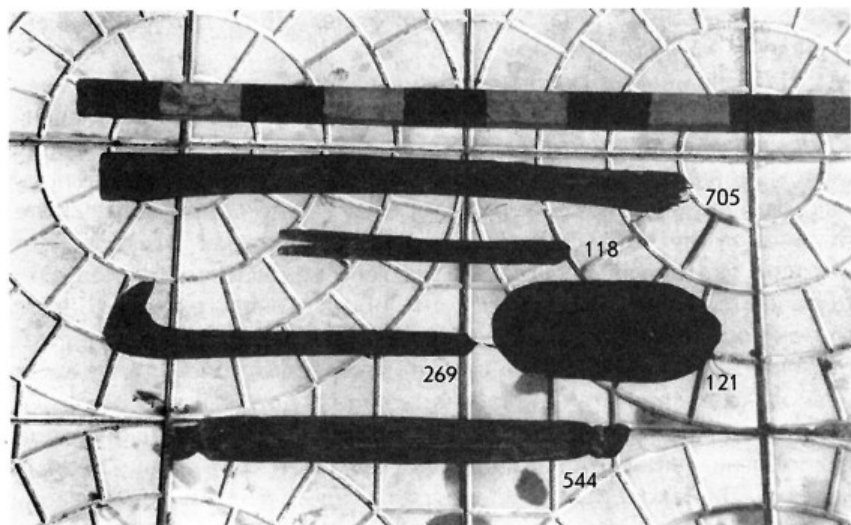


Рис. 19. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
Деревянные: крюк (№ 269), поплавок (№ 121),
неопределенные предметы (№№ 705, 118, 544)

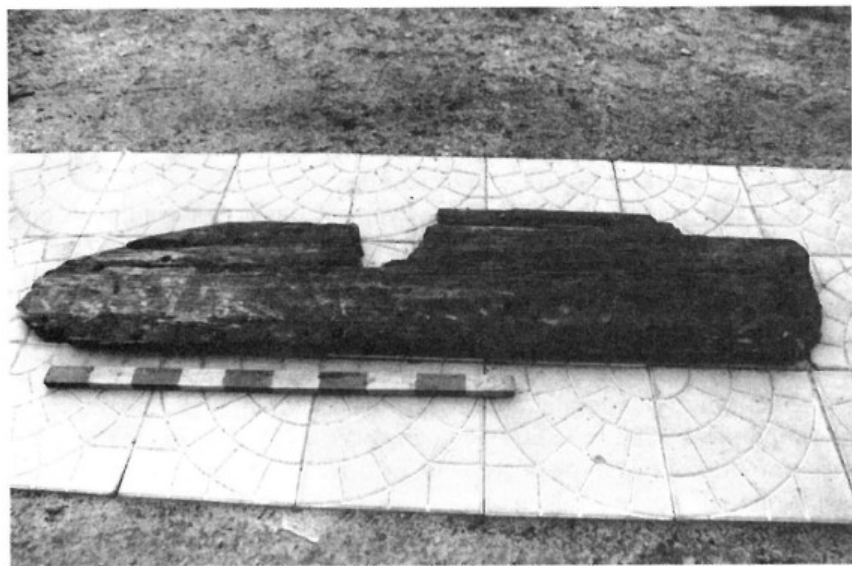


Рис. 20. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
Обломок палубной корабельной доски (№ 733)

сосуда фризского типа. Он покрыт орнаментом с применением оловянной фольги.

На обломках кружальной посуды зафиксированы, правда как редкость, узоры в виде многорядной волны, параллельных линий и косых ладьевидных углублений. Нахождение такой посуды среди массы лепных изделий нельзя приписать полностью ее проникновению из более верхних слоев, например, вследствие перекопов или случайному выпадению из стенок раскопа. Ряд находок оказались в квадратах, где явно не было перекопов. Эти образцы соответствовали времени образования тех горизонтов, где они обнаруживались. Нахождение такой посуды в этих напластованиях примечательно и свидетельствует о более раннем, на несколько десятилетий, чем утверждалось до сих пор, появлении горшков, изготовленных на гончарном круге. Поиски новой технологии выработки посуды коснулись и формовки лепных изделий. На некоторых экземплярах следы заглаживания травой, на других видны следы подправки на гончарном круге в виде ровных мелких параллельных бороздок на внешней поверхности. Во всех горизонтах лепная посуда господствовала и, судя по ее фрагментам, относилась к однообразным формам со сглаженным или ребристым плечиком тулова. Редкие образцы орнаментированы в виде ногтевых защипов по краю венчика, круговых вдавлений трубочкой и пальчиковых углублений. Целых образцов не встретилось, но по отдельным обломкам можно судить об общих размерах глиняных горшков. Диаметр горловины 12–28 см, обычно 18–24 см, донца — около 8 см.

В итоге раскопки 2003 г. в Старой Ладоге выявили четко датированную строительную, производственную и бытовую культуру Ладоги последних десятилетий IX—начала X вв. с ее выраженной ремесленной направленностью. В исследуемом месте средневековой Ладоги, очевидно, находились потомственные мастерские, помещавшиеся в жилых домах.

Экспедиция внесла существенный вклад в подготовку и проведение в 2003 г. 1250-летия Старой Ладоги, обосновав этот юбилей как государственный, представив ряд выставок и выступлений на конференциях и симпозиумах. По инициативе экспедиции в Старой Ладоге под эгидой ЮНЕСКО состоялась юбилейная конференция «Ладога и истоки российской государственности и культуры», организованная правительством Ленинградской области. Юбилей древнего города ознаменовался



Рис. 21. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
Настил и части постройки 4.
Вид с востока

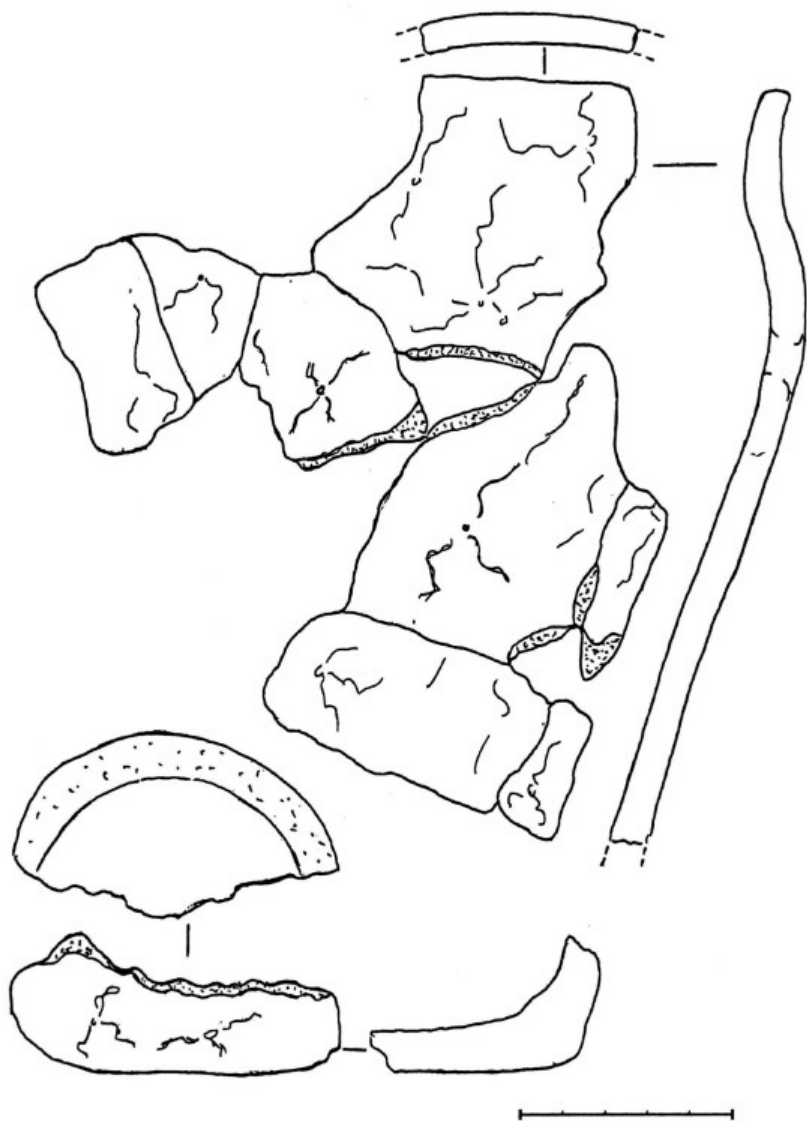


Рис. 22. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
Фрагменты лепного сосуда и донце

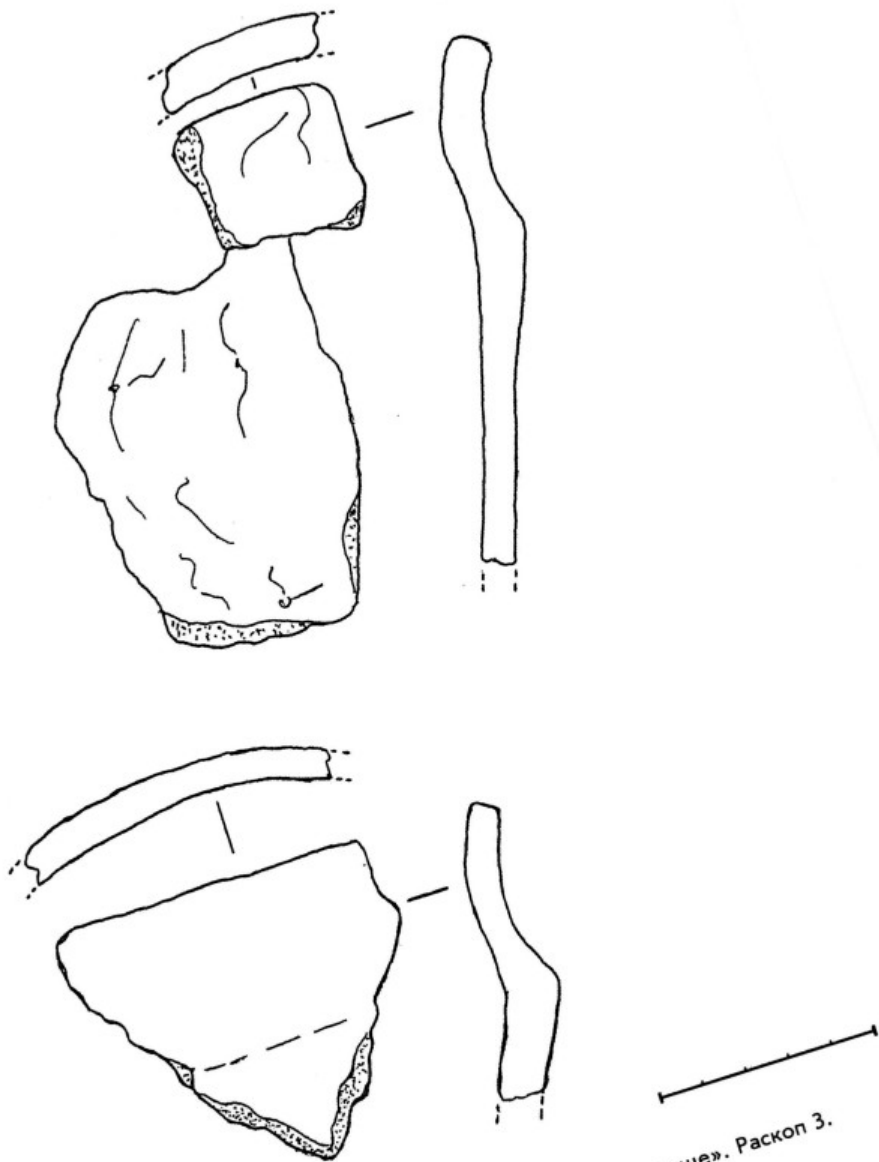


Рис. 23. Старая Ладога, «Земляное городище». Раскоп 3.
Части лепных горшков

посещением поселения в низовьях Волхова Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, который побывал в новооткрытом Музее археологии и внимательно познакомился с находками Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН.

Раскопки в Старой Ладоге были продолжены в 2004 г.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Богуславский Олег Игоревич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН).

Верибская Людмила Алексеевна — действительный член Российской академии образования, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ).

Вилинбахов Георгий Вадимович — доктор исторических наук, главный герольдмейстер РФ, заместитель директора Государственного Эрмитажа.

Кирпичников Анатолий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом славяно-финской археологии ИИМК РАН.

Мачинский Дмитрий Алексеевич — историк-археолог, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа.

Михнёва Татьяна Леонидовна — председатель Координационного Совета русских общественных организаций Литвы, руководитель делегации Литвы, участвовавшей в работе первой Международной экспедиции-школы в Старой Ладоге.

Носов Евгений Николаевич — член-корреспондент РАН, директор ИИМК РАН, доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии исторического факультета СПбГУ.

Сабурова Рита Эльмаровна — член Эстонского Объединения учителей истории, член Союза Российских соотечественников Эстонии, руководитель делегации Эстонии, участвовавшей в работе первой Международной экспедиции-школы в Старой Ладоге.

Пиотровский Михаил Борисович — член-корреспондент РАН, директор Государственного Эрмитажа.

Романков Леонид Петрович — кандидат технических наук, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса.

Толстая Татьяна Никитична — писатель.

Толстой Михаил Никитич — доктор физико-математических наук, Советник Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

CONTENTS

<i>A. N. Kirpichnikov</i> . The virginal cup	5
<i>A. N. Kirpichnikov, O. I. Boguslavsky</i> . Ancient Ladoga — capital city, fortress and port of historical Russia	17
<i>D. A. Machinsky</i> . About Ladoga and original Russia	46
<i>E. N. Nosov</i> . At the beginning of Russian history. Between Ladoga and Novgorod	70
<i>M. N. Tolstoy</i> . Russia and its compatriots	84
<i>R. E. Saburova</i> . Russians in Estonia (historical review)	107
<i>T. L. Mihneva</i> . Russians of Lithuania today	119
<i>M. B. Piotrovsky</i> . The Hermitage as symbol of history and culture of Russia	126
<i>G. V. Vilinbahov</i> . Double eagle in Russia	149
<i>T. N. Tolstaya</i> . Russian language and translation	181
<i>L. A. Verbitckaya</i> . To preserve the beautiful Russian language — our task	213
<i>L. P. Romankov</i> . Russia and human rights	235
<i>A. N. Kirpichnikov</i> . Archaeological dig of «Earth site of ancient settlement» of Staraya Ladoga held in 2003	251
About the authors	285

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. Н. Кирпичников. Неотпитая чаша</i>	5
<i>А. Н. Кирпичников, О. И. Богуславский. Древняя Ладога — сто- льный город, крепость и порт исторической России</i>	17
<i>Д. А. Мачинский. О Ладоге и первоначальной Руси</i>	46
<i>Е. Н. Носов. У начала русской истории. Между Ладогой и Нов- городом</i>	70
<i>М. Н. Толстой. Россия и её соотечественники</i>	84
<i>Р. Э. Сабурова. Русские в Эстонии (исторический обзор)</i>	107
<i>Т. Л. Михнёва. Русские Литвы сегодня</i>	119
<i>М. Б. Пиотровский. Эрмитаж как символ истории и культуры России</i>	126
<i>Г. В. Вилинбахов. Двуглавый орел в России</i>	149
<i>Т. Н. Толстая. Русский язык и перевод</i>	181
<i>Л. А. Вербицкая. Сохранить прекрасный русский язык — наша задача</i>	213
<i>Л. П. Романков. Россия и права человека</i>	233
<i>А. Н. Кирпичников. Раскопки Староладожского «Земляного горо- дища» в 2003 г.</i>	251
<i>Коротко об авторах</i>	285

СТАРАЯ ЛАДОГА

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ-ШКОЛА



В авторской редакции
Технический редактор Г. В. Преснова
Компьютерная верстка Е. Н. Ананченковой, Л. Г. Ивановой
Корректоры: В. Л. Талзи, Н. И. Шишкова

Сдано в набор 16.11.2004. Подписано к печати 20.12.2004.
Гарнитура Journal. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Печать офсетная. Печ. л. 19,75. Усл. печ. л. 16,8 + вкл.
Тираж 500 экз. Заказ № 493.

ГП ИПК «Вести»
191311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3.